

АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
МОДЕРНИЗМА И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ**

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**ЭПОХА БОЖЕСТВ В МАСКАХ И
ЗАВУАЛИРОВАННЫХ ЦАРЕЙ**

Том

1

**Москва
2011**

Абдулла ОДЖАЛАН

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
МОДЕРНИЗМА И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ**

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЭПОХА БОЖЕСТВ В МАСКАХ И ЗАВУАЛИРОВАННЫХ
ЦАРЕЙ**

ТОМ

1

Москва 2011

Абдулла ОДЖАЛАН

**«Проблемы Преодоления Капиталистического Модернизма И Демократизация /
Цивилизация Эпоха Божеств В Масках И Безликих Царей / том 1» / Перевод, Я.С.
Балаян, / Редактор, Валерия Ахметьева / Корректор Мустафаев Мамед.**

Перед вами первая книга пятитомного труда национального лидера курдского народа Абдуллы Оджалана. Эта работа, являющаяся Защитной речью, предназначенной для Европейского суда по правам человека, обобщает и раскрывает предыдущие монографии автора. В историко – философского исследовании Абдулла Оджалан предлагает свое видение возникновения и развития истории с первобытно – общинного строя до наших дней, дает глубокий анализ цивилизации и государственности, аргументируя свою точку зрения на политические процессы. Эта защитная речь должна стать выявлением проблематики и необходимости преодоления капиталистического модернизма и рассмотрением, в качестве альтернативного решения, политической системы демократизации и ее связи с идеями свободы.

Особое внимание уделено курдскому вопросу, одному из острейших проблем не только Ближневосточного региона, но и всего мира.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Абдулла ОДЖАЛАН 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Часть первая. О методике и поиске истины	23
Часть вторая. Основные истоки цивилизации	81
1. Чем человечество обязано Тавро-Загросской дуге?	84
2. Проблемы распространения арийского языка и культуры	92
3. Общественный прогресс на базе Плодородного (Золотого) Полумесяца и правильное толкование жизни	104
Часть третья. Урбанистическая цивилизация. Эпоха богов в масках и безликих царей	129
1. Как следует толковать шумерское общество?	134
2. Верное толкование цивилизованного общества	155
3. Проблема распространения цивилизации	184
4. Этапы цивилизации и проблемы сопротивления	238

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда я был доставлен в имралинскую тюрьму, то первым мне навстречу вышел представитель руководства Европейского комитета по предупреждению пыток при Совете Европы. «Вам предстоит находиться в этой тюрьме; мы же через Совет Европы будем контролировать ситуацию и постараемся найти решение некоторых проблем», — таковы были ее первые слова. Совпадение интересов греческого национального государства, которое передало меня под контроль ЦРУ США, совершив предательство, аналог которого крайне редко можно встретить во всей истории человечества, с интересами Турецкой Республики привело к тому, что в эпоху «голых королей и божеств без масок» я роковым образом оказался прикованным к имралинским скалам подобно герою мифа о Прометее.

Еще более поразительным оказалось удаление меня из Сирии, положившее начало данному процессу. Мировоззрение, изгнавшее меня из Сирии, по своей сути основано на значении, которое я придавал дружбе, и столкновении противоречий курдской политики Израиля. В частности, Израиль, рьяно взявшийся за патронаж над курдской проблемой после Второй мировой войны, настолько чувствителен, что не может смириться с альтернативным способом решения курдской проблемы, которая в моем лице становится все более существенным. Предложенный мной способ урегулирования категорически не входил в планы Израиля. Не буду отрицать, «Моссад» косвенными путями пытался склонить меня к своей концепции решения. Но ни морально, ни политически я не был готов к этому. Арабское руководство Сирии

ни в коей мере не хотело изменять характер взаимоотношений, в которых преобладала тактическая сторона. Что касается Хафеза Асада, то он стал лидером в условиях столкновения гегемоний США и Советского Союза. На критическом этапе в связи с распадом СССР Асад оказался не в состоянии защитить свои тактические достижения. Используя фактор моей личности (формирование РПК) он стремился сохранить баланс взаимоотношений с Турцией, в определенном смысле противостоял угрозам Турции, прозвучавшим в адрес Сирии в 1958 году, и ее излишне произраильской ориентации. То, что РПК оказалась удобным средством воздействия, позволило сформировать длительные тактические взаимоотношения. И никто особенно не стремился разглядеть в этом возникновение второй (альтернативной) курдской политики. Усилия турецких властей в этом смысле не имели никакого успеха.

Даже этот краткий экскурс в историю свидетельствует, что именно Израиль стал основной силой, способствовавшей моему отъезду из Сирии. Несомненно, немаловажную роль при этом сыграли политическое давление США и военное давление Турции. Не следует забывать, что Израиль вел тайные переговоры с Турцией еще в 50-е годы прошлого столетия, а дополнительное соглашение под названием «антитеррор», заключенное в 1996 году, фактически сформировало союз США, Израиля и Турецкой Республики против РПК.

Другим немаловажным фактором, который следовало бы рассмотреть в рамках данного процесса, является сотрудничество сформированного в 1992 году Курдского Федерального Собрания с властями Турецкой Республики на основе совместной борьбы с РПК, на которое пошли руководители ДПК и ПСК, поддерживавшие тесные связи с США и Израилем. Безусловно, в тех условиях действия турецкого правительства и военных были тактически. Но история развивается по собственным, свойственным лишь ей законам. Разнообразные подходы предопределяют развитие серьезных процессов. Историческая ошибка Турции, вызывающая сегодня гневный отклик, обусловлена ее узкой, эгоистической, односторонней позицией.

В 1998 году, вследствие слияния всех этих факторов, направленных против меня, мне пришлось покинуть Сирию. Должен откровенно сказать, что я и сам четко осознавал необходимость отъезда из Сирии. Ожидание было крайне тяжелым, и я чуть было не подпал под обаяние политической линии, развиваемой в отношении Курдистана и моего собственного подхода к дружбе, который я хотел поднять на стратегический уровень. Надо признать, что руководство Сирии на самом высоком уровне увидело в этом очень серьезную опасность. Я должен признать это. Но я и по сей день придерживаюсь тезиса о важности и незаменимости стратегической дружбы народов. Именно такие представления привели меня в Грецию. Еще одним важным фактором стало стремление к развитию достойных дружеских отношений если не с властями, то с народом Греции. Изучение классической культуры и трагической истории Греции было в высшей степени необходимо; дружба эта была совершенно необходима.

У меня был еще один выход — горы Курдистана. Еще в детстве меня обзывали 'Dînê çolê, dînê çiya', что значит «безумно любящий горы и долины». Но многовекторный анализ ситуации отодвинул эту возможность на второй план. Принимая во внимание тот факт, что мое пребывание в горах, на родине, неизбежно привело бы к бомбардировке, вооруженным столкновениям и, кроме того, к уничтожению нашего народа и нашего освободительного движения, я понял, что концентрация на военном решении проблемы практически неизбежно означает ошибочный переход на тропу войны. Другим не менее важным обстоятельством, о котором я думал, стало стремление к воспитанию и обучению молодежи, неграмотность которой приняла попросту невероятные масштабы.

Утверждения некоторых официальных и неофициальных кругов Турции о том, что усиление давления на курдское движение привело к успеху, неверны по сути. К тому же несмотря на то, что аналогичная политика давления в настоящее время активно применяется в отношении Ирана и Ирака, очевидно, что она безрезультатна. Что касается тактических взаимоотношений Сирии и Ирана, то сейчас невозможно понять, к каким результатам они

приведут. Можно сказать, что эти страны прибегли к политике, которая может стать причиной многих осложнений. Возникает вопрос, готово ли правительство Турецкой Республики к любым последствиям, которые могут возникнуть вследствие обострения противоречий по оси США — ЕС — Израиль с одной стороны и Иран — Россия — Китай с другой стороны?

Уроки, вынесенные мной из трехмесячных приключений на маршруте Афины — Москва — Рим, несомненно, имеют историческое значение. С этими приключениями напрямую связано и мое стремление понять суть капиталистического модернизма — основного понятия данного труда, сквозь призму тысячи и тысячи масок и тяжелой брони, в которую оно оказалось заковано. Если бы не это, думаю, что не было бы не только этой книги, более того, я бы оставался в узах классического примитивно-националистического государственнического подхода или мне бы пришлось смириться с судьбой классического левого деятеля, подобно сотням других, в том числе основателям государств. Я всегда стараюсь придерживаться мнения, что принцип общественных наук — умение избегать конкретных формулировок. Но при этом у меня сложилось отчетливое ощущение, что мое мышление сейчас находится на пике своей аналитической силы.

Для меня совершенно очевидно следующее: истинная сила капиталистического модернизма зиждется ни на деньгах, ни на оружии; его истинная сила заключается в том, что она душит все утопии, включая последнюю и самую сильную из них — социалистическую, в собственном либерализме, способном окраситься в любые цвета и дать фору самому ушлому фокуснику. Пока не будет раскрыт механизм, позволяющий капитализму душить посредством либерализма все утопии человечества, не только не может идти речь о какой-либо борьбе с капитализмом, но, более того, даже философские школы, утверждающие свое превосходство над всеми остальными, не смогут избежать участи прислужников капитализма. Никто лучше Маркса не смог провести анализ капитала, мало кто смог углубиться в теорию государства и революции так, как это сделал Ленин. Но сегодня выясняется, что несмотря на несовместимость позиций марксизм-ленинизм пре-

доставил капитализму очень серьезный материал, сделав неоценимый подарок, потому что капитализм и по сей день продолжает строить расчеты на наших чаяниях и волеизъявлении и пожинать плоды. Я не воспринимаю это ни как злой рок, ни как неизбежное диалектическое явление. Напротив, я пытаюсь сделать вывод о необходимости более тщательного изучения утопий свободы.

Пока вопрос личности и общества, скомпрометированных либерализмом, не будет окончательно решен и объединен с естественным ходом истории, мир обречен на смерть от социального рака. В дальнейшем я остановлюсь на этом очень подробно.

Я хочу сказать следующее: совершенно очевидно, что не разобравшись с заволаживающей системой, которая стоит за спиной представителя Совета Европы - той самой семидесятилетней дамы, фактически пригласившей меня в имралинскую тюрьму, и капиталистическим модернизмом, я не смогу правильно разобраться в собственной судьбе. Мой арест от начала и до конца был инспирирован тройкой Израиль — США — ЕС ослабленной Советской Россией. Что касается правительств Сирии, Греции и Турции, то они на деле сыграли роли второго плана.

В ходе допросов я открыто заявил представителям четырех турецких основных силовых структур — Разведывательного управления Генерального штаба, Национального комитета по координации разведки, Главного управления безопасности и Жандармерии, — что их радость по поводу моего ареста совершенно бессмысленна. То, что они подло и так цинично, что не укладывается в понятия о человеческом поведении даже кочевых бедуинов, использовали дружеские отношения, организовав невиданный по своему масштабу заговор, и бросили меня в самолет, вовсе нельзя назвать смелым ведением войны. Даже этот факт откровенно свидетельствует о том, что капиталистический модернизм, гегемоном которого являются США, есть ничто иное, как обычный либерализм: система, повсеместно насаждающая механизмы угнетения и эксплуатации.

Нельзя сказать, что в ходе своей борьбы я не познакомился с таким явлением, как турецкий национал-этатизм. И даже находясь в самом невыгодном положении, в одиночку, нашел в себе

смелость выступить против него. Все, кто были свидетелями этого, могут подтвердить, что я боролся честно. В этом нет ничего, достойного забвения, ведь речь идет о смертном приговоре, вынесенном курдской идентичности. У меня было два пути: или сопротивляться, не забывая о себе и о чувстве собственного достоинства, или потеряться в омуте обезличенного бесполого рабства. Я не спорю с реальностью, я даже не испытываю никакого гнева. Истинной причиной моего гнева является другое основополагающее явление — неумение противостоять идейной глупости. На словах человек обладает самыми обширными правами, но на деле небольшая группа людей эксплуатирует человечество и навязывает ему такую войну, которая не наблюдается нигде в мире одушевленных существ. Но эксплуататорам и этого мало: они хищнически используют природу, результатом чего становится полностью отравленная окружающая среда.

Общество, в котором я родился, полностью находилось под культурным влиянием неолитического села. В его основе лежат искренняя дружба и честная борьба. Я вырос именно на таких чувствах. Но самые негативные явления, выходящие за рамки цивилизации, в форме самого жесткого отчуждения давно уже стали злым роком. Однако и этого оказалось недостаточно, и тогда капиталистический модернизм, объединившись с самой жесткой и консервативной традицией, буквально задушил это общество в национально-государственном окружении с явными признаками этнического национализма, дошедшего до шовинизма — и этот идеологический узел очень трудно распутать. Если к этому прибавить еще силу, постоянно держащую палец на спусковом крючке, то станет ясно, что синонимом слова «судьба» является обреченность на жалкое существование еще до факта рождения.

Отъезд из Турецкой Республики не был для меня результатом какого-либо серьезного сопротивления. Скорее он был вызван стремлением к поиску новых возможностей для решения некоторых вопросов левой национальной политики, увязших в плену догм. РПК на Ближнем Востоке не имела каких-либо шансов, кроме как, воспользовавшись пробелами в системе, достичь

некоторых незначительных результатов. Но тем не менее, с точки зрения развития в качестве силы, противостоящей системе, партия имела неоценимое значение для всего Ближнего Востока.

С точки зрения достигнутых результатов, очень важен тот факт, что РПК основательно ушла в вооруженную борьбу, в первую очередь в горах. Для курдского народа это означало постепенное вовлечение в политику. Отрыв от классического соглашательства впервые стал восприниматься как свободная альтернатива. Не стоит ждать от деспотических режимов, оставшихся со времен средневековья, или так называемых современных национальных государств сколько-нибудь реалистичного приемлемого выхода из сложившейся ситуации. Именно по этой причине происходит сплочение вокруг тезиса «РПК — это террористическая организация» курдских ренегатов и национальных государств региона, а также империалистических гегемонов. Свободная курдская идентичность на уровне личности и общества стирает все их затверженные догматы. Исламская завоевательная идеология и националистическая идеология либерализма давно уже исключили из списков и вывели за рамки истории такое понятие, как свободная курдская идентичность.

По сути, то, что происходит со мной, есть ничто иное, как игнорирование свободной курдской идентичности и ее обречение на вечное заточение в тюрьме, созданной для одного человека на острове. Политика, ежедневно применяемая на протяжении девяти лет в тюрьме Имралы, носит системный характер. Относиться к этому как к общей политике, применяемой в турецкой пенитенциарной системе, — серьезная ошибка, которая порождает политические тупики и противостояние как для курдов, так и для турок.

Я очень хорошо осознал, что тюркская идентичность не может самостоятельно ни воевать, ни примиряться. Капиталистический модернизм уготовил Турции роль жандарма, который должен довести все народы Ближнего Востока, в том числе турецкий народ, до состояния, позволяющегося сделать их объектом капиталистического гнета и эксплуатации, и Турция ревностно охраняет интересы этой системы.

Для них очень важны тюркская и анатолийская культуры, накрепко связанные, и в Европе, и за ее пределами. Нельзя считать, что применяется какая-либо конкретная политика. Самая утонченная политика и стратегия, как правило, осуществляются содержательно и комплексно. С этой точки зрения примечательны взаимоотношения НАТО и ЕС.

Даже те обстоятельства, которые я пытался разъяснить по сегодняшней день, свидетельствуют о том, что, не осознав во всей глубине суть капиталистического модернизма, невозможно строить осознанную защиту. Совершенно очевидно, что краеугольный камень защиты бессмыслен в рамках сухого права. Поверхностный политический и стратегический подход не в состоянии пролить свет на то, почему вновь оказался заблокированным процесс «повторного суда».

Требования повторного суда имеют большое значение и с точки зрения открытого решения вопроса о свободной курдской идентичности. В своей книге «Демократическая республика», а также защитной речи для ЕСПЧ «От шумерского государства жрецов к демократической цивилизации» и книге «В защиту народа», ставшими ответом имитационной турецкой судебной системе, я постарался разъяснить истинную суть демократии и справедливости. А эта моя защитная речь должна стать выявлением проблематики и необходимости преодоления капиталистического модернизма и рассмотрением, в качестве альтернативного решения, политической системы демократизации и ее связи с идеями свободы. Тем самым требование повторного суда еще раз свидетельствует о цельном и законченном характере моих защитных речей.

Я уже говорил, что первое судебное разбирательство, проведенное на острове Имрали, носило имитационный характер. В действительности не было никаких условий для осуществления квалифицированной юридической защиты. Все, до мельчайших деталей, было заранее запланировано. Все было реализовано по предварительному плану: дата решения, характер и страна происхождения старшего следователя, участники, сроки, вплоть до подробностей привлечения средств массовой информации. В

этом плане была достигнута договоренность с США и ЕС. Мне не дали возможности воспользоваться правом на судебную защиту. В принципе, не было и речи о каком-либо праве. Такое положение устраивало и ЕС.

Проблема заключалась в том, как использовать меня в рамках фундаментальной курдской проблемы. Все должно было служить этой цели. В принципе, процесс, происходивший в Кении, с самого начала и до конца попирает право ЕС. Более того, это стало попираем законов как самой Кении, так и Турции. Тот факт, что власти постоянно говорили о смертной казни, имел чисто политический характер. Таким образом меня хотели напугать. В этих условиях мне необходимо внести свой вклад в развитие политических процессов. Большое значение в этом смысле имеет тот факт, что мои защитные речи носят характер политических посланий. Более того, совершенно необходимо найти основополагающие ответы на ошибочные действия, чреватые серьезными последствиями. Я постарался сделать именно так. Именно на этом основана идейная направленность всех защитных речей, написанных в тот период. Только на этой базе можно было избежать участи инструмента в игре и внести свой вклад в дело освободительной борьбы.

Скажу откровенно, я ждал от Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) решения о том, что мой арест был незаконен. Это могло бы создать почву для справедливого судебного разбирательства. Однако такое решение принято не было, что тоже стало актом беззакония. Европейский суд вынужден был констатировать факт несправедливого судебного разбирательства. Впрочем, все было откровенно и прозрачно. Пока я ждал справедливого суда, Совет ЕС в одностороннем порядке, после долгих переговоров с турецким правительством, в обмен на политические дивиденды, которые ЕС считал для себя очень важными, способствовал тому, что по материалам так называемого дела, являющегося самым настоящим правовым скандалом и в десятках пунктов противоречащего нормам закона, 11-й суд по особо тяжким преступлениям Анкары и 13-й суд по тяжким преступлениям Стамбула, которые, по сути, являются атавизмами бывших судов госу-

дарственной безопасности, оставили ранее вынесенные решения без изменений. Достигнув договоренности по данному вопросу с Комитетом министров ЕС, дело вновь вернули в ЕСПЧ. Ответа ЕСПЧ мы ждем и по сей день. Подлинным предметом беспокойства является реакция суда на собственное решение по вопросам справедливого судебного следствия. Готовясь представить в ходе судебного разбирательства настоящую, юридически обоснованную защитную речь, мы фактически остались ни с чем. По сути, судебное разбирательство так и осталось фарсом.

В данном процессе еще более четко прояснилось следующее обстоятельство: комплекс проблем, связанных с РПК, курдским вопросом и лично со мной способствовал большему сплочению и солидарности по оси США — ЕС — Турецкая Республика. В обмен на широкие экономические преференции Турция, игнорируя курдский вопрос в самой Турции, настояла на оказании условной поддержки Курдской федерации в Ираке. С каждым днем становится все очевиднее, что по данному вопросу очень активно проводились различные встречи. Впрочем, обсуждение экономических дивидендов и соглашения с США проводились вполне откровенно. Следовательно, важнейшей из них оказалась договоренность о моем аресте, содержании под стражей без судебного следствия, ликвидация на корню курдского вопроса в Турции и объявление РПК «террористической организацией». МВФ и Копенгагенские критерии ЕС стали прикрытием самых грязных соглашений.

Я должен открыто заявить, что не ожидал таких грязных и сомнительных поступков от структурных подразделений ЕС. Эти события натолкнули меня на необходимость серьезно и глубоко задуматься о демократических нормах ЕС и его отношении к вопросу о правах человека. Фундаментальный характер проблем и необходимость их кардинального решения побудило меня самым серьезным образом задуматься об этих вопросах. Несомненно, ЕС сделал серьезный шаг вперед в плане защиты прав человека и демократии. В этом смысле Евросоюз является оплотом надежды нашего мира. Но беда в том, что капиталистический модернизм, лежащий в его основе, буквально сковал деятельность этой орга-

низации, не давая ей возможности совершать дальнейшие прогрессивные шаги.

Русские революционеры связывали свои надежды с тем, что победа революции в России станет гарантией революционных побед, по меньшей мере, в значительной части Европы. Но, как известно, их ожидания не оправдались. Напротив, либеральная контрреволюция в Европе буквально растворила в себе и Россию, и всю систему под ее руководством. Аналогичная ситуация имеет место и сегодня применительно к демократическим революциям. Для того, чтобы ожидания от Европы не привели к тем же результатам, сегодня, в эпоху наивысшего развития всемирного капитала, наиболее реальными были бы поиски на пути всемирной демократизации. Поиски европейской демократии в сфере прав человека и свобод могут обрести смысл только в рамках данной парадигмы.

Положения, которые я хочу обрисовать в общих чертах, требуют самого серьезного, фундаментального ответа на вопрос, почему они не хотят «справедливого судебного разбирательства». Они требуют привязки к фундаментальным источникам тех основных обстоятельств, которые я ранее разрабатывал в своих защитных речах. Несмотря на то что чрезмерная привязка может привести к серьезным ошибкам восприятия, об этом следует постоянно беспокоиться, если источником проблемы становится модернизм. Впрочем, основные разделы, которые я постарался осветить в своем труде, внутренне единые и способны свести до минимума подобные опасения.

После вводной части следует глава «О методике и поиске истины». Как известно, методика — это путь привычных исследований. Определение путей, к которым неоднократно прибегали как в истории, так и сегодня, может серьезным образом пролить свет на истину.

Раскрытие основных причин методических понятий в комплексе всех позитивных и негативных сторон заметно облегчит усилия, направленные на решение вопроса. Даже если методика не страдает болезненными признаками, необходим путь, которому надо будет постоянно следовать.

Говоря о постижении истины, мы подразумеваем то, как «наилучшим образом постичь смысл жизни». Важнейшим для каждого серьезного исследования являются поиск ответов на вопросы, давно уже занимающие человеческий разум: что такое истина, реальность, как их постичь, можно ли вообще это сделать? В комплексе с характеристикой таких понятий, как «объективизм» и «субъективизм», буквально захвативших человечество, я постараюсь расшифровать также некоторые другие фундаментальные понятия.

В главе «Осознанное разделение категорий места и времени в общественном развитии» будет освещен вопрос о том, что вопросы фундаментальных категорий общественного развития не должны рассматриваться в отрыве от категорий места и времени.

Абстрактное толкование общественных образований и их особенностей в форме сухих исторических явлений или в форме игнорирования категории места может способствовать превращению наших рассуждений об обществе в хаос или в орудие самых подлых интересов; в результате под маской «истины» восторжествует риторика, способная оболгать все общество, или самая настоящая демагогия. Если в процессе максимально открытого воссоздания социальных истин взять за основу отличающие их категориальные признаки места и времени, то заметно возрастут возможности осмысливания такого понятия, как «человеческая жизнь». Это поможет выявить лживый и спекулятивный характер многих постулатов. Говоря конкретнее, мы постараемся отобразить историческое и локальное развитие современной цивилизации — имеются в виду наиболее успешные ее формы — в ракурсе осознания ее основных элементов.

В главе «Эпоха голых королей и божеств без масок» я постарался открыто рассказать о зарождении капитализма как формы производства и о том, как капитализм способствовал возникновению раковой опухоли на теле общества. Я постарался расшифровать внутреннюю суть капитализма, которая на первый взгляд вроде бы ясна, но на самом деле, благодаря методам, понятиям и постулатам, направленным на создание войны всех против всех и системы знаний, созданных с помощью подчиненных ей по-

литической системы и науки, превращает войну в неизбежный мысленный тупик. Я постарался раскрыть способность системы превращения марксизма, анархизма, национально-освободительного и даже социал-демократического движений, всех течений, борющихся с системой, в удобный инструмент для использования в собственных целях. Я задаюсь вопросом: как товар и прибавочная стоимость, которые изначально не воспринимались всеми общественными образованиями, вдруг умудрились превратиться в божеств, господствующих в обществе? Как случилось, что немногочисленные монархи прошлого, некогда привыкшие облачаться в красочные одеяния, создававшие для себя привилегии в виде крепостей и дворцов, вдруг резко выросли в числе и, обнажив свою суть, стали неким неделимым целым со своей природой? Возникает вопрос, почему система, некогда имевшая развитую науку, сильную власть и материальное благосостояние, превратилась в сообщество, исчезающее на глазах из-за болезней и смертей, развитию и распространению которых способствует окружающая среда и внутренняя структура самого этого сообщества? Я постарался раскрыть тайные стороны этих проблем, найти ответы на них. Мною рассмотрены национально-государственные образования с разветвленными экономическими, социальными и политическими структурами, их истинные роли в научно обоснованном разделении, исходящем как из этого понимания, так и из гипотез; исследован также вопрос о том, как они наполняют жизнь смыслом или, наоборот, обесмысливают ее. Я внес ясность в истинную роль либерализма, превратившегося в официальную религию наподобие национализма и индивидуализма. Я показал, как капитализм становится источником войн во внутренних и внешних структурах обществ, и именно по этой причине жизнь обретает напряженный характер, превращаясь в сгусток стресса и хаоса.

В главе под названием «Эпоха возврата к жизни с утопией свободы» прослеживается путь, который проходит капиталистический модернизм от хаотического существования в пучине кризиса до возврата к жизни, охваченной мечтой о свободе. В этой главе будет идти речь о том, что для возврата к утопическим, ча-

рующим сторонам жизни, вытесненным из сферы капиталистического модернизма, находящегося под господством материальных явлений, необходимо постичь цельность интеллектуального мышления, протянуть руку к вселенной, которую мы называем «свободной жизнью». Я покажу, как шаблоны капиталистического модернизма, полностью лишившие себя смысла, ежеминутно избегая смерти, по сути, приводят к обесмысливанию проблемы жизни и смерти и, попирая все святыни, буквально вырывают жизнь из атмосферы таинственности, волшебства, поэтичности, а взамен создают и навязывают человечеству эпоху смерти и тьмы. Несмотря на то что выбор освободительных утопий, эклектические описания которых можно встретить довольно часто, в символическом плане плохо раскрывается с помощью такого понятия, как постмодернизм, я постарался осмыслить утопию как некий вселенский праздник. Способ производства, присущий данному подходу помимо общественной формации, получит официальный статус в недрах новых сообществ.

В разделе «Эпоха капитализма» Ближний Восток рассматривается отдельно, как самобытное образование. Возникает вопрос, почему Ближний Восток, не сломленный в ходе двух мировых войн, развязанных капитализмом, сегодня превратился в самый кризисный регион мира? Какое развитие событий таит в себе регион, который в определенном смысле (с точки зрения категорий места и времени) стал ареной Третьей мировой войны? Как мы должны осмыслить сопротивление экспансии капиталистического модернизма? Может ли колыбель цивилизации, превращенная в могильник человечества, вновь ожить, став ареной перехода к утопии свободы? Сможет ли регион, очернивший своих святых и тем самым отдавший их в жертву недругам, вновь восстановить их светлый образ, вернуть жизни чарующее волшебство поэзии и музыки, возродив «тип свободы»? Сможет ли Ближний Восток, разрушив производственные и научные шаблоны капиталистического модернизма, сокрушив идолов, сформировать демократичные формы управления, создать производственные группы, сливающиеся воедино с окружающей средой, и полные смысла научные советы? Будем искать ответы на подобные основные вопросы.

В отдельной главе рассматривается роль курдов в Армагеддоне — войне, которая под воздействием ближневосточного капитализма или, иными словами, ислама, в свое время черпавшего смысл в иудаизме и христианстве, преподносится как «конец света». Курдов в каком-то смысле можно назвать народом, который вовсе не является таковым, потому что невозможно встретить какой-либо другой народ или отдельное сообщество, который так яростно отказывался бы от собственных самобытных ценностей, который так легко заставить сделать это. В то же время нельзя назвать курдский народ слабым и не умеющим воевать. Курдский народ представляет собой именно то сообщество, которое в силу своего стратегического географического положения и антропологических особенностей более всего приспособлено вести войну и побеждать. Очень высок боевой потенциал курдских женщин и молодежи. Но курды превращены в людей, боящихся собственной тени. США готовы выбрать это общество как нового важнейшего союзника на Ближнем Востоке. У Израиля есть отдельный курдский проект.

Наш народ, существование которого не только отрицается исламом, но и предается забвению, в противовес всем сектантским образованиям во время Армагеддона займет свое место, скорее всего, рядом с христианами и иудеями. Впрочем, подавляющее большинство составят достойные представители алавизма, езидизма и других конфессий, некогда сплотивших вокруг себя беднейшие слои населения, но ныне потерявшие смысл. Немногочисленная верхушка общества, предводители традиционных и современных исламских сект, быстро отказавшись от роли соглашателей, которую они играли для арабов, турок и иранцев, суетливо ищут новых господ в империалистических метрополиях. Их и состоящие из них небольшие группировки легче всего ликвидировать.

Однако считать роль курдов на новом витке борьбы на Ближнем Востоке и в условиях хаотического периода только соглашательской стало бы очень большой ошибкой. Подавляющее большинство курдов, больше других жаждущее свободной жизни, ждет тех самых осознанных параметров, которые способствуют утоле-

нию этой жажды. Давно исчерпавшие себя средневековые стереотипы неминуемо уходят в прошлое, но мы не должны примерять к себе шаблоны национально-государственного типа, лежащие в основе капиталистического модернизма и не оставляющие народам никаких шансов на свободу. Наиболее приемлемой для курдов политической формой государственного устройства, с точки зрения истории, географии и характерных особенностей, является демократическая конфедерация, она лучше всего позволяет достичь идеалов равенства и свободы. В этом смысле, для решения всех проблем национально-государственных образований, буквально окруживших народы плотным кольцом, а также для того, чтобы не оказаться в котле новых проблем, наиболее благоприятной возможностью политического образования является АОК (КСК) (Ассоциация обществ Курдистана). АОК — наиболее приемлемая модель Демократической конфедерации Ближнего Востока, которая является основной формой возврата к священным ценностям, свободному самовыражению и материальным достижениям таких этносов, как арабы, иранцы, турки, курды, армяне, греки, евреи, кавказские народы, прочие религии и конфессии, которые не знают о том, что такое присущие Европе демократические свободы и права человека, которых лишают мечты о свободной жизни путем регулярной эксплуатации и гнета, подвергают геноциду и планомерно уничтожают в войнах, навязываемых национальными государствами, построенными на фундаменте капиталистического модернизма и вонзившимися в мозаику народов Ближнего Востока. Если в недрах иракского хаоса родится какое-либо федеральное республиканское образование, то это может сыграть в процессе создания такой конфедерации передовую роль.

Третья мировая война, развязанная капиталистическим модернизмом, порождает обострение различных процессов — от самых позитивных, до самых негативных, — которые могут развиться в субъективных, локальных и временных условиях Ближнего Востока. Результат будет предопределен инициативой и усилиями групп, осознавших смысл происходящего. РПК является всего лишь одной из таких групп, которая постоянно развивается, полна смысла и придерживается идеалов свободы.

В итоговой главе раскрывается, что капиталистический модернизм не дает возможности справедливого судебного разбирательства ни мне лично, ни моему народу, избравшему меня своим лидером, ни каким-либо группам народов. Систему, которая постоянно развивается благодаря войнам, как внутренним, гражданским, так и внешним, можно победить, только придерживаясь мечты о свободе и сформировав повсеместные очаги осмысленного сопротивления и зоны справедливости в ответ на эксплуататорскую политику властей. Очевидно, все иные пути не позволят достичь цели, ибо ведут в тупик, и обрекают нас на неполноценную жизнь и прозябание.

Я пишу эту защитную речь в условиях абсолютной изоляции на острове Имралы. У меня нет возможностей для следования привычному стилю исследований, и это не тот путь, который я бы выбрал. Основными источниками моего вдохновения являются наилучшие представители человечества; не буду перечислять их имена, но каждый из них вносит несомненный вклад в деятельность другого. Великие борцы-интеллектуалы и практики — речь идет о борцах за свободу — не могут быть количественной категорией. В этом смысле я выступаю против научного структурирования модернизма. Уверенный в том, что ни один человек, чье свободное волеизъявление может быть так ограничено, как мое, может оставаться таким сторонником свободы и справедливости, я посвящаю свою защитную речь тем людям, которые познали и познают смысл дружеских и товарищеских отношений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
О МЕТОДИКЕ И ПОИСКЕ ИСТИНЫ

Метод, как понятие, позиционируется как совокупность путей, привычек и представлений, основанных на здравом смысле, непосредственно приводящих к результатам, необходимым для достижения цели. Тот путь, что верно и неуклонно приведет к цели, считается правильно выбранным методом. Позитивным будет считаться тот, что проверен и способен привести к цели. Вставшие на путь поиска неминуемо выберут наилучший метод после длительных проверок и проб. Это напоминает взаимоотношения между мюридом и муршидом.

Попытавшись углубиться в историю, мы обнаружим, что первый в истории метод был основан на подходе ко всем явлениям и понятиям с точки зрения мифологии. В узком смысле мифология тоже является методом. Это метод установления истины. За мифологией стоит мировоззрение. Восприятие природы как одушевленной сущности, наполненной духами, каким бы детским лепетом это ни казалось в наши дни, в результате не такая уж ошибка, как кажется на первый взгляд, особенно если учесть высоты, достигнутые наукой. Мертвые, бездуховные, лишенные динамики методики в принципе не глубже мифологических воззрений.

Связь мифологического подхода с жизнью носит конкретно экологический характер, далек от фатализма, открыт для свободы, не основанной на детерминизме. Такое понимание жизни, гармонирующее с природным, вплоть до эпохи великих религий придавало человеческому обществу яркий и очень живой колорит. Мифология, полная легенд, эпосов и священных догм, была

основополагающей формой мировоззрения, особенно в эпоху неолита. Противоречия между легендами и объективной реальностью вовсе не исключают разумного толкования содержания мифов. По сей день можно очень серьезно обсуждать мифы, история, как таковая, мало что представляет собой без их содержания. Для понимания характера человеческого общества, прожившего большую часть своей истории в форме мифов и легенд, попросту неизбежен метод изучения сквозь призму мифологии. Имеются достаточные основания, чтобы утверждать, что научные методы, которые, казалось бы, полностью противоположны мифологическим методам, сами в большинстве основаны на мифах.

Теперь становится неизбежным возвращения доверия к мифологическим методам, мифологическому мировоззрению, которые были скомпрометированы, насколько это возможно, не только монотеистическими догмами, но и их продолжением — научными методами, сторонники которых считают, что руководствуются ничем иным, как строгими законами. Мифы, по сути родственные утопиям, представляют собой форму сознания и мышления, которые человечество не может игнорировать. Согласитесь, оставить разум человека без утопий, мифов (легенд, эпосов) — это все равно, что лишить организм воды. Совершенно ясно, что сила человеческого сознания, представляющего собой совокупность мышления всего одушевленного мира, его богатство, не могут быть сведены только к математическому аналитическому мышлению. Это бы противоречило жизни так же, как и тому, что разум миллионов одушевленных существ не имеет понятия о математике, и человеческое мышление, являющееся совокупностью этих форм мышления, не может быть поставлено в зависимость только от математики. Что касается математики, то она, будучи изобретением шумерской цивилизации, работала как метод расчета избыточного продукта. В современном обществе человеческая логика чуть ли не низведена до уровня калькулятора. Хорошо, как в таком случае мы можем охарактеризовать мышление миллионов одушевленных существ, даже движение частиц, входящих в состав атома, а также астрономические вели-

чины, не поддающиеся расчету? Ясно, что математика бессильна перед этими микро и макровселенными. Поэтому, по меньшей мере, надо быть открытыми для новых методов суждения, дабы не оказаться в плену догм.

Нельзя не отдать должное непосредственным ощущениям. Все, что происходит во имя жизни, скрыто в этих самых ощущениях. Но в то же время нельзя говорить о независимости ощущений от макро- и микромиров. Наиболее близко к истине, что мир этих ощущений представляет собой фундаментальную особенность вселенной. И потому нельзя не подчеркнуть важность мифологического подхода в осознании вселенной. Более того, в наше осознание вселенной мифология внесла не меньший вклад, чем научный метод.

Серьезным этапом стал переход от мифологического метода к догматически религиозному методу. Он напрямую связан с тем, что переворот в обществе, основанный на классовом расслоении и возникновении иерархической лестницы, охватывал и сферу мышления. Взаимоотношения между эксплуататором и эксплуатируемым нуждаются в серьезной догматической базе. Обращение догм такими табуированными ценностями, как святость, божественная воля и неприкосновенность, связано с соблюдением замаскированных и легализованных иерархических интересов, эксплуатацией и властью. В этом смысле можно утверждать, что в любой твердой власти изначально кроется насилие и эксплуатация.

Вторым по продолжительности после мифологического периода в истории человечества стал период осмысления жизни сквозь призму религиозного мировосприятия. Началом его можно считать возникновение письменности, или несколько раньше или позже. Важно понять следующее: почему возникла столь острая потребность в религиозных догмах? Совершенно очевидно, что перед нами метод. Для достижения целей жизни, поиска путей, ведущих к истине, полагалось действовать согласно слову, приписываемому божествам, вознесенным выше природы и общества. Считалось, что те, кто отклонялся от заповедей, обречены на отчуждение, становятся рабами, им грозят посмерт-

ные муки ада. Речь идет о конструировании божеств в масках. Довольно ясно ощущается, что эти божества одновременно являются повелителями и деспотами, насаждающими в обществе гнет и эксплуатацию. Плотная завеса тайны над ними напрямую связана со стремлением обмануть сознание людей. Впрочем, это обстоятельство внятно объясняется тем, что на заре классового расслоения эксплуататоры именовали себя не иначе, как богами. Узаконение собственных высказываний, представление их в качестве истины в последней инстанции стало довольно распространенным историческим фактом. По мере углубления гнета и эксплуатации религиозно догматический метод был возведен в ранг главенствующей формы человеческого мышления. Точнее, он был превращен в некую социальную реальность. Именно таким образом человечество подвели к длительной эпохе рабства под господством деспотов, которые, натянув на себя маски божеств, буквально душили жизнь, иссушали ее благотворные источники.

Предназначение религиозного метода, ставшего привычной формой мышления, было узаконение в обществе рабского поклонения, укоренение фатализма, что стало итогом многовекового воздействия жестких традиций. В истории человечества и глобальная эксплуатация, и ужасающие войны стали возможны именно благодаря этому методу. Жизнь по предписаниям священного слова и велению божеств — таков был основополагающий принцип. Несомненно, этот метод позволял правителям довольно легко управлять обществом. Тем самым исчерпала себя диалектика взаимоотношений пастыря и паствы. Так была заморожена, казалось бы, неминуемая стадия развития общества, более того, был нанесен урон всем ценностям природы и общества. Безальтернативным волеизъявлением создавалась диалектическая взаимосвязь между достаточно уязвимым восприятием природы и общества, с одной стороны, и крайне активным, всепроникающим авторитарным мировоззрением — с другой. Не будет сильным преувеличением сказать, что именно этот метод был основополагающим в мировоззрении, характерном для ранних и средних веков.

Наиболее опасная сторона догматического метода заключается в том, что вместо мировоззрения живой, автономно эволюционирующей природы он насаждает среди людей представление об их уязвимости и о том, что они действуют по велению извне. Самым серьезным результатом его воздействия на общество является то, что упомянутым уязвимым образованиям и управлению обществом извне как неким стадом придается естественный характер. Этот метод настолько же стар, насколько требует чрезмерного субъективизма, и в эпоху средневековья достиг апогея. Объективный мир уже считался непознаваемым и чуть ли не несуществующим. Мир считался временным жизненным пристанищем, а консервативные вечные идеалы были возведены в ранг основной формы жизни. Ученым считался тот, кто лучше других затвердил догмы и клише, такой человек занимал самые высокие ступени социальной лестницы. Подобное мировоззрение антимифического характера успешно сыграло роль проводника или даже надзирателя истории, а в конечном счете — и всей жизни.

Позитивная сторона религиозного метода заключена в значении, которое он придал роли нравственности в обществе. На этой стадии и в рамках данного метода пропасть между добром и злом была разведена до максимума и были установлены конкретные положения. Главное, на что был направлен этот метод, сводилось к тому, что человеческое мышление в силу своей гибкости легко поддается формированию. Основой нравственного развития становится то, что разница между человечеством и животным миром, находящимся ступенькой ниже, заключается именно в мышлении.

Без нравственных устоев невозможны ни социализация, ни управление обществом. Нравственная составляющая метода — это восприятие незаменимых для любого общества реалий, связанных с его образованием и управлением. Развитие общества без подробного анализа позитивных и негативных сторон нравственности неминуемо будет считаться ошибочным. Несомненно, нравственность есть понятие метафизическое, но это обстоятельство вовсе не подвергает сомнению ее значение. Не будет преувеличением утверждение о превосходстве, которое имеет метафизическая мораль современности перед первобытной моралью периода

становления мифологии. Считая общество безнравственным, человек фактически ставит под угрозу существование собственного вида или пригодной для проживания окружающей среды, подобно тому, как некогда динозавры полностью вымерли, полностью исчерпав ресурсы пастбищ. Оба факта означают выход в одни двери, человек в итоге ставит под угрозу факт собственного существования. Наконец, серьезным падением нравственности можно считать в наше время то, что проблемы экологической обстановки превратились в настоящую трагедию.

Догматический метод преобладает не только в основных мировых религиях, но и в классическом древнегреческом мышлении. В нем крайне ограничено место диалектического метода и объективных представлений. В то же время средневековый религиозно-догматический метод базировался в основном на философии Аристотеля и идеализме Платона. То, что Платон был величайшим философом-идеалистом, даже предположительно его основоположником, сделало его символом пророческого подхода к жизни. Платон — первый философ, ближе всех подошедший к статусу пророка.

Представления основных мировых религий о пророках стали составляющей хорошо укорененного в обществе догматического метода. Преобладающими факторами при этом стали созидательные элементы метафизической морали. Будда, Зороастр, Конфуций и Сократ возвели вопрос морали до уровня вершины философского мышления. В частности, у Зороастра вопрос добра и зла, будучи основополагающим в философском учении, рассматривается наравне с противостоянием света и тьмы. Эти мудрецы, чье место в истории неосценимо, помогли человечеству подняться на еще одну ступень в его нравственном развитии.

Серьезную роль в достижении капитализмом уровня и статуса мировой системы сыграл так называемый научный метод. В рамках нового метода, апологетами которого были Роджер Бэкон, Фрэнсис Бэкон и Рене Декарт, с особым рвением подчеркивается водораздел между субъектом и объектом. При этом средневековый догматический метод особого внимания субъекту и объекту не уделял, они скорее находились в тени.

Западная Европа, вставшая на ноги благодаря Ренессансу, своими реформами христианства и философской просветительской революцией вступила в новую эпоху взгляда на субъект и объект. Краеугольными камнями мировоззрения являются такие фундаментальные понятия, как субъективизм человека и объективизм общества. Тем самым догматический метод, в основе которого лежит слово божье, вместе с моралью теряет свое значение. Точнее, вместо завуалированных королей и божеств в масках началась эпоха голых королей и божеств без масок. Особенности капиталистической эксплуатации в данном случае сыграли главную роль. Эксплуатация, осуществляемая во имя прибыли, испытывает повсеместную потребность в изменении восприятия, присущего обществу. Важнейшим фактором, лежащим в основе нового так называемого научного метода, является эта необходимость или потребность. Такие критерии, как совесть (мораль), существование которой никак не хочет признавать общество, могут быть восстановлены в своих правах только благодаря серьезным переменам в мышлении. Важные обязанности выпадают на долю «метода», представляющего собой основной путь к истине. Известно, что Декарт был буквально охвачен болезнью сомнения ради великих преобразований, он сомневался буквально во всем; более того, известно, что он выразил свое кредо так: «Мыслю, следовательно, существую». Хорошо известно, с какой щепетильностью относились к объективизму Бэкон и его единомышленники. Если для Декарта важнее всего была способность личности свободно мыслить, то Бэкон и его единомышленники были уверены в том, что личность вправе по своему усмотрению воспринимать категорию «объект».

В рамках научного метода необходимо заново и предельно тщательно проанализировать понятие объективизма. Характеристика всего неодушевленного и одушевленного мира, в том числе человеческого тела — одним словом, всего, что выходит за рамки аналитического мышления, в качестве объекта имеет ключевое значение для эксплуатации капиталистической машиной природы и общества. Без углубления пропасти между субъектом и объектом, более того, без серьезного узаконения этой пропасти, невозможно достичь переворота в мышлении, достойного новой эпохи.

Если субъект является наиболее значимым и действующим фактором аналитического мышления, то объект, скорее всего — это тот «материальный» элемент, в отношении которого могут быть осуществлены любые спекуляции. Иными словами, он представляет «объективизм». Это разделение стало причиной многих серьезных конфликтов. Так, столкновение между церковью и наукой не стоит воспринимать только как споры об истине. В его основе лежат целые пласты социальной борьбы. В определенном смысле здесь подразумевается борьба между старым обществом, обремененным критериями нравственности, и открыто капиталистическим обществом, стремящимся избавиться от всего лишнего, в том числе от «моральной накидки». Дело даже не в конкретной борьбе церкви с наукой. В более широком смысле речь идет о том, что на смену системе, которая на всем протяжении истории оберегала общественную совесть, запрещала ее эксплуатацию, проклинала эту эксплуатацию, считала ее грехом, пришел новый капиталистический общественный проект, который, напротив, стремится полностью втянуть общество в систему эксплуатации, не признавая при этом никаких запретов, грехов и проклятий. «Объективный подход» является ключевым понятием этого проекта.

Не существует ровным счетом никаких ценностей, которые «объективизм» не мог бы подвергнуть анализу сквозь призму «аналитического мышления». Система может присвоить себе не только труд человека, но и всю живую и неживую природу. Подвергнув все и вся исследованиям и изучению, может установить глобальную сеть эксплуатации. Кроме избранных субъектов, все вокруг может быть подвергнуто механической оценке и безжалостной эксплуатации. «Новыми изобретениями» станут образования личность — гражданин — нация — государство, противостоящие природе и обществу как основной субъект. Именно они, став новыми божествами, но уже без масок, в результате уничтожения отдельных народов делает окружающую среду совершенно непригодной для проживания. Исторический Левиафан, кажется, возвращается еще более дерзко, и, кажется, нет такого объекта, который бы он не собирался присвоить и разорвать на

части. Следует понять, что восприятие объективного подхода как нейтрального определения научного метода неминуемо приведет к серьезным трагедиям, заблуждениям, убийствам и погромам, которые будут гораздо страшнее средневековой инквизиции. Особо следует отметить, что не может быть и речи о том, чтобы определять объективный подход как нейтральный.

Невозможно объяснить нынешнее положение бездеятельностью социологии, точнее, ее банкротством до тех пор, пока сторонники научного метода сами не осознают тот факт, что метод превратился в орудие самого грандиозного классового расслоения. Я должен открыто заявить, что в банкротстве так называемого научного социализма, считающегося наиболее амбициозной социальной наукой, некоторое время назад я и сам считал так, определяющую роль играет объективный «научный метод».

Длительное применение идеи научного социализма и всех его производных, крах этих идей в результате их разрушения внутри или превращение из государственного капитализма в различного рода частные формы капиталистических отношений, имеет место по причине лежащего в их основе «научного метода» и его «объективизации». Я хочу подчеркнуть, что в соответствующих главах я подробно остановлюсь на этих вопросах, и считаю, что сказанного сейчас достаточно. Что касается убежденных борцов за социалистические идеи, не может быть никаких сомнений в искренности их намерений.

Все научные школы, придающее особое значение разделению понятий «субъект» и «объект», привержены своей независимости. Они утверждают, что действуют над всеми возможными общественными ценностями. Наверное, самое серьезное научное заблуждение кроется именно в этих утверждениях. Вероятно, ни в одну историческую эпоху не происходило такого слияния науки с господствующей системой, как это происходит в эпоху капитализма. Научный мир своими методами и достижениями сам целиком и полностью создал эту систему и выступает в качестве силы, охраняющей ее и гарантирующей ее законность. Научный метод капиталистической эпохи и научные воззрения, возникающие на этой базе, функционирование системы во имя получения

прибыли, а также возникающие повсюду вследствие этого войны, кризисы, болезни, голод, безработица, представляют собой ту самую силу, которая способствует экологическим катастрофам и демографическим взрывам. «Знание — сила» — это всего лишь гордое название этой неприглядной реальности.

Может быть, кому-то и захочется сказать «Что в этом плохого?». Если в системе, находящей убежище в броне обездоленности и узаконения своего статуса, раздаются такого рода голоса, звучат подобные суждения, следовательно, имеет место выражение самой естественной реакции.

Самой серьезной причиной того, что капиталистический модернизм сегодня демонстрирует полную несостоятельность, является его «научный метод». Таким образом, жизненно важное значение имеет развитие критического подхода к системе в рамках метода, лежащего в ее основе и в основе порожденных ею дисциплин. Основная слабость всех критических взглядов на систему, включая социалистическую критику, заключается в том, что они используют методы, аналогичные тем, на которые опирается сама система и благодаря которым она существует. Можно сколько угодно критиковать общество, построенное по упомянутому методу, но если критика основана на том же самом методе, она бессмысленна. Те, кто следует по известным, заранее начертанным путям, смогут прийти только до сел и городов, к которым они ведут, не далее. Именно такова участь, постигшая всех противников системы, включая научный социализм.

В своих трудах я стараюсь опираться на классовый и социальный характер противопоставления субъекта и объекта, потому что эти два понятия, кажущиеся, на первый взгляд, уязвимыми, являются онтологическими причинами существования вымирающего модернизма. Эти понятия не имеют никакого отношения к научным достижениям, как это принято считать. Иными словами, они не лишены релятивного характера. Они воспринимают природу и субъект с такими же заблуждениями, как это происходило, по меньшей мере, в рамках средневекового догматического метода. Отрытое противопоставление субъекта и объекта чревато тем, что мировоззрение оказывается в гораздо более глубоком кри-

зисе и гораздо больше зависит от материального фактора, чем в средневековье. Жизнь человека, буквально задушенная и лишенная каких-либо свобод рамками догматического метода, в условиях капиталистического модернизма оказалась растерзанной на куски на базе противопоставления субъекта и объекта. Во всех сферах жизни насаждается глубокий разлом. «Научные дисциплины» буквально раздробили целое на кусочки, рассортировав все по клеточкам. Вместе с тем теряется главная ценность, заключающаяся в цельном и неделимом характере жизни в плане категорий времени и места. Невозможно представить себе трагедию более ужасающую, нежели трагедию жизни, оторванной от своей сути, места и времени, «предельно сжатую» во всех сферах. Мы столкнулись с наихудшим проявлением злого рока. Утверждение о том, что общественный организм поражен раковой опухолью, уже не просто аллегория, а наиболее осмысленное толкование системы.

Этой теме, заслуживающей подробного рассмотрения, мы можем уделить лишь ограниченное внимание в рамках данной защитной речи. Я не пытаюсь сформировать новый подход на базе встречной критики. Более того, мои слова вовсе не означают призыв к отказу от любого метода. Я понимаю, что не только человеческая жизнь, но и вся живая и неживая природа, развиваются в рамках определенных соответствующих путей, методов и законов. Я должным образом оцениваю это обстоятельство. Но я должен особо подчеркнуть и то, что чрезмерный детерминизм способствует тому, что их навязчивость и консерватизм могут создать угрозу отрицания прогресса и свободы. Я не думаю, что могут существовать вселенные без метода и закона. Но я также не верю, что утверждение о том, что вселенная обладает только лишь математической структурой, которая лежит в основе механики Декарта. У меня есть глубокие подозрения по поводу нецелостной сути математической логики и логики закона. Я вижу серьезное сходство между мышлением шумерских жрецов, стоявших у истоков изобретения математической логики и закона, и современным научным мышлением. Я уверен, что они представляют одну и ту же цивилизацию.

Быть противником метода вовсе не означает полное его отрицание или стремление к поиску и утверждению альтернативного метода. Необходимо отметить, что гораздо ценнее открытость к поиску путей толкования, более близких к выбору свободной жизни. Если целью является познание жизни, то метод должен способствовать этому. Великая промышленная революция и сильное государство сами по себе принесли человечеству больше войн и разрухи, чем счастья. Слияние производства и рабочей силы отдаляет жизнь от разумного смысла. Владельцы накопленных во все времена представляли собой именно те социальные слои, которые больше всех способствовали обесмысливанию жизни. В принципе, общество всегда с подозрением относится к накоплению. Идея освобождения от дамоклова меча методических проблем, или решение этих проблем, несет в себе глубокий смысл. Она предъявляет спрос к современной цивилизации. Яркие примеры этого мы видим на различных этапах истории. Без радикальной критики метода и научных дисциплин, оставивших след на капитализме, на всех его современных структурах и ячейках, без стремления к реконструкции науки, гарантирующей свободу, поиск путей выхода из сложившейся ситуации станет попросту сизифовым трудом. Я вовсе не намерен вносить свой вклад в противостояние модернизма и постмодернизма. Я готов подчеркнуть свое уважение ко многим подходам, демонстрируемым на данном поприще, но подчеркну, что они совершенно не относятся к проблеме. Постмодернизм также расценивается как попытка модернизма продлить свое существование, облачившись в новые одежды.

Свой комментарий я должен представить под названием «поиск истины». Вместо поиска альтернативного метода я пытаюсь найти пути решения проблем нашей жизни, полной ошибок и лишенной ценностей свободы. Несомненно, в обществе всегда имел место поиск истины. На пути от мифов к религиям, от философского миропонимания к научному — выбор зачастую формировался как ответ на поиски. Безусловно, нельзя представить себе жизнь без возможности выбора, но вместе с тем нельзя отрицать и иронии судьбы, которая превращает выбор в основную причину

проблем и противоречий. Иными словами, речь идет о том, что ни без возможности выбора, ни с ней жизнь невозможна. Однако господствующий ныне модернизм имеет беспрецедентную особенность. Во многих сферах жизни модернизм стоит на грани полной несостоятельности. Можно сходу перечислить бедствия, из-за которых реальная жизнь ассоциируется с настоящим апокалипсисом: это демографические проблемы, истощение природных ресурсов, экологическая катастрофа, беспредельный рост трещин на теле общества, разрушение нравственных уз, отрыв жизни от таких категорий, как время и место, большие стрессы и потеря волшебства и поэтичности жизни, накопление ядерного оружия, способного превратить Земной шар в безлюдную пустыню, новые виды бесконечных войн, буквально задушивших общество в объятиях смерти. Уже само это свидетельствует о несостоятельности нашего поиска истины. Я не собираюсь усугублять безнадежную картину, но я не собираюсь и безмолвно и безропотно воспринимать жизнь такой, какой она сегодня предстает перед нами и захватывает нас целиком. Нельзя терять надежды и захлебываться в собственных слезах. Но для этого надо искать выход из положения. Интересно, пустыми ли оказались наши поиски истины и мы двинулись сквозь тьму? Когда были допущены серьезные ошибки и заблуждения; где и когда начались искажения?

Уверен в том, что капиталистический модернизм в подавляющем большинстве случаев черпает свои силы в ошибочных практиках построения общества, и ни в коем случае нельзя отрицать факт серьезной борьбы с этим явлением. Мы наблюдаем также ситуацию, в которой оказались системы, столь тщательно представляемые нам как успешные. Выходит, мир, в котором мы живем, — это, по утверждению самой системы, окончательная и вечная форма бытия? Разве невозможна какая-либо иная мировая система? Я понимаю, что просто повторяю вопросы, которыми мы задаемся ежедневно. Но не стоит забывать, что во многих случаях имеет место переход от методических ошибок к ошибкам, допускаемым научными дисциплинами, от толкований власти и экономических комментариев к такому мировоззрению и структуризации, которые буквально устанавливают свое господство

над правом и эстетикой. Я чувствую в себе силы, позволяющие исследовать проблему. Более того, я считаю это своим долгом и обязанностью во имя идеалов свободы.

Приступая к раскрытию темы хочу подчеркнуть, что господствующая над мышлением человека система противопоставлений наподобие субъективизм / объективизм, идеализм / материализм, диалектика / метафизика, философия / наука, мифология / религия попросту сделала сознание человека уязвимым и ввела его в заблуждение. Углубление в дебри этих противопоставлений является основной методической ошибкой, ведущей к капиталистическому модернизму. Развитие мышления и убеждений в эту сторону на протяжении всей истории цивилизации всячески поддерживалось властями и эксплуататорами и достигло апогея в эпоху капитализма, когда стало играть фундаментальную роль в легализации построенной ими системы. Толкование этих оппозиций как некой абстрактной истории также идет на пользу существующим властям и эксплуататорским системам. Если бы человек не погружался в омут подобных противопоставлений, то ни одна система власти и эксплуатации на протяжении истории не могла быть столь эффективной. Война за господство над мышлением будет способствовать возникновению новых систем власти и эксплуатации. Искатели истины по мере успехов, достигнутых в рассуждениях с позиций данных дилемм, почти всегда становились избранными в кругу властей предрежащих или находили свое место в эксплуататорской системе. Получило подтверждение выражение «Власть — это истина, истина — это власть». Поиск истины, подразумеваемый в данном случае, становится наиболее эффективным союзником политического режима и эксплуататорской системы. Следствием же этого союза стало углубление угнетения и эксплуатации, а в итоге все обернулось утерей свободы и осмысленной жизни.

В таком случае игнорирование поиска истины должно стать первым серьезным методическим вопросом. По сути, следует продемонстрировать негативную позицию: необходимо показать свое отрицательное отношение к поиску истины, выработанному системой, по всем фронтам. Но я вовсе не имсю в виду фронт

ради фронта. Думаю, что, решив эту проблему, мы должны продемонстрировать свою конкретную позицию. Распад системы начнется только в том случае, если ей будут противопоставлены волна осознанного сопротивления и усилия по строительству общества, способные охватить не только сеть власти, но и все очаги эксплуатации. Все формы социального строительства являются продуктом мышления. Общество строится не руками и ногами, как это принято считать. Если бы это было так, то перед нами предстал бы совершенно иной мир. Все серьезные исторические факты, процессы развития и исторические образования сформировались как результат эффективного мышления и волеизъявления. Одна из величайших ошибок марксистского метода заключается в том, что революционные перемены не культивировались в сознании, их проявления ожидали от пролетариата, изнывающего под ежедневным гнетом и эксплуатацией. Марксистам не удалось увидеть в пролетариате новых рабов. Идеологи этого метода попросту заблуждались, считая пролетария «свободным рабочим». Вместе с другими ошибками мы видим и последствия этого заблуждения.

Каким же в таком случае должно быть мышление, которого мы должны добиться, в том числе осмысливая все научные достижения человечества?

Для того чтобы дать более ясный ответ на вопрос, мы должны предельно глубоко раскрыть два типа мышления, один из которых базируется на субъективизме, другой — на объективизме, но, в конечном счете, оба ведут в одном направлении.

Во-первых, объективизм не является адекватным выражением законов природы и общества, как это зачастую утверждают. Если в поисках различий исследовать проблему глубже, то станет очевидным, что так называемые объективные законы есть ничто иное, как современная форма старого «слова божьего». В объективизме постоянно слышны голоса тех, кто установил свое господство над природой и обществом. Копнув еще глубже, мы увидим, что эти голоса исходят от власть предержащих и эксплуататоров. Объективное мышление и хор раздающихся голосов находятся в тесной связи с системами цивилизации. Они воспитаны и выпе-

стованы этими системами. Любые знания, оторванные от объектов, тут же оказываются присоединенными к элементам системы. Следует уяснить, что любое новое открытие в рамках системы или изначально связано множеством связей, или в последующем будет ими связано с их хозяевами. Те, кто пытался настаивать на обратном, как это видно на примерах Адама, пророка Авраама, Мани, Аль-Халаджа Мансура, апостола Павла и Джордано Бруно, становились объектами ярости божеств, господствовавших в системе. Любое проявление объективизма, ассоциирующего себя с истиной и справедливостью, неминуемо сталкивается с тысячей врагов. Объективизм, если он плоть от плоти истины, сам по себе очень ценен. Связка этих ценностей с ценностями свободы ведет к настоящей мудрости. Но надо иметь в виду то, что для этого надо быть борцом за мышление подобно Аль-Халаджу Мансуру и Джордано Бруно.

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения законов науки, объективизм может привести к двум разным результатам. Нужно проявить настойчивость и продемонстрировать чудеса сопротивления, чтобы понять, какой из этих результатов является отражением господствующей системы, а какой — отражением истины. Если объективное мышление, скорее относящееся к аналитическому типу мышления, не будет привязано к мгновенному сенсорному мышлению, имеющему чувственное происхождение, то оно обречено на вымирание, подобно динозаврам. Чудовище, породившее атомную бомбу — это новый Левиафан, представший на волне аналитического мышления эпохи капиталистического модернизма. И именно на нем лежит ответственность за ту негативную картину, которую мы представили. Исследуя образ нового божества без маски, воплотившегося в форме национального государства, можно ясно видеть, на что способно аналитическое мышление.

Сторонники субъективизма, полностью противоположного объективизму, амбициозно считают, что их учение способно постичь истину путем ее внутреннего созерцания, без спекуляций на тему объективизма. По сути, это разновидность платонизма. Самостоятельное развитие этих суждений неминуемо показыва-

ет, что они так же подвержены ошибкам и заблуждениям, как и объективизм: реальные чувственные возможности развиты пропорционально ощущениям. С этой стороны они доходят до экзистенциализма. Они считают человека состоящим из того, что он сам создал. Несмотря на то, что приверженцы субъективизма создали не одну философскую школу, тем не менее, этот подход занимает положенное ему место в такой системе, как объективизм. В своих взглядах на природу и общество это доходит до «субъективизма» (отрицание объективизма), превращаясь в мощную опору индивидуализма. Мировоззрение, превращающее личность эпохи модернизма в эгоиста, самым тесным образом связано с субъективизмом. То, что вместо здорового «я» во главу угла ставится индивидуализм, связано с управлением, которое ведет к формированию общества потребления.

Такого рода мировоззрение породило распространенное заблуждение типа «чем больше индивидуализма, тем больше истины». Капиталистическая система многим обязана такой системе мышления. Кстати, этот тип мышления, нашедший отражение в сфере искусства, в первую очередь, литературе, практически исчерпал себя вместе с созданием виртуального мира. Установив, благодаря индустрии искусства, влияние над всем обществом, он ревностно оберегает свою легитимность, столь необходимую системе. Общество мгновенно подвергается бомбардировке со стороны виртуального мира, что приводит к последовательной утере способности самостоятельного мышления.

Истина теряет смысл, ее постепенно выдворяют в мир копий. По сути, теряет смысл разница между подлинником и копией.

Положительная сторона субъективизма заключается в его тесной связи с чувственным мышлением. Сильной стороной интуиции являются чувства и поиск с помощью ощущений.

В мистических учениях и в ближневосточной мудрости предпринимались попытки познать целостность природы и общества чисто интуитивным методом. Причем полученные результаты и по сей день могут выступать в качестве источников. По сравнению с объективизмом Запада субъективизм Востока про-

являет более нравственный подход к природе и обществу. Субъективизм, так же как и объективизм, не избежал мании величия, иногда отождествляя себя с «гласом Божиим». Это и есть их точка слияния. Искренние и исполненные любви представления о божествах, природе и обществе неминуемо превращаются в орудия служения завуалированным и голым королям, занявшим позиции богов системы, как в масках, так и без таковых.

Сегодня, точнее, в рамках капиталистического модернизма, объективизм своими позитивистскими школами и структурами, а субъективизм всевозможными духовными и религиозными структурами, занимают прочные позиции и всеми путями пытаются узаконить свое существование. Но они не столько формируют метод и поиск истины, сколько выступают в роли смазки для механизма системы. Как кадры и структуры, занимающиеся узаконением власти и эксплуатации, они столь же работоспособны, как структурные очаги открытой силы и колониализма. В очередной раз перед нами предстают силы системы, объединенные вокруг лозунгов «Власть есть истина» и «Знание — сила». Поиск истины — это название игры, которая воплощается в функционировании тройки «капитал — наука — политика», которую можно было бы назвать «компанией». Любые поиски истины вне этих рамок либо уничтожаются как происки врагов системы, либо загоняются в угол и обрекаются на медленное угасание. Перед угрозой глобальной утери смысла жизни материальная сторона цивилизации демонстрирует свои лучшие достижения, в плену которых мы и находимся. Но как можно вырваться из кольца «капитал — наука — политика»? Этот вопрос, на который пытались ответить многие свободолюбивые философы от Ницше до Мишеля Фуко, во все не легкий. Надо понимать этих философов, высказывающих свои суждения о смерти общества и человека, оказавшихся не в состоянии противостоять модернизму. Лагеря смерти, атомная бомба, этнические чистки, экологическая катастрофа, глобальная безработица, чрезмерное сужение жизненного пространства, рост онкологических заболеваний, болезни вроде СПИД не только оправдывают их суждения, но и делают необходимыми поиски истины.

Еще раз должен подчеркнуть, что научный социализм, социал-демократическое и национально-освободительное движение, оцениваемые как великие оппозиционные теории, давно уже стали придатками модернизма, отыгравшими свою роль. Очевидно и то, что многие постмодернистские поиски также представляют собой модернистские течения, сменившие одежды.

Системы, достигнув пика своего развития, приходят в упадок и разлагаются. 70-е годы прошлого века ознаменованы переходом к стадии упадка капиталистического модернизма. Несостоятельность метода предвосхищает начало периода разложения. С этим периодом связана активизация экологических учений, феминистских течений, этнокультурных движений. Раздробление научного метода актуализировало ценность предположений о существовании иных миров и толкования свободы. Крайне важно воспринять этот период, который можно назвать хаотическим, во всем его богатстве, а различные группы с альтернативным мышлением считать очагами сопротивления властям во всех уголках мира.

Подтверждение суждения о том, что этот исторический период является очень плодотворным с точки зрения новых разнообразных методов и утверждения истины, повышает шансы возрождения общества в рамках системы сообществ. Конкретизация утопий о свободе и равенстве в форме воссозданных социальных образований относится к разряду актуальных практических функций. Главное – научная ценность намеченного пути и сила свободного волеизъявления. Речь идет о периоде, когда любовь к истине приближается к идеалам свободной жизни. Наш афоризм таков: истина есть любовь, любовь есть свободная жизнь!

В таком случае если со всей любовью не жаждать свободы, которая по сути своей является и методом, и поиском истины, обретение необходимых знаний, достижение передовых позиций и создание общественной динамики окажутся попросту невозможными. Попробуем в рамках нашей гипотезы глубже разобраться в таких понятиях, как осведомленность и передовые позиции.

Начнем исследование, отодвинув в сторону теории предшественников Бэкона и Декарта. Игнорируя оппозиции типа субъект / объект и душа / тело, возьмем за основу человека, что во всех смыслах будет наилучшим началом. Не будем говорить о мире, в центре которого стоит человек, равно как не будем в качестве предмета исследования использовать гуманистический подход. Предметом исследования станет комплекс реалий, сконцентрированных в человеке.

1. Атомы, являющиеся краугольными камнями материи, с количественной и качественной точек зрения представляют собой наиболее богатое соединение и взаимодействие в человеке.

2. Преимущество человека заключается в том, что он является высшей стадией развития растительного и животного мира.

3. Он реализовал наиболее развитые формы общественного бытия.

4. Он представляет наиболее гибкий и свободный мир сознания.

5. Он может существовать метафизически.

Совершенно очевидно, что переживание этих особенностей в комплексе, в их внутреннем взаимодействии, становится беспрецедентным источником знаний. Осознание целостности этого источника равносильно осознанию известной нам части вселенной. По меньшей мере, это равносильно правильному началу на пути осознания.

Первое. Связь между соединениями внутри атомов и между атомами, представляющими собой краугольные камни в структуре материи, наилучшим образом может быть установлена в человеке. В определенном смысле человека можно охарактеризовать как комплекс мыслящей одушевленной материи. Несомненно, в рамках нашего исследования человек не будет рассматриваться только как комплекс одушевленной материи, а материя не будет рассматриваться только как образование, лишенное чувств. Установление связи между материей, не имеющей чувств, с человеком, который по сути своей поднялся выше комплекса материй, является сложной смысловой проблемой. Именно в таком вос-

приятии следует искать источники метафизики. Более глубокое восприятие, обладающее безграничной гибкостью, может решить противопоставление понятий «материя» и «смысл». Может быть, целью всей живой и неживой природы является разрушение этого противопоставления. Целью материи является обретение смысла, а целью осмысления становится утверждение превосходства над материей. Именно в этом можно найти причины смертельной бледности, постигшей цветы любви. Возможно, принцип «толчок-тяга» сам по себе пережил преобразование в качестве материи. Говоря о том, что в основе вселенной лежит любовь, мы, вероятно, подразумеваем эти оппозиции. И эта любовь прочно заложена в природе человека.

Хочу сказать следующее: наиболее приближающим к истине методом является изучение материи, из которой состоит человек. При этом, толкование материи, приближающее к истине, просто невозможно в чрезвычайно изолированных модернистских лабораториях. Что касается взаимоотношений созерцаемого и созерцателя в квантовой физике, то они не поддаются измерениям. Подобно тому, как созерцатель меняет материю, созерцаемый может спастись от созерцателя в лабораторных условиях. В таком случае правильное восприятие возможно только путем внутреннего созерцания человека. В принципе, не существует лаборатории, более совершенной, нежели человек. Если Демокрит исследовал атом, пользуясь этим методом, следовательно, метод им был установлен гораздо раньше. Мы не говорим, что лаборатории непригодны для работы. Мы хотим сказать, что место фундаментальных принципов находится в сфере внутреннего созерцания человека.

Мы можем и дальше развить эти положения. Все законы физики и химии почти в идеальном исполнении можно проследить на примере человека. Никакие физические или химические лаборатории не могут приблизиться к тому богатству механизмов, которое присуще человеку. Наиболее близких к истине физических и химических знаний можно достичь на примере изучения организма человека. Любые материально-энергетические преобразования или богатые химические соединения можно наблюдать

в человеке. Опять-таки, осмысление материально-энергетических взаимоотношений во всем многообразии характерно для человека. Можно также постичь единство материи, энергии и мысли в головном мозге человека. Единство, реализуемое в человеке, может привести нас к глобальному вопросу: а возможно ли, что и вселенная обладает такой же особенностью.

Очевидно, что первый принцип, которым мы руководствуемся, делая основной акцент на личности человека, заключается в том, что человек обладает богатым потенциалом в восприятии окружающей действительности. Таким образом, можно говорить об основном пути обретения знаний и здоровом принципе, имеющем отношение к истине.

Второе. Мы можем наблюдать характерную для человека оппозицию живое / неживое на самых разнообразных примерах. Живая составляющая включает в себя наиболее сложные особенности, которые только поддаются наблюдению. Развитие живого достигло в человеке апогея. Вместе с тем материальная часть, развиваясь в тесной взаимосвязи с живой составляющей, параллельно ей, представляет собой достаточно развитую систему. Структура мозгового вещества и развитие живой материи по сей день таят в себе массу тайн, достижения науки в изучении мозга довольно скромны. Предметом специального исследования должны стать вопросы, касающиеся взаимосвязи между способностью мозгового вещества к структуризации, и живой составляющей, достигшей уровня абстрактного мышления. Говоря о богатстве примеров, мы подразумеваем такой великолепный орган, как мозг. В принципе, все органы и части тела, начиная с сердца, представляют собой отдельные уникальные явления. Тут же хочется подчеркнуть, что исследование человеческих органов — это комплексное мероприятие, которое не может быть прерогативой только одной медицины. Оно должно осуществляться более осмысленно, путем объединения усилий всех наук. Исследование человеческой сути в рамках оппозиции тело / дух только лишь в рамках медицины и психологии стало бы крайне серьезным, чуть ли не преступным невежеством.

Мы можем изложить некоторые гипотезы, касающиеся раскрытия взаимоотношений между живым и неживым, наблюдающихся на примере человека. Прежде всего, следует признать, что материя обладает жизненным потенциалом. Без этих способностей материальная структура человека не могла бы соответствовать высокоразвитому миру чувств и мышления. Как в таком случае достичь живого потенциала материи с помощью более глубокого восприятия? Первый ответ: противопоставление толчок / тяга следует поставить во главу понятия потенциально живой материи. Возможно, имело бы смысл считать это основополагающим принципом, наблюдаемым во всей вселенной. Второе: можно сослаться на то, что волна, связанная с данным принципом, имеет характер частицы. К этому можно было бы добавить и действующий во вселенной принцип полноты / пустоты. Невозможно представить себе полноту без пустоты, а пустоту без полноты. Если расширить пределы нашего мышления, то придем к выводу о том, что преодалев оппозицию полнота / пустота оба эти понятия, по сути, потеряют смысл. Как можно будет назвать то новое, что возникнет на их месте? Некоторые привычно отвечают: «Бог». Но, думаю, что отказ от спешки способствовал бы появлению более глубоких мыслей. Может быть, в таком случае нам удалось бы постичь тайну бытия.

Как известно, для осуществления толчка и тяги нужна волна, состоящая из частиц. Именно эти частицы, присутствующие в любой световой волне, способствуют проявлению самой высокой скорости, до 300 тысяч километров в секунду. «Черная дыра», поглощающая свет, еще более усугубляет ситуацию. Что же возникает вследствие поглощения света? Это и есть один из тех вопросов, на которые ответить крайне трудно. Если назвать «черные дыры» островками чистой энергии, как же в таком случае назвать энергию в форме излучения? Возможно ли, что вселенная состоит из огромной дилеммы «черная дыра» — «материя»? Может ли в таком случае материя быть визуализированной формой нематериального мира? Но из этого следует, что мы смотрим на этот визуализированный мир глазами большой живой сущности. Неужели все существующие в жизни дилеммы ассоциируются с

этой вселенской оппозицией? К примеру, могут ли быть отражением этого такие антиподы, как любовь и ненависть, добро и зло, красота и уродство, правда и ложь? Вопросы можно задавать бесконечно, но гораздо полезнее задаваться вопросами, которые нам ближе и ответы на которые мы уже нашли.

Доказано, что материя является концентрированной энергией. Известно знаменитое уравнение Эйнштейна. Речь идет о разнице в восемнадцать граммов энергии между телом покойника и телом живого человека. Означает ли это, что жизнь есть особый энергетический поток? Осуществляет ли выход путем самосохранения энергетического разряда? Не подтверждается ли таким образом правота сторонников анимизма о существовании души или по меньшей мере не является ли эта вера заслуживающей внимания? Разве не заслуживает серьезного взгляда предположение о существовании душ во вселенной, или теория Абсолютного (вселенского) духа Гегеля, или утверждение, что энергия является духом всего живого?

Список вопросов можно продолжить. Важно, что взаимоотношения живого и неживого не могли быть изучены ни путем метафизического толкования в русле средневекового догматизма, ни путем разделения на душу и тело, субъект и объект в рамках капиталистического модернизма. Богатство нашей жизни не может быть раскрыто в рамках подходов, основанных на принципе созидательной силы, происходящей извне, или на закрепившейся во вселенной оппозиции дух / материя. Вопрос и примеры, которыми мы оперируем, показывают, что в случае углубленного изучения вопроса о разнообразии человеческой жизни, совершенствования нашей наблюдательности, стремления понять все процессы, в том числе касающиеся всего живого, в том числе наиболее удивительные, то наши шансы могут быть довольно высоки.

Надо верить, что в природе существует принцип справедливости. Ни одно явление не может зародиться без соответствующих условий. Природа более справедлива, чем мы можем видеть на примере ее явлений. Что касается потери нами способностей к наблюдению, наших заблуждений и искаженного взгляда, то уместно было бы возложить ответственность за это на общество, порожд-

денное цивилизацией. Формирование человеческой личности тоже представляет собой процесс, развивающийся по законам справедливости. Можно сказать, что вся вселенная, живой мир и даже социальные структуры служат делу формирования человеческой личности. Разве можно представить себе еще большую справедливость? Если серьезные искажения действительности со стороны государственной иерархии полностью вытравили из общества эти реалии, то виновных в этом надо искать среди тех сил, которые лично деформировали образ человека. В таком случае функции поиска возьмет на себя человек, ищущий справедливости. Человек способен осуществить любые акции, наполнить смыслом любые действия во имя справедливости. Естественно, за это дело смогут взяться все, кто утверждает, что «ищет справедливости», и они смогут выполнить свой долг осмысленно, организованно и эффективно.

Оценка большого разнообразия и ступеней эволюции в мире живой природы представляется возможной и заметно облегчается в рамках нашей основной перспективы. Благодаря взаимопереходу молекул между растительным и животным миром процесс нашего восприятия заметно облегчится. Наука в этих вопросах достигла немалых результатов. Несмотря на все недостатки и множество нераскрытых вопросов, наука позволила нам многое понять. Мир растений сам по себе есть очарование. Пройдя путь от простого мха до восхитительного фруктового дерева, от луговых трав до роз с шипами, мир растений будто бы демонстрирует способности всего живого мира. Способность прекрасной розы защитить себя с помощью шипов многое объяснит даже самому недалекому человеку. Наиболее впечатляющей стороной эволюции является то, что каждый последующий этап несет на своих плечах все достижения предыдущего, оберегая их как частицу обогащения. Так что даже самое молодое растение является своего рода апогеем всего растительного мира. То есть эволюция происходит не путем уничтожения одного вида другим, как это принято считать (догматический дарвинизм), а путем взаимного обогащения и приумножения. От одного вида к множеству видов, от примитивного мха к бесконечному разнообразию — таков истинный путь развития. Многооб-

разие и разнообразие следует воспринимать как язык и жизнь растений. У растений тоже имеются семьи, близкие, иногда враги. Но у каждого вида растений есть своя система защиты. Кажется, нет ни одного организма, который был бы лишен способности к самозащите.

Еще одна особенность, которую следует проанализировать, — это половое или бесполое размножение. Если бесполое размножение представляет собой очень примитивную форму, то половое размножение, то есть размножение путем соединения различных полов, является господствующим. Соединение мужского и женского пола в одних и тех же особях осталось еще со времен переходных стадий эволюции. Для размножения и разделения на виды необходимо, чтобы разные полы были представлены в достаточной мере. Нельзя достичь разнообразия без разделения на особей мужского и женского пола. Здесь мы сталкиваемся с еще одним чудом природы. Довольно частое рождение проблемных, парализованных особей в родственных браках, являющихся продолжением мужского и женского статуса в рамках одной особи, также оказывается требованием эволюции. Прогресс возможен только при условии противоречий, дифференциации на позитивной основе путем разделения особей на мужские и женские (что можно назвать также позитивной диалектикой). Ясно, что настойчивое стремление остаться «без изменений», по сути, означает отрицание прогресса. Предельно ясно, что принцип неизменности в поисках различного рода абсолютных истин (метафизическое мышление), не способен дать верный ответ на вопросы, поставленные природой.

Еще один вопрос, требующий более внимательного изучения — это вопрос о стремлении вселенной к развитию. Точнее, не является ли стремление доказательством живой сущности вселенной? Может ли что-либо неживое развиваться? Биологическая наука существенно облегчает ответ на этот вопрос. Еще одна серьезная проблема биологического развития связана с исключительностью планеты Земля. Считается, что в наблюдаемой нами вселенной до сих пор не обнаружена другая планета с признаками жизни. Такой подход довольно проблематичен. Во-первых, человек ограничен в своих возможностях установления всех планет. Насколько комар

может рассуждать о мире, настолько же человек может рассуждать о вселенной. То, что человек якобы способен знать все, является инсинуацией метафизического мышления. Эта позиция чем-то напоминает утверждения о божественном создании.

Количественные рассуждения о космических объектах не могут пролить свет на вопрос. Следовательно, мы еще в начале пути познания всех чудес мира, и пока неизвестно, с чем нас столкнет наше стремление к познанию. Нельзя игнорировать достаточно частое утверждение «Все живое заключает в себе вселенную». Более того, определенную ясность может внести восприятие, допускающее наличие параллельных миров. Думаю, что сказанное станет яснее после следующего примера. Живые клетки в ткани человека сами по себе являются фактом. Даже в клетках мозга формируется мышление. Могут ли такие клетки позволить нам утверждать, что мир таков, каким мы его осознаем? С другой стороны, эти клетки не обладают всей информацией о вселенной, в которой живет человек и которая находится за рамками восприятия человека. Но такое положение не может означать отрицания факта существования человека и всевозможных макро- и микромиров. Не можем ли мы оценить человека на уровне этих клеток в рамках макромиров? Утвердительный ответ на этот вопрос означает существование других миров. Наши предположения о существовании параллельных миров основываются на следующем: если предположить, что каждый из миров связан с масштабами фазы или волны, то допустимо возникновение бесчисленного количества вселенных. Волновая система, породившая человечество — это попросту один из миров.

Все наши предположения не предусматривают спекуляций на эту тему. Мы всего лишь пытаемся преодолеть узость взглядов. Мы хотим избежать ловушек, расставленных комплексом искаженных знаний и верований, которые являются продуктом неполноценных методов и, во многих случаях, насильственной практики, реализуемой из государственно-иерархических побуждений. Наше мышление в гораздо большей степени, чем мы сами предполагаем, является продуктом упомянутых государственно-иерархических механизмов, представляющих собой машину лжи и искажений. Более того, эти механизмы уничтожили многие верные мысли и учения.

Фауна сама по себе является системой. Встречаются виды, которые изначально, на клеточном уровне, одновременно относятся и к растительному, и к животному миру. Впрочем, внимательное наблюдение покажет, что фауна как таковая невозможна без флоры. Растительная форма существования в принципе является предварительным условием животной формы существования. Еще важнее, что развитая растительная система является условием развития животного мира. Принадлежность к одушевленной природе способствует формированию у представителей животного мира таких развитых чувств, как зрение, осязание, боль, желание, гнев, любовь. Чувство голода и постоянные поиски корма требуют более пристального изучения. С легкостью можно проследить связь между чувством голода и потраченной энергией. Как видим, это еще раз демонстрирует связь энергии с одушевленностью. Утоление голода означает накопление энергии, в которой нуждается животное.

Следует тщательно рассмотреть вопрос, связанный с половыми потребностями. Данная потребность, выражающаяся в высшей степени чувственно и агрессивно, по существу представляет собой функцию воспроизводства и продолжения жизни. Мощность энергии при формировании половых потребностей наводит на размышления о связях с продолжением жизни. Но не следует воспринимать половой фактор как единственный фактор продолжения жизни. Может быть, половой способ продолжения жизни является самым древним и представляет собой продолжение жизни количественным воспроизводством.

Разбивка особей на пары и эволюция способствуют возникновению более богатых форм жизни. В принципе, совокупление таит в себе не только стремление к жизни, но и страх смерти, точнее, означает саму смерть. Каждая половая близость — это частичная смерть. Некоторые животные умирают сразу же после совокупления. В таком случае, отчетливая связь с половой принадлежностью ассоциируется с наиболее древней формой жизни и наступлением смерти. Половая привязанность в самой примитивной форме означает выбор смерти как финала. Но по мере того, как половое начало в живой особи обогащается такими чув-

ствами, как любовь и красота, особь делает шаг к бессмертию. Бессмертие в произведениях искусства является результатом того мировосприятия. Что касается полового воспроизводства, то это явление можно было бы даже считать формой самозащиты. Иными словами, чем больше репродуктивность, тем сильнее ощущение собственной значимости, продолжительности и защищенности.

Половой фактор и репродуктивность в обществе станет предметом нашего тщательного изучения. Серьезная ошибка — считать «любовью» примитивную похоть, присутствующую в совокуплении ради воспроизводства. Напротив, похоть, характерная для совокупления, является отрицанием любви. Капиталистический модернизм, способствуя тому, что половой фактор, подобно раковым клеткам, бесконтрольно растет и преподносит в обществе под названием любви, тем самым фактически убивает саму жизнь. Истинная любовь — это великая страсть, выраженная на языке формирования вселенной. Слова Мевланы о том, что «все, что в жизни есть, любовью называется, остальное все мелочь», может быть подлинным объяснением любви. Любовь связана с преодолением половой похоти, точнее, развитием в нравственном мире человека взаимного осознания и восприятия свободы. Похоть как таковая связана также с потерей свободы, материальным бездействием. Вернее всего было бы связать любовь (кстати, не только между мужчиной и женщиной, но и между всеми элементами вселенной) с созиданием гармонии.

Страсть и чувства сами по себе чудо. К примеру, как можно оценить умение живых существ видеть? Ясно, что эта способность является наиболее развитой особенностью представителей животного мира. Ясно и то, что зрение как таковое без света попросту невозможно. Зрение — это своего рода мышление. Очень важно воспринимать все особенности одушевленных существ, в первую очередь половые особенности, как своего рода мышление. Одушевленность в каком-то смысле является способностью обучения. В этом смысле как нельзя уместно высказывание Декарта «Мыслю, следовательно, существую». Обобщая, мы можем расценить поворот вселенной в рамках собственных правил

как обучение. Правила напоминают обучение. Но опять-таки обучение, основанное на зрительных ощущениях — это потрясающий прогресс. Всем прекрасно понятны слова: «Бог создал вселенную для того, чтобы созерцать Себя». Суждение Гегеля о материализации духа для самопознания также связано с умением видеть. Может быть, умение видеть и быть увиденным является основной причиной стремления к развитию.

Удовольствие и боль также дают о себе знать в животном мире. Оба эти чувства напоминают о различиях, существующих в жизни. Чем больше удовольствий, тем больше познается жизнь, тем привычнее она становится, с другой стороны, чем больше боли, тем больше познается жизнь, но уже не возникает желания привыкнуть к такой жизни, тем более продолжить ее в таком виде. Оба эти чувства — школа непосредственного познания. Удовольствие и боль обладают крайне высокой познавательной ценностью. Удовольствие прекрасно, но может способствовать проявлению разнообразного безумия во имя познания удовольствия. Боль также является великим учением, следовательно, способствует возникновению серьезной необходимости в познании ценностей жизни. Если удовольствие заканчивается ощущениями, близкими к боли, то боль также в конце дает высокие шансы превращения в удовольствие. Жизнь одновременно ставит вопросы, связанные с познанием различий, получением удовольствия и даже испытанием боли.

Поскольку связь между жизнью и смертью носит метафизический характер, рассмотрение этой связи на примере общества более правильно. Важное обстоятельство, приковывающее к себе интерес в рассуждениях о животных — это существование хищников, то есть тех животных, что питаются мясом. В принципе, все животные могли бы продолжить свое существование, питаясь растениями. Тяга животных к мясу вовсе не является вынужденной. Но в то же время существуют различные виды хищников. Как можно это объяснить? Решающим в данном случае может быть фактор угрозы, исходящий от чрезмерного воспроизводства. Если половое размножение является гарантией продолжения жизни, то чрезмерное воспроизводство может

попросту уничтожить возможности для жизни. Например, скорость размножения мышей может привести к уничтожению растений. В то же время такие животные, как овцы, козы и коровы, тоже могут съесть все растения. Более того, в мире птиц тоже может происходить увеличение популяции, нарушающее баланс. В таком случае увеличение и активизация популяций змей, львов и соколов не преследует цель уничтожения птиц, а становится необходимостью с точки зрения способности животного мира к продолжению жизни. Крайне опасно видеть в этом «разделе - нии труда» несправедливость живой природы. Однако здесь есть тонкая грань, и если, к примеру, эта грань будет нарушена и чрезмерно увеличится популяция змей, львов и соколов, то в живых останется очень мало видов животных. Восхищает способность живого мира к саморегулированию.

Мы тщательно рассмотрим серьезное значение полового размножения для развития общества, его место в продолжении жизни, а также связь этого явления с нравственностью. Вернувшись к человеку, основному предмету нашего исследования, с биологическим миром, увидим, что все, происходящее в этом мире, словно бы находят свое отражение в личности человека. Все особенности, существующие во флоре и фауне, можно видеть в мире людей. В определенном смысле человек является и целью, к которой стремится развитие растительного и животного миров, и преемником этого прогресса. Живой организм выше человека может существовать лишь гипотетически. Впрочем, величайшая сила мышления, свойственная человеческому мозгу, вероятно, делает ненужным появление новых форм. Развитие мозга как критерий обучения и мышления, являющегося основной особенностью живого мира, достигло своего апогея. Познание миром самого себя реализуется на примере человека. В этом смысле, возможно, обретает смысл высказывание из Священного Писания «Я создал человека для познания себя».

Несомненно, человек стоит выше всего живого на Земле — и растительного и животного миров — но никак не наоборот, иными словами, вся флора и фауна вместе взятая не может заменить роли человека. Тут возникает необходимость рассмотрения

человека как отдельного мира, но то, что мы имеем в виду, отнюдь не означает восприятия вселенной с человеком в центре. Я вовсе не имею в виду пантеизм (единство природы и божества). Я считаю нужным раскрыть особенности человека как самостоятельного вида. Значение человека предопределяет необходимость его рассмотрения в качестве отдельного мира.

Третье. В таком случае необходимо, чтобы человек, создавший свойственное ему общество, рассматривался как предмет исследования, что очень важно для осмысленного поиска истины.

Для предмета нашего исследования вовсе не важен такой факт, как отрыв человека от приматов и этапы его эволюции как вида. Мы не будем заниматься вопросами антропологии. Несомненно, не только в мире животных, но и в мире растений можно встретить многочисленные примеры сосуществования. Природа каждого вида диктует необходимость существования в рамках сообщества себе подобных. Так, деревья — это часть леса, а рыба — это часть косяка. Человеческое общество обладает качественным отличием. Общество само по себе, возможно, есть высшая стадия развития человечества или организация, создавшая человека. Если человека (буквально с момента его рождения, гарантировав его безопасность) оторвать от общества и переместить в лес, он не избежит превращения в примата. Если к нему отправить еще несколько человек, то начавшийся среди них процесс будет схож с тем, что имеет место у приматов. Подобное не встречается в сообществах животных. Такая ситуация не характерна для животного мира, поэтому она подчеркивает исключительную ценность человека. Беспрецедентной является как роль общества в формировании человека, так и роль человека в формировании общества.

Без сомнения, невозможно представить себе общество без человека. Но в то же время считать общество обычным сообществом людей значит делать серьезную ошибку. Человек без общества не может подняться выше уровня примата. Но человек общественный представляет собой величайшую силу. Он достигает огромной силы мышления. Решение одного человека (на-

пример, взорвать ядерные бомбы) может превратить Земной шар в безлюдную пустыню. Человек продемонстрировал свое умение полететь в космос. Он способен к разнообразным находкам и изобретениям. Мы приводим эти примеры для того, чтобы подчеркнуть силу социализации. Тема общественного устройства относится к предмету изучения социологии, но вопрос, который мы хотим решить, совершенно иного характера. Путь постижения знаний и поиска истины нельзя представить себе вне общества. Все, что происходит в рамках человека, имеет общественную природу и характер. Мы в данном случае говорим о человеке не как о преемнике всего живого мира, включая флору, фауну, даже физический и химический мир. Речь идет о человеке, реализующем себя в обществе.

Все цивилизации, включая капиталистический модернизм, изучали человека в отрыве от истории и общества. Точнее, все мысли и произведения, ставшие предметом обсуждения применительно к личности человека, представлялись в отрыве от истории, более того, как итоги труда личностей, стоящих над обществом. Именно это способствовало изобретению завуалированных и голых королей, божеств в масках и без масок. Впрочем, развивая мысли об обществе, мы можем не только разобраться с этими монархами и божествами, но и выяснить, какое мышление, какие общественные структуры, в частности, социальные системы, порождающие насилие и эксплуатацию, стали источниками их появления.

Основной фундаментальной проблемой метода является умение осмысленно решить вопрос взаимоотношений человека и общества. Увенчанные научной славой Бэкон, Декарт и их последователи, обсуждая методические проблемы, словно ничего не знали об обществе, в котором действовали, не имели с ним практически никакой связи. Сегодня очень хорошо известно, что общество, вдохновившее их, это общество таких стран, как Англия и Голландия, которые возвели капитализм в ранг мировой системы. Методы, сформированные этими мыслителями — это социальные учения, полностью раскрывающие двери общества перед капитализмом.

В таком случае, что мы можем наблюдать, взявшись за исследование социума как фундаментальной категории?

А. Общество есть формирование, качественно отличающее человека от животного мира. Это обстоятельство нами в достаточном виде раскрыто.

Б. Общество создается людьми, но вместе с тем оно само создает и формирует личности. Основной фактор, требующий понимания в данном случае — это то, что общество создается руками человека, благодаря его способностям. Общество не является институцией, стоящей над личностью. Как бы они ни влияли на память человека, как бы ни позиционировали себя — от тотемов до божеств, — совершенно очевидно, что общества есть институции, созданные человеком. Без человека не могло быть общества, развивающегося по законам тотемов или божеств.

В. Общество находится под воздействием исторических и пространственных ограничений. Иными словами, внутри самих обществ имеются созданные ими категории времени и географические условия. Нет обществ, свободных от исторических и географических факторов. Социальные утопии, подходящие ко всем условиям и не признающие исторических сроков, неизменно обнаруживали свою несостоятельность.

Фактор истории заключается в выражении времени, от которого зависит в целом все живое и, в частности, человек. Время и сроки, в первую очередь, времена года, играют решающую роль в формировании тех или иных видов. Бессрочных образований в принципе не бывает. Как известно, понятие «вечность» распространяется только на «перемены». То есть неизменными, свободными от времени являются только перемены. Связь истории с обществом тесна и кратковременна. Если применительно к вселенной действуют сроки, выраженные в миллиардах лет, то применительно к обществу сроки, превышающие несколько тысяч лет, уже считаются длительными. Наиболее распространенные сроки — это день, месяц, год, столетие. Местами дислокации обществ, как правило, становятся регионы с богатой растительностью и животным миром. На полюсах и в экваториальных зонах общества возникают исключительно редко. Наиболее богатая

флора и фауна может служить базой для формирования самых плодотворных обществ.

Многие философские школы и религиозные учения, сформировавшиеся в рамках государственных и иерархических традиций, насаждают в сознании человека оторванную от социальной истории и места систему, как некое веление судьбы. Истории известны случаи, когда отдельные героические личности вершили историю, но вместе с тем известны и случаи, когда отдельные мыслители и религиозные деятели создавали философские и религиозные системы, оторванные от исторических общественных традиций. Капиталистическое мышление уделяет серьезную роль науке, но вместе с тем, в частности, применительно к обществу, оно мыслит с позиций индивидуальности. При этом постоянно остается непрояснен вопрос, какая общественная формация способствовала возникновению тех или иных религиозных и философских систем, и каких именно. Доказано, что социальные категории времени и места способствуют формированию личности, вместе с тем доказано и то, что личность играет серьезную созидательную роль в формировании будущего, в частности, в рамках доставшихся образований. Таким образом, при рассмотрении проблем метода и восприятию истины исторические и географические факторы являются совершенно необходимыми условиями.

Г. Существенным обстоятельством является то, что реалии общества имеют характер, в котором они сформированы. Наиболее часто встречающейся ошибкой является то, что люди приписывают общественным структурам и институциям качества естественных объектов. Узаконение систем общества позиционируется как неизменные священные устои. В сознание людей эти структуры систематически насаждают избранность божественными структурами, чуть ли не назначение ими. Капиталистический модернизм старается внедрить в сознание людей то, что общество якобы вступило в финальный период, либерализму нет альтернативы, даже то, что наступил «конец истории». Часто говорится о неизменных, не подверженных изменениям конституциях и политических режимах. Но в то же время краткий экскурс в историю показывает, что эти так называемые неизменные и не-

погрешимые режимы существуют не более столетия. Здесь очень важны идеологические и политические лозунги, ежедневно сковывающие мышление и волеизъявление человека. Системы власти и эксплуатации испытывают серьезную потребность в подобной идеологической и политической риторике. Без использования сильной идеологической и политической риторики очень тяжело управлять современным обществом. Именно поэтому серьезное развитие получают средства массовой информации. Научные учреждения и система мышления в подавляющем большинстве случаев поставлены в зависимость от очагов власти и эксплуатации.

Чем больше мы будем знать о том, что общественные реалии зачастую искусственно созданы, тем лучше сможем управлять процессом их распада и реконструкции. Нет неизменных общественных формаций, гарантированных от распада. Более того, неизбежным условием свободы является распад и реконструкция эксплуататорских общественных формаций. Говоря об общественной формации, мы имеем в виду идеологические и материальные структуры. Во всех социальных сферах — будь то язык, религия, мифология, наука, экономика, политика, право, искусство, мораль или философия — при соответствующих времени и месте постоянно формируются, распадаются, реорганизируются и возникают новые общественные структуры и институции.

Д. Крайне важно не воспринимать абстрактно взаимоотношения между обществом и индивидом. Индивиды участвуют в деятельности всех институций, созданных во всех перечисленных нами социальных сферах и имеющих сформированные на протяжении истории язык и устоявшиеся традиции. При этом участие происходит не по их усмотрению, а в соответствии с разработанными и утвердившимися устоями и традициями, изначально сформированными в обществе. Социализация индивида требует приложения серьезнейших педагогических усилий. В определенном смысле индивид становится членом общества и подчеркивает свою причастность к нему только после усвоения культуры общества, олицетворяющей его историческое прошлое. Социализация происходит в результате постоянных усилий. Любое социальное явление одновременно есть явление социализации.

Таким образом, индивид формируется не так, как он этого хочет, а неизбежно по модели, продиктованной обществом. Поскольку любое общество, в особенности классово-иерархическое, предусматривает угнетение и эксплуатацию, индивид несомненно всегда будет ощущать потребность в сопротивлении и свободомыслии. Индивид никогда не примет добровольно общественную формацию, создавшую рабство. Более того, он будет сопротивляться процессу слияния, ассимиляции в чужеродном, эксплуататорском обществе. Но его личность будут пытаться «перемолоть» в жерновах угнетательских и эксплуататорских структур всех обществ, ее будут регулярно уничтожать. Жернова общественной машины, перемолов все неуютное обществу, выдают материал, сформированный из этой муки. Структурные противоречия, или фактор сопротивления человека найдут свое место в балансе, основанном на идее консенсуса в обществе. Общество не обладает силой, позволяющей абсолютно растворить в себе индивида, а индивид не в состоянии полностью оторваться от общества.

По сути, методическая работа над личностью человека, воспринимающего общество во всей его полноте, и установление истины могут дать более серьезные результаты.

Четвертое. Только высокий уровень гибкости человеческого мышления может наполнить наше исследование смыслом. Без познания природы человеческого мышления идеи метода и истины так и повиснут в воздухе.

Стремясь познать суть человеческого мышления, мы детально говорили о его двойственной структуре. Мышление состоит из двух частей: с эволюционной точки зрения, более древней части (правое полушарие головного мозга), для которой характерно довольно развитое чувственное мышление, и относительно новой, готовой к постоянному развитию аналитического мышления, части (левое полушарие головного мозга). Именно эта особенность формирует гибкость человеческого мышления. В мире животных чувства и мышление находятся примерно на одинаковом уровне, чувства выражаются условными и безусловными рефlekсами, то есть они выполняют все необходимые функции. Это своего рода мгновенные реакции. То же встречается и у человека. Например,

тело человека мгновенно реагирует на огонь, тут нет необходимости в аналитическом мышлении. Но для восхождения на вершину Эвереста необходимо проанализировать сотни условий. Решение о начале пути принимается только после того, как будут подвергнуты анализу все связанные с этим обстоятельства. В мире чувственного мышления нет места вероятности ошибки, поскольку действия совершаются только по интуитивной реакции. Что касается аналитического мышления, то оно способно охватить годы. Наши поиски метода, труда и истины поневоле основаны на таком мышлении. Без познания системы нашего мышления точные знания о методе и истине могут иметь разве что случайный характер. В таком случае первостепенное значение должно иметь хорошее познание мысли самой себя.

Наиболее важной особенностью нашей мысли является ее гибкая структура. Можно сказать, что шансы на свободный выбор внутри всех образований за рамками нашего мышления крайне ограничены. Свободу мы можем представить себе очень узко. Мы не знаем, как протекает свободный выбор ни в частицах, из которых состоит атом, ни в образованиях макрокосмоса. Но, обратившись к существующему во вселенной разнообразию, мы осознаем, что это возможно только путем гибкого функционирования и способности свободного выбора, как в мире частиц, так и в макрокосмосе. Возможности человеческого мозга широки. Свободой безграничного движения мы обладаем, по меньшей мере, на потенциальном уровне. Естественно, мы не забываем, что этот потенциал может принять активную форму только путем социализации.

Вторая особенность заключается в том, что гибкость нашего мышления может стать инструментом самого правильного восприятия, но вместе с тем она зачастую становится структурой, не защищенной от ошибочного восприятия. Гибкость, лежащая в основе этой особенности, в любую минуту может погибнуть в мире гнета и чувственного восприятия. Именно поэтому политические методы, преследующие цель одновременного охвата механизмов гнета и истязаний и чувственного восприятия, реализуются на почве обмана и лживых инсинуаций. Иерархические и государ-

ственные образования, тысячелетиями строящие свою систему подавления человеческого мышления, добились больших побед, чуть ли не сконструировав удобную для них систему мышления. К широко известным особенностям относится и то, что мышление зачастую можно захватить в плен многочисленными поощрениями. В противовес этому структура нашего мышления, способная также к сопротивлению, демонстрирует беспрецедентные особенности к поиску верного пути и постижению великих истин. Определяющей является роль независимого мышления великих личностей в достижении этих целей. Свободный выбор зачастую возможен только в том случае, если мышление сохранило свою независимость. Между развитым восприятием и умением быть независимым есть тесная связь. Под независимостью мышления, прежде всего, подразумевается умение действовать по законам справедливости.

Мы уже говорили, что в основе взаимоотношений реальности и справедливости лежит структура мироустройства. В таком случае можно сказать, что мышление, способное к справедливости, лучше всего может использовать шансы свободного выбора в соответствии с этой структурой мироустройства. Поэтому история свободы, являющая самой серьезной обучающей силой, может воспитать наше мышление (общественную историю) и подготовить его к правильному выбору. Психоанализ усиленно стремится измерить глубину нашего мышления. Он уверенно превращается в новую сферу знаний, но он не может получить верные и полезные знания самостоятельно. Большая роль тут принадлежит фактору независимого подхода к индивиду. Рассмотрение человека в отрыве от общества может привести к крайне негативным и нездоровым последствиям. Усилия социопсихологии, направленные на устранение этого недостатка, на сегодняшний день не очень плодотворны. Социология сама по себе выстроена неверно, поэтому социопсихология не может дать положительных результатов. С помощью психологии мы можем лучше познать мышление животных. С помощью психологии мы можем познать также мышление человека — своего рода «суперживотного». Но мы еще в начале пути познания человека как животного социального.

Мы прекрасно понимаем, что возникновение системы метода и познания, без тщательного изучения структуры нашего мышления, получение удачного результата становится чистой случайностью. Только при правильном и глубоком понимании мышления и обретении позиций свободного выбора (общественная свобода) наш метод поиска истины может дать точные ответы на вопросы, связанные с правильным мировосприятием. Наша методическая деятельность в рамках этих условий поможет становлению свободного общества и индивида с помощью накопления более правильных знаний.

Пятое. Особенность, связанная с метафизическим характером человека, представляет собой беспрецедентный пример с точки зрения систематики метода и знаний. Наука о постижении метода и знаний, эпистемиология, может стать эффективной только при условии тщательного анализа метафизических особенностей человека. Восприятие человека строго в ракурсе метафизического создания и формирования может стать предметом серьезного исследования. Одной из наименее освещенных социальных проблем является наше неумение определить метафизический характер человека. Каким образом человек может быть метафизической субстанцией? Из каких потребностей исходит это явление? Каковы негативные и позитивные стороны этого явления? Можно ли жить без метафизики? Каковы самые яркие метафизические особенности? Действует ли метафизика только в сферах мышления и верований? В чем заключается связь между обществом и метафизикой? Является ли метафизика антагонизмом диалектики, как это принято считать, и можно ли ее этим оградить? Список вопросов можно продолжить.

Если человек является основным субъектом наших знаний, в таком случае без познания метафизического мышления и структуризации, представляющих собой фундаментальные функции этого субъекта, наше стремление к получению достаточных знаний из этого источника будет обречено на неудачу. Речь идет о такой сфере, которую ни социология, ни психология не считают для себя проблемой. Оценка многих школ, в первую очередь религии, как метафизических институтов ставит пробле -

му метафизики в совершенно безвыходную ситуацию. В основе нашего подхода к проблеме метафизики лежит фундаментальная особенность человека как члена социума. Метафизика есть строительство общества, без которого невозможна социальная личность. Абстрагируя человека от метафизики, мы превратим его или в суперживотного (это понятие, использованное Ницше применительно к немцам, нашло свое подтверждение в нацистской системе фашистской Германии), или в суперкомпьютер. Но какими могут быть шансы на жизнь у человека, доведенного до такого состояния?

Посмотрим, что представляет собой человек метафизически:

- а) мораль есть особенность метафизического человека;
- б) религия является важной метафизической особенностью;
- в) искусство во всех его проявлениях может быть охарактеризовано только с метафизической точки зрения;
- г) структурное общество, даже просто общество, как нечто целое, лучше соответствует характеристикам метафизики.

Каким образом и почему человек, особенности которого могут быть перечислены ниже, может быть существом метафизическим?

Во-первых, речь идет о мыслительной способности человека. Представляя собой в какой-то степени космос, способный к самопознанию, и стремясь победить переживаемые эмоции (и боль, и радость), человек вынужден формировать себя, стоящего над физической сутью. Никак иначе он не сможет победить физическую боль и контролировать радость. Метафизическое мышление и структура личности имеют непреходящее значение в плане сопротивления таким эмоциональным состояниям, как войны, смерть, похоть, страсть, красота и прочее. Эти потребности могут быть удовлетворены только путем изобретения бога, если его нет, или развития искусства и умножения знаний.

Несколько иной взгляд, по которому метафизика есть следующее после физики состояние, не заслуживает ни осуждения, ни чрезмерного восхваления. Человек, по сути — единственное существо, которое постоянно атакует и пытается раздвинуть границы физики, поэтому смена физики на метафизику есть ничто

иное, как потребность, продиктованная онтологическим характером человека. Нет никакого смысла отстаивать умение человека придерживаться только физических законов. Точнее, консервативное пребывание в мире только физических законов может способствовать формированию механистической характеристики человека. Такой поход давно был предложен Декартом, но не имеет научного описания и сводится к освобождению с помощью понятия «дух».

Во-вторых, метафизический подход требует осознание невозможности существования общества без морали.

Общество может быть построено на морали, выступающей только в качестве независимых суждений. Распад Советского Союза и Египта эпохи фараонов, несмотря на их рациональные характеристики, мы можем связать только с недостаточно нравственным характером этих систем. Рационализм сам по себе не может быть двигателем общественного прогресса. Он может привести к роботизации, превратить человека в совершенное животное, но не может сохранить его человеческие качества. Рассмотрим некоторые свойства морали: это умение противостоять боли, установление границ удовольствия, желаний и страстей, привязка процесса размножения не к физическим, а к социальным законам. Это также умение принимать решение относительно следования традициям, верованиям и законам. Например, человеку крайне необходимо привязать к определенным правилам даже половые отношения, способствующие воспроизводству. Дальнейшее развитие общества попросту невозможно без контроля над ростом населения. Даже эта тема сама по себе уже подчеркивает крайнюю необходимость нравственной метафизики.

В-третьих, человек с помощью искусства создает свойственный ему мир. Общество развивается благодаря творческим открытиям и разработкам в таких основных сферах, как звук, изображение, архитектура и т.д. Разве можно представить себе общество без музыки, литературы и архитектуры? Все, что создано в этих сферах, носит метафизический характер. Они являются незаменимыми критериями дальнейшего существования общества. Искусство, будучи чисто метафизическим явлением,

предназначено для удовлетворения эстетических потребностей человека. Если способность человека выбирать между хорошим и плохим наполняет смыслом его нравственное поведение, умение выбирать между прекрасным и уродливым способствует формированию эстетической составляющей.

В-четвертых, сфера политического управления также изобилует метафизическими суждениями. Сама эта сфера состоит из серьезных метафизических конструкций. Нельзя объяснить политику с помощью законов физики. Максимальный уровень, которого может достичь управленческая система, основанная на чисто физических законах, это роботизация. Обратная сторона медали сводится к стремлению фашизма управлять «человеческими стадами». Если нам удастся выявить свойства политической сферы, способствующие выбору и свободному волеизъявлению, то таким образом мы еще раз постигнем метафизический характер человека как политического образования. Высказывание Аристотеля «Человек есть животное политическое» ассоциируется именно с этим смыслом.

В-пятых, мы должны особо подчеркнуть, что такие сферы жизнедеятельности, как право, философия, религия и даже наука, полностью заполнены метафизикой. Мы знаем, что история общества показала, как все эти сферы, со всеми своими количественными и качественными особенностями, попросту загружены различного рода метафизическим творениями.

После того, как мы установили, что метафизика занимает преимущественные позиции в жизнедеятельности и индивида, и общества, мы можем более детально и осмысленно подойти к понятию метафизики.

1. В своем историческом развитии метафизические представления характеризовались следующим образом: с одной стороны, происходило преувеличение собственных возможностей и возвышение самой себя до уровня фундаментальной истины, с другой стороны, противники метафизики открыто критиковали ее, считая, что она совершенно лишена реальной сути и представляет собой комплекс слов и приемов, предназначенных для одурачивания человека. Можно легко предположить, что оба

указанных подхода демонстрируют или полное отсутствие представлений об историческом обществе, или склонность к преувеличениям. Особенность, которая так и не раскрыта в рамках этих двух мировоззрений, заключается в том, на каких социально-индивидуальных особенностях и потребностях основана сама метафизика. Сторонники возвышения метафизики совершенно абстрагируются от связи метафизики с физическим миром, что оборачивается ошибочным мнением о якобы бесконечной свободе метафизики. Отрицая связь мышления и духа с материальным миром или заблуждаясь, сторонники сугубо метафизического мировоззрения полностью оказались в плену таких заблуждений и преувеличений как утверждения о божественности мироздания вплоть до возвеличивания человека до уровня божества. Несомненно, на подобный ход мысли серьезное влияние оказала иерархическая и государственная система.

Та часть мыслителей, которая полностью отрицает значение метафизики, перешла в наступление, выбрав знаменем материалистический мир, материальную цивилизацию, а в последнее время — и рационализм с позитивизмом. По их мнению, все, что пахнет метафизикой, — это болезнь, орудие обмана, и должны быть полностью искоренены. Однако позднее стало ясно, что рационализм и позитивизм, которым, в частности, обладает капиталистический модернизм, способствуя восприятию жизни в ракурсе фашистского управления «человеческими массами», механистической личности, подобной роботу, симуляции всех чувств, а также уничтожая окружающую среду, фактически способствует общественно-историческому упадку. Чрезмерная зависимость от законов физики не спасает от распада и разложения общества. Именно так становится ясно, что «научность» по сути является наихудшим проявлением метафизичности. Конечно, если общественная жизнь имеет хоть какой-то смысл. Я должен особенно подчеркнуть, что «научность» представляет собой наиболее закоренелый материализм, является наиболее обученным специалистом в сфере власти и эксплуатации, тем самым, вольно или невольно, она выступает в роли обманщицы и олицетворяет наиболее ужасную сторону метафизики.

2. Еще одна группа людей, которые не занимают ничью сторону и которых можно назвать «нигилистами», утверждает, что они вовсе не обязаны придерживаться позиций одной из сторон спора, что нет никакой необходимости в поддержке или отрицании метафизики и они, дескать, могут быть совершенно независимыми. Следует объяснить, что этот лагерь, кажущийся на первый взгляд совершенно безвредным, по сути своей наиболее опасен. Две стороны спора хотя бы живут высокими идеалами, осознают ценности, которые представляют и отстаивают, одержимы стремлением построить общество и преобразовать личность. Что касается тех, кто стоит вне групп, то они, фактически проживая внутри общества и пользуясь ценностями этого общества, своими нигилистическими позициями (отрицания всего) фактически верят в возможность жизни, которой они не придают никакого значения. Они представляют собой прослойку, наиболее близкую к сторонникам «научной» метафизики. Эта прослойка состоит из деклассированных элементов, упавших на дно разложившегося общества, причем численность этой прослойки постоянно увеличивается усилиями капиталистического модернизма. Мы могли бы назвать эту прослойку также наиболее близкой к процессу деградации до уровня животных. Прекрасный пример представителей этой прослойки — футбольные фанаты. Численность подобных групп очень быстро растет. На таких примерах можно увидеть, как капиталистический модернизм способствует увеличению раковой опухоли на теле общества. Оба исторических подхода к метафизике в результате объединяются на почве позитивистской «научности» модернизма. Их религией является позитивизм, а по сути, сменившая одесания метафизика, а божеством для них является национальное государство. Божество, сбросившее свою маску, непосредственно в форме национального государства освящается содержательными ритуалами и символами во всех современных обществах.

3. Я думаю о необходимости, более того, о возможности выработки более сбалансированного подхода. Зная, что метафизика является общественным строительством, считаю своим долгом развить в рамках таких категорий, как мораль, искусство, полити-

ка и мышление, метафизику, соответствующую понятиям добра, красоты, свободы и правды.

Суть достойной жизни сводится к продолжению поисков добра, красоты, свободы и правды, как это прослеживается в историческом обществе, и при этом не стоит принимать все подряд, отрицать все подряд и, философствовать о так называемой собственной независимости. Я верю, что искусство достойной жизни способно сделать жизнь в обществе осмысленной.

Безусловно, мы не обречены на метафизику. Но мы также не намерены отказываться от развития высших категорий добра, красоты, свободы и правды. Подобно тому, как зло, уродство, рабство не неизбежны, не является столь же невозможным добродетельный, красивый, свободный и правильный образ жизни. Мы также не обязаны проповедовать нигилизм, являющийся, по сути, наихудшим выбором и ставший результатом безысходности и безответственности (всех иерархических и государственных систем, в первую очередь капиталистического модернизма). Споры об этом стары как мир и ведутся еще с ранних стадий общественного строительства. В этом смысле наиболее специфической особенностью современности является то, что человечество живет в период разложения капиталистического модернизма. Для успешной борьбы за добро, красоту, свободу и правду необходимо свободное мышление и практическое волеизъявление, а также реорганизация общества. Потребность в таких активных усилиях должна реализоваться в научных поисках (метода и режима истины), причем эти поиски должны вестись самоотверженно, на уровне любви.

Для поиска ответов на такие вопросы, как преодоление влияния капиталистического модернизма, развитие и распространение демократического модернизма, необходимо принять все аргументы, которые я старался изложить, в качестве материала, нуждающегося в обработке. Для этого надо не только подвергнуть критике методы и системы знаний, способствующие развитию официального модернизма, но также осветить методы и системы знаний, позволяющие взойти росткам постмодернизма. Наш материал предназначен именно для этого. В качестве клю-

чевой проблемы мы установили, как и почему необходимо сконцентрироваться на проблеме личности. По-прежнему не теряет своего значения точная характеристика и восприятие индивида и общества. Усилия, прилагаемые в этом плане социологией, социопсихологией и антропологией, непродуктивны, поскольку эти науки подвержены искажению модернизмом и полностью погрязли в сетях, поставленных официальной наукой и властью. Усилия, прилагаемые отдельными личностями и представляющие в этом смысле определенную ценность, бессистемны и неорганизованны. Несмотря на то что сторонники Франкфуртской школы, Фернан Бродель, Ницше, позднее Мишель Фуко, Валлерстайн и многие другие представители различных философских школ прилагали очень большие усилия, этого оказалось недостаточно для того, чтобы систематизировать новые методы и данные периода разложения модернизма и формирования постмодернизма, который мы хотели бы назвать демократическим модернизмом. Усилий прилагается много, они очень ценны, но в то же время раздроблены. Основной причиной этого является признание, сделанное Валлерстайном: все вокруг отравлено капиталистической системой. Философы по сути изнывают в тисках модернизма.

К примеру, крайне интересны высказывания Ницше о том, что модернизм превращает общество в женщину, выхолащивает его, превращает в муравья. Такое впечатление, что Ницше предвидел на пятьдесят лет вперед, ведь его выражение «светловолосое суперживотное» касающееся немцев, стало определением фашистского стада. Говоря о том, что модернизация, национал-этатизм рано или поздно породят фашистскую стадность, а в Японии, к примеру, на базе «народа-муравья» начнет формироваться общество-муравейник, Ницше фактически продемонстрировал дар предвидения, словно сыграл роль пророка капиталистической эпохи.

Макс Вебер, оценивая модернизм как «общество, запертое в железной клетке», сделал очень важное утверждение. Считая рационализм причиной утери миром своего волшебства, он фактически подчеркнул материальный характер цивилизации.

Фернан Бродель подверг крайне резкой критике социальные науки, оторвавшиеся от категорий истории и места. Говоря об определениях, избегающих категорий времени и места, как о «сборниках пустых фактов», он внес серьезный вклад в решение проблемы метода. Прогрессивными являются внесенные им в историю понятия типа «краткосрочное время — событийная история», «конъюнктурное время — переходящее время кризиса» и «время больших длительностей — структуры повседневности».

Критика Просвещения и модернизма сторонниками Франкфуртской школы способна навести на различные размышления. Достаточно того, что цивилизацию модернизма, положившую начало концлагерям, Адорно назвал «угасанием целого периода в кромешной тьме». В частности, очень известно выражение «Неправильную жизнь нельзя прожить правильно». Признавая этим, что модернизм, как метод и знание, устроен ошибочно, он фактически достиг высокого уровня восприятия. Очень плодотворна его критика просвещенности и рационализма.

Поучительно и утверждение Мишеля Фуко о том, что в модернизме в смерти человека исполняется смерть Бога. В частности, его высказывание, что современная власть отождествляется с постоянной войной внутри общества и за его пределами, стало очень сильной, но не разработанной гипотезой. Фуко внес серьезный, пусть и опосредованный, вклад в раскрытие свободной информационной системы так же, как способствовал методическому изучению цепи таких понятий, как власть, информация, тюрьма, сумасшедший дом, школа, армия, фабрика, производство. В анализе власти, войны и свободы, который Мишель Фуко не смог завершить из-за безвременной смерти, он хотел показать, как модернизм буквально убивает человека своими постоянными войнами, как внутри общества, так и вне его. Сам собой напрашивается вывод: свобода есть форма социальной жизни, исключая войны в принципе. В таком случае, без ликвидации индустриализма, закона о прибыли, служащего источником и целью милитаризма, роспуска регулярной армии и утверждения вместо этого принципа самообороны общества и экологических принципов свобода как таковая попросту невозможна.

Валлерстайн убежденно пропагандирует мир-системный анализ капитализма. Этот философ представляет потрясающее изображение современной системы, начиная с XVI века по наши дни. Но он недостаточно категоричен в оценке системы (подобно Марксу, он считает капиталистическую стадию необходимой), равно как недостаточно четко предлагает «противоядие» от системы и выхода из положения. Связывая неизбежность капитализма с привлекательностью буржуазной системы, он будто бы признает ее. Крайне пронизательно подчеркивая, что социалистическая система во главе с Советским Союзом не только не в состоянии преодолеть влияние и предотвратить рост капиталистического модернизма, но, более того, придала ему сил, а крах «реального социализма» способствует не усилению капиталистического либерализма, а его ослаблению, Валлерстайн, таким образом, фактически выдвинул важное положение, однако не смог так же эффектно проанализировать распад действующей системы и пути выхода из нее. Он также, вероятно, вполне справедливо, не выдвигает никаких предположений, когда и каким образом завершится структурный кризис модернизма (капитализма), начавшийся в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Но, несмотря на все это, очень важными представляется положение Валлерстайна о том, что любое, даже самое незначительное, но осмысленное действие может привести к самым серьезным результатам. Видно, что он отошел от жесткого детерминизма, и можно сказать, что он способен на самые детальные рассуждения о методе и системе знаний.

Безусловно, я могу привести имена еще нескольких интеллектуалов. Ясность могут внести также критические рассуждения и предложения Мюррея Букчина об экологии и Фейерабенда о методе и логике. Общий для всех этих просветителей недостаток — то, что они недостаточно осветили единство знания и практики. Тут, несомненно, проявляется серьезное умение капиталистического модернизма распространять свое влияние на все вокруг. Несмотря на то, что марксистская школа считает себя самой жесткой и научной критикой капитализма, по иронии судьбы, она не смогла избежать участи превращения в самый полезный инструмент

власти с точки зрения информации и власти. Марксизм фактически стал левым крылом либерализма. Стопятидесятилетний опыт достаточно ясно это показывает.

Основную причину этого, метод и накопление информации мы могли бы связать с индексацией «экономического упрощенчества». Так называемый научный социализм, крайне примитивно воспринимающий метафизический и исторический характер общества, принижающий явление власти до уровня простого правительственного комитета, придающий экономико-политическому анализу роль некоего волшебства, так и не избежал роли одной из версий позитивизма. Несмотря на то, что в плане введения в социологию марксизму приписывается такая же созидательная роль, какую сыграли Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер, в смысле метода и теории знаний ему не удалось выйти за рамки левого крыла либерализма. Важными и определяющими являются не намерения, а ассимилирующие, обобщающие силы господствующей системы (метод, информация и власть, техническая мощь). Несмотря на то, что экономика сама по себе является значительной силой, без верного историко-социального исследования экономики вкупе с властью и другими фундаментальными метафизическими силами все усилия, направленные на преодоление влияния (по крайней мере, на легализацию в качестве предварительной стадии) системы (капиталистического модернизма), выявление проблем и предложение путей решения, наделение их практической силой и т.д. так и останутся на уровне грубого позитивизма. Существующая теория и практика являются достаточными для этого доказательствами.

Анархистские течения, выступающие с радикальной критикой капиталистического модернизма, достаточно эффективны с точки зрения метода и знаний. В отличие от марксистов, анархисты не говорят о якобы прогрессивном характере капитализма. Они смогли посмотреть на общество с различных углов зрения, что помогает выйти за рамки экономического упрощенчества. Анархисты эффективно играют роль «мятежных» детей общества. В результате, несмотря на все свои благие намерения, они так и остались на уровне сект, убежденно защищающих себя от

грехов, совершаемых системой. Все, сказанное мной в отношении марксизма, также относится и к анархистским течениям, а именно: им следовало бы дать точную характеристику системы и проблем, связанных с преодолением ее влияния, более того, следует эффективно использовать методы, а также теоретическую и практическую силу демократического модернизма.

Аналогичные рассуждения мы можем представить также относительно теории и практики экологических, феминистских и культурных движений, которые напоминают птенцов куропаток, освободившихся из железных клеток модернизма. Мы крайне обеспокоены тем, когда и где они станут объектом охоты. При этом очень важно воспринимать их как выразителей наших надежд. Они могут внести свою лепту в развитие альтернативного движения. Социал-демократические и национально-освободительные движения изначально слились воедино с современной системой, превратившись в ее приспешников. Им даже удалось превратиться в два серьезных течения мейнстрима — либерализма.

Подводя итог, отмечу: я считаю, что серьезным вкладом в раскрытие темы стало бы рассмотрение сути антиориенталистского подхода. Оберегая себя от модернизма, я понимаю, что охвачен серьезными противоречиями. Могу сразу же раскрыть две причины этого состояния.

Первая заключается в воздействии классической культуры Ближнего Востока. У этой культуры имеются серьезные противоречия, следовательно, проблемы, связанные с капиталистическим модернизмом. Прежде всего, она в радикальной форме предоставляет главенствующее положение именно обществу. Индивидуализму не так легко прижиться в этом обществе, социальные связи является основным критерием оценки личности. Превыше всего ставится связь с обществом, и в этом сказывается серьезное влияние религии и традиций. Отрыв от общества видится чем-то ужасным, становится предметом насмешек. Не поощряется переход из одного общества в другое, но когда возникают более качественные связи, имеет место возвышение этого общества. Стремление занять места в иерархических и государственных структурах воспринимается с завистью. Традиционная иерархическая и государствен-

ная культура Ближнего Востока сохраняет свою эффективность даже в этом ракурсе. Социальный резонанс этих особенностей не позволит сдать свои позиции внешним культурам, в том числе модернистской, точнее, в рамках чуждых культур очень тяжело будет ассимилироваться.

Не стоит удивляться, что культуру «уммы» (община единоверцев-мусульман), олицетворяющую сильную традицию, по сей день предпочитают столь сильному течению современности, каким является национальная государственность, потому что национальное государство является продуктом капиталистического модернизма и чужеродно ближневосточному обществу по сути. Противопоставив националистическое мировоззрение, политический исламизм и национальную государственность, в подавляющем большинстве случаев увидим, что более привычный и местный исламский национализм пользуется очевидным предпочтением. Во многих жизненных укладах продолжается его нестыковка с модернизмом. За пределами Ближнего Востока нигде больше не возникало противостояние капиталистическому модернизму в культурной сфере. Если даже возникали какие-то очаги, то этот процесс неизбежно душился на корню, растворялся в обществе. Уже этого достаточно, чтобы доказать историческую и социальную консервативность культурного пласта.

Вторая причина заключается в том, что, несмотря на серьезный интерес, который я проявляю по отношению к структуре мышления Запада, за долгое время я так и не стал сторонником ни одного из его течений. Если даже мои поиски истины не имели фундаментального и методического характера, я все же осознаю роль метода и сочетания знания и науки, ведущих к модернизму. Я видел открытое превосходство. Я воспринял эту модернистскую культуру с тем же рвением, с каким воспринимал культуру Ближнего Востока, однако, пусть и с запозданием, но я осознал, что обе эти культуры представляют собой производство станка одной и той же цивилизации. Я убедился в том, что основным источником служат иерархические и государственные образования, которым, по меньшей мере, пять тысячелетий. Таким образом, я столь же решитель - но пронес через фильтр критики общие стороны обеих культур.

В контексте этой критики нетрудно видеть, как индивидуализм, подобно грызуну, впился в тело общества. Совершенно нетрудно понять, что капиталистический либерализм, помимо свободы человека, также эксплуатирует человеческое общество, превратив это в искусство, а его источником служит традиционная торговая культура. Очевидно, что торговая культура, тесно связана со многими древними традициями, включая три великие религии Ближнего Востока. Товар и изменение товара, лежащие в основе торговли, сыграли главную роль в разложении человеческого общества. Торговое мышление является очень сильной традицией Ближнего Востока. Это мышление сыграло определяющую роль в формировании в обществе таких сомнительных символов, личностей, языковых и структурных факторов, как изобретение образа божества и наделение его элементами святости, развитие заговорщического искусства государственного управления и насаждение лжи и двуличия в сферу нравственности. Вклад Европы способствовал тому, что эта система, путем эксплуатации возможностей Ренессанса, Реформации и Просвещения была лишена корней Ближнего Востока и превращена в господствующую общественную систему. На Ближнем Востоке торговцы и связанные с ними структуры не пользуются уважением, им никогда не предоставляются высокие позиции в обществе. Более того, к ним всегда относятся с подозрением. В Европе капиталистический модернизм сумел возвести товар во главу общества, а наука, религия и искусство встали на службу этого общества. Выходит, что те, кто на Ближнем Востоке безлики и вечно на вторых ролях, в Европе занимает первые позиции.

Сегодня на Ближнем Востоке в моде критика европейского модернизма, вплоть до серьезного силового противостояния, где союзником порой выступает радикальный ислам. Но, по моему мнению, все организации, считающиеся врагами антиориенталистов и модернистов, от Эдварда Саида до «Хизбаллы», точно так же, как внутримодернистские образования типа марксистских, в итоге становятся позорными прислужниками этого самого модернизма. Они вышли на политическую арену во многом благодаря

модернизму, и независимо от того, успешны они или нет, по природе они подобны голодным сторожевым псам, вынужденным выклянчивать кусок хлеба у модернизма, а затем в благодарность защищать его. Традиционными у них остались только одежды и бороды, а души и тела переполнены самым реакционным модернизмом.

В самых общих чертах я изложил свой метод критики и стиль оценки информации. По меньшей мере, мне удалось, пусть и ограниченно, пролить свет на характеристику метода и знаний, ведущих к капиталистическому модернизму. Если даже его точность не является несомненной, период структурного хаоса модернизма дает нам шанс развить методы и науку в целях утверждения свободы и демократии, которым мы должны отдать предпочтение. Для облегчения восприятия хочу изложить свои мысли в виде тезисов.

1. Необходимо распознать связь между капитализмом и восприятием метода и науки, основа которого была заложена Роджером Бэконом, Френсисом Бэконом и Декартом, и подвергнуть их основательной критике.

2. Распознав глубину пропасти между субъективизмом и объективизмом и ее отражение на многие проблемы, воспринять общество (объект) как источник эксплуатации со стороны индивида (субъекта).

3. Принять за естественное разделение общества на буржуа и пролетариат и способствовать формированию образа пролетариата как объекта эксплуатации.

4. Высказывание «знание — сила» следует положить в основу конгломерата науки и власти. Превратить изначальное единство информации и власти в фундаментальное оружие системы.

5. Воспользовавшись искажениями и заблуждениями, как вновь раскрывшимися свойствами религии и метафизики, нужно превратить науку в новую форму религии в виде позитивизма. Под видом борьбы с религией и метафизикой сформировать собственную религию и сделать ее господствующей.

6. Сделав либерализм (свободу) своей официальной идео -

логией и используя его, с одной стороны, как самое гибкое орудие консенсуса, с другой стороны, как орудие ассимиляции всех оппозиционных идеологических течений, реализовать самую сильную идеологическую гегемонию в форме «невидимой руки и невидимой мысли».

7. Придавая либерализму и позитивизму официальный статус, принизить значение всех прочих школ мышления и идеологических течений, в частности, проявлять настойчивость до полного присоединения к себе всех оппозиционных структур.

8. Принизить роль философии и морали. Тем самым уничтожить перспективы и свободу выбора поведения всех противников системы (свободный выбор = мораль).

9. Внести в науку жесткую дисциплину, раздробить ее внутреннюю целостность и смысл. Раздробленная на части наука и легче подчиняется любой власти и, превратившись в технологию, становится сферой извлечения прибыли. Отныне целью науки является не изучение смысла жизни, а извлечение прибыли. Из плоскости «наука и знание» осуществлен переход в плоскость «наука, сила и деньги». Новым священным союзом, сформировавшимся в лоне модернизма, стал союз науки, власти и капитала.

10. После того, как процесс превращения женщины в бессловесную рабыню в условиях классовой урбанистической цивилизации был завершен, к нему прибавилось социальное выхолащивание мужчины благодаря гражданству. Таким образом, в условиях капиталистического модернизма было осуществлено глобальное превращение общества в куртизанку (Гитлер считал, что общество и есть женщина-рабыня). Общество — это кобыла, которую объезжает национальное государство, падшая женщина, которой он пользуется.

11. Власть модернизма отождествляется с состоянием перманентной войны, как гражданской, так и между различными обществами (теперь уже разделение государства и общества стало бессмысленным). Высказывание Гоббса о «войне всех против всех», относящееся к докапиталистическому обществу, в еще большей степени соответствует капиталистическому модернизму. Геноцид стал трагическим апогеем этих войн.

12. Процессы, происходящие в системе капиталистического модернизма, а именно завершение процесса центробежного распространения, доведение состояния окружающей среды до состояния невозможности дальнейшего существования, безработица, бедность, низкая зарплата, разрастание бюрократии до глобальных масштабов, разрушение религиозного общества, гегемонизация мирового финансового капитала, являющегося наиболее подлой, оторванной от производства частью капитала, и распространение, в противовес этим процессам, сетей сопротивления в подавляющем большинстве социальных сфер порождает системный кризис.

13. Периоды системных кризисов способствуют началу таких явлений, когда революционные, контрреволюционные, демократические, освободительные и тоталитарно-фашистские перевороты сосуществуют в структуре одного общества. Силы, способные наиболее эффективно развить методологию и знания и взять их за основу, имеют больше шансов на строительство новой социальной системы.

14. Демократические, экологические, освободительные движения и движения за равенство в промежутках между системными кризисами, периодами хаоса своими небольшим и эффективными действиями в краткие сроки способны обеспечить формирование процессов, определяющих далекое будущее.

Для этого:

1) необходимо воспринимать социологию в комплексе ее исторических и пространственных масштабов в качестве руководства к действию;

2) установив, что во многих сферах капиталистического модернизма имеются злокачественные очаги, основываясь на положениях 14 пунктов, необходимо развить пути решения за рамками системы;

3) преодолев засилье всех грубых противопоставлений, основанных идеологически на разделении субъективизма и объективизма (например, идеализм / материализм, диалектика / метафизика, либерализм / социализм, деизм / атеизм и проч.), взять за основу трактовку, которая сама по себе базируется на всех научных достижениях;

4) ни в критике, ни при строительстве новых общественных форм не игнорировать метафизику человека, основанную на критериях добра, красоты, свободы и правды;

5) взять за основу понятие демократической политики;

6) во всех сферах присутствия кризиса и власти под лозунгом демократичной политики формировать тысячи организаций гражданского общества (из работоспособных, полезных, необходимых людей, численностью от трех до нескольких тысяч человек);

7) создать во вновь формируемом обществе демократическую нацию. Не исключать возможность ее жизнедеятельности в тесной связи или же отдельно от национального государства;

8) развивать формы политического управления демократической нацией на базе местной, национальной, региональной и всемирной демократического конфедерации. Различные нации могут организоваться в форме единой демократической нации. В рамках одной нации могут организоваться в форме национального государства и демократической нации. Региональные демократические конфедерации и Конфедерация демократических наций мира в сравнении с нынешней Организацией Объединенных Наций могут оказаться более эффективными в плане решения в высшей степени важных проблем мирового масштаба, а также местных проблем национального характера;

9) развить демократическое общество в противовес индустриализму, одного из краеугольных камней модернизма (модернизм опирается на: а) капиталистическое производство, б) индустриализм, в) национальная государственность). Осуществить экологизацию экономики и технологий;

10) обеспечить общественную безопасность усилиями народной милиции;

11) вместо системы мужского господства, основанной на мощном иерархическом и государственном фундаменте, построить новую семейную систему, основанную на свободе и равенстве женщины, прошедшей путь от глубочайшего рабства до независимости.

Изложенного достаточно для выражения нашего парадигматического взгляда, который можно было бы развить и углубить. Мы знаем, что эпоха капиталистического модернизма — это эпоха мощного всплеска мечты о свободе и равенстве. Народы приложили очень много усилий, для их реализации. Утописты пережили бесчисленные пытки, перенесли много боли. Давайте не будем считать это все бессмысленными усилиями. Напротив, привязав все эти проблемы, которые мы стараемся решить, к точному историческому комментарию, мы сможем осветить собственный путь и, соединив свою жизнь с нашими мечтами, сможем осуществить переход к жизни, освещенной волшебной любовью. Переход к жизни, полной мечтаний и надежд, требует серьезных усилий.

Я далек от мысли разрабатывать новые методологию и знания, но во всех вопросах, к которым я обратился, я постарался показать неверный путь развития многих явлений, носящих в основе своей парадигматический характер. Мне хотелось бы особо подчеркнуть, что в моих комментариях и предлагаемых практических усилиях не стоит усматривать стремления к коренной перестройке системы, а критические замечания не стоит воспринимать как тотальное отрицание, нигилизм. Наконец, подчеркну необходимость жесткой критики капиталистического модернизма, способствовавшего возникновению миллионов случаев, аналогичных моему, совершению трагедий (бесчисленных геноцидов, резни и войн). Минимальным условием принадлежности к интеллигенции является достойное освещение всех факторов, которые следует считать причинами безжалостных, трагических исторических процессов, через которые прошел мой народ и моя родина (курды и Ближний Восток). Вместе с тем, если я осужден как руководитель серьезной и влиятельной организации, то совершенно естественно, что моя основная задача будет заключаться в постановке вопросов и поиске ответов в рамках всего того, что мною было обозначено. Если где-то и в какое-то время гнет, эксплуатация, ассимиляция и кризис глубоки, а жизнь превращена в бесчестье, которое гораздо хуже смерти, у нас не остается никакой другой возможности, кроме как применить основательный парадигматический подход. Отныне мы будем применять именно его.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОСНОВНЫЕ ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В этой части труда мы постараемся прокомментировать основные факторы, способствовавшие развитию современной цивилизации, с историко-географической точки зрения. Теперь мы уже хорошо знаем, что познание общества лежит в изучении его исторических и географических условий.

Исторический промежуток, начавшийся с момента отделения человека от приматов до земледельческой революции, на сегодняшний день насчитывает семь миллионов лет. Местом развития человечества стала Восточно-Африканская рифтовая долина. Это подтверждается как археологическими данными, так и многочисленными близкими к человеку видами животных. Неизвестно, каким образом произошло отделение человека от приматов, то ли в результате мутации, то ли эволюционным путем, но это неважно для предмета нашего исследования. Преимуществами нового вида стал его артикуляционный аппарат, благоприятный для многих видов звуков, и величина головного мозга. Наличие на Восточно-Африканском рифте пустынь, лесов, а также озер имеет стратегическое значение с точки зрения безопасности вида. В частности, можно предположить, что в результате длительных переходов через озера человек той эпохи потерял волосяной покров животного типа и стал похож на современного человека. Климат тоже был в высшей степени благоприятным. Еще одно преимущество Рифта заключается в том, что цепочкой долин и берегов он естественным образом растягивается до Таврских гор. Он сформировал линию соединения и, одновременно, линию разлома двух материков (Азии и Африки). Предполагается, что на

Рифте люди жили кланами миллионы лет. Можно сказать, что в центральные части Африки постоянно устремлялись потоки миграции. Гипотеза об исходе на «большую землю» с северной линии Рифта подтверждается многими данными. Предполагается, что многие предшествующие человеку формы, вплоть до *Homo sapiens* (человека разумного) прошли один и тот же путь. До сих пор ни в одной другой точке мира не обнаружен ни один вид, схожий с человеком. Все установленные виды имеют восточноафриканское происхождение.

В различных регионах мира довольно часто обнаруживают окаменелые останки возрастом не менее миллиона лет. Общепринято, что накануне четвертого ледникового периода все виды уже распространились по Земле.

Существуют версии, что на протяжении этого длительного периода племена численностью в двадцать-тридцать человек занимались собирательством и охотой. Совершенно очевидно, что оба вида деятельности сыграли серьезную роль в развитии верхних и нижних конечностей. Ископаемые останки свидетельствуют о том, что человек той эпохи более надежно ощущал себя в пещерах и на островах, расположенных в озерах. Можно сказать, что семьи как таковые не создавались, племя само по себе представляло собой большую семью. Предположительно, люди владели языком знаков (тела и звуков), но не могли превращать звуки в символы. Мы хорошо понимаем, что обретение языком символического характера требует довольно длительного исторического времени.

Исследования показывают, что человек разумный смог освоить языковые символы примерно 150–200 тысяч лет назад. Они также свидетельствуют о том, что общение на языке символов, являющемся праязыком современных языков, наступило на смену примитивного языка знаков, и это имело место примерно 50 тысяч лет назад на той же Рифтовой линии и дальше распространялось на север. Общение на языке символов стало серьезным преимуществом человека разумного. Можно предположить, что группы людей, более мобильных и гораздо лучше понимающих друг друга, преобладали над похожими видами. Именно с этим

процессом развития можно было бы связать факт исчезновения с исторической арены других, менее удачливых видов. Это четвертый ледниковый период. Среди прочего существует гипотеза, что два потока развития обусловили исчезновение неандертальцев, бывших на тот период наиболее развитым видом человека. На сцену во всем своем величии вышел новый властелин мира — это *Homo sapiens*, то есть человек разумный и говорящий. Изначально разделения на языковые и расовые признаки не было, но можно предположить, что люди охотились большими группами, использовали пещеры в качестве жилья и ритуальных помещений, женщины занимались собирательством, а мужчины — охотой. Некоторые археологические находки свидетельствуют о том, что на данном фундаменте человек говорящий сделал серьезный шаг вперед в своем развитии. Наскальные рисунки в некоторых пещерах, расположенных в регионе между Францией и Испанией, а также на территории провинции Хаккяри, довольно красноречивы и принадлежат именно этому периоду. То, что оба упомянутых региона стали первыми благоприятными зонами на пути из Африки в направлении Восточного и Западного Средиземноморья, соответствует общей теории миграции.

1. ЧЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОБЯЗАНО ТАВРО-ЗАГРОССКОЙ ДУГЕ?

Существует очень много аргументов, позволяющих считать, что Тавро-Загросская дуга стала основным центром скопления и дальнейшего распространения по миру первобытных людей после их исхода из Восточно-Африканского рифта.

Во-первых, Рифт — это окончание естественного пути. Миграция в наш регион происходила волнообразно. То, что восточное и западное направление Сахары и Аравийской пустыни оказались чуть ли не закрытыми, способствовало маршруту естественной миграции по Суэцу и берегам Восточного Средиземноморья. Берега Южного Средиземноморья через пролив Гибралтар в Испанию и Европу представляют второй важный путь. Земли эти, в силу географического положения, не были столь плодородными, как Восточное Средиземноморье. Существовало много серьезных препятствий и для добычи пищи. Идеальный путь пролегал с берегов Восточного Средиземноморья по дуге, образуемой Тавро-Загросской горной грядой, которую еще называют Плодородным Полумесяцем. Этот регион был настолько благоприятным, что невозможно было бы не остановиться в нем и не сформировать развитое общество.

Отсюда следует второе: благоприятный для человеческого общества климат, обилие растений, богатые возможности для охоты, пещеры, идеальные с точки зрения безопасности, возможность перекрыть течение многочисленных рек и ручьев способствовали формированию в коллективной памяти людей такого понятия, как рай. Сравнение этого региона с пустынями, рас-

положенными относительно недалеко, вполне естественно, способствовало формированию в сознании людей противопоставления ада и рая. Таким образом, мы легко можем предположить, что наш регион стал вторым после Восточно-Африканского рифта благоприятным регионом для поселения человека. Не будет преувеличением назвать его колыбелью развития цивилизации в истории человечества. Более того, можно подчеркнуть священность региона как первоисточника, на основе которого стали писать, точнее, начала формироваться повесть об истории человечества. Более поздние великие революции являются продуктами священного эпоса человечества.

В-третьих, развитие жизни человечества в этом регионе пятьдесят тысяч лет назад происходила на основе языка символов. Переход от такого примитивного средства общения, как язык знаков, к общению на языке символов нес в себе серьезный потенциал. Формирование широкого языкового ареала предоставило человечеству величайшие возможности для организации общества, защиты и роста. Может быть, величайшей в истории, но до сих пор не исследованной и не получившей своего названия революцией является именно эта революция. Первую великую революцию можно было бы назвать языковой революцией, потому что никакая иная революция так не способствовала процессу социализации данного региона, как она. Каждый новый день становился днем рождения нового священного понятия (это обнаружение новых видов растений и животных), осуществлялся переход к форме жилища, близкого к домашнему устройству (впервые человек стал проживать в надежном жилище), а четыре времени года протекали почти идеально. Переплетение всех этих процессов привело к формированию общего языка широких сообществ, и таким образом впервые появился признак социальной идентичности.

Как жаль, что в регионе, где впервые возник этнос, обладающий идентичностью, сегодня идут дикие войны во имя уничтожения идентичности! Процесс, который мы называем великим общественным прогрессом, реализовался, точнее, строился с помощью этих богатых явлений и понятий. Развитие понимания

способствовало развитию сознания. Стоит всерьез отнестись к гипотезе о том, что люди, общавшиеся между собой и объединившиеся с помощью понятий, далее не могли сосуществовать маленькой группой и активно стремились к переходу на более высокую стадию социализации. Я верю, что эта тема является одной из важнейших для исследования с точки зрения антропологии и специфики доисторических эпох. Каких высот совершенно верного ощущения должен был достичь великий археолог и историк Гордон Чайлд, чтобы назвать свое самое крупное произведение — книгу о событиях, происходивших в на этих землях, — «Что случилось в истории» (несмотря на то, что книга посвящена более поздним этапам развития, ее можно рассмотреть и в ракурсе древней истории)? Должен особо подчеркнуть то обстоятельство, что невозможно пролить свет на прошлое региона одними лишь археологическими методами. Серьезных успехов в освещении истории древних веков можно достичь, только объединив усилия многих научных дисциплин, в частности, биологии, филологии, географии (в том числе ее раздела, изучающего климатические условия и возможности земледелия), социологии, антропологии и теологии. То, что мы пытаемся сделать в данном труде, — всего лишь попытка привлечь внимание к теме и приглашение к серьезным исследованиям.

По геологическим данным, примерно двадцать тысяч лет назад началось завершение четвертого ледникового периода. Истинность этих данных очевидна, поскольку подкреплена другими научными сведениями. Доказано, что десять тысяч лет назад Сахара и Аравийская пустыня были регионами, где постоянно шли дожди и обильно произрастала зелень. Эти условия были благоприятны для формирования примерно в то же время скотоводческой культуры. Наряду с этим еще одним серьезным шагом стало возвышение более развитой семитской языковой группы над примитивными африканскими языковыми группами. Семитская культура по своей сути является скотоводческой. Скотоводство в тот период обрело такое значение, что и по сей день не потеряли своего смысла культурные ценности, связанные с такими животными, как верблюды, овцы, козы и др. Очевидно, что

вокруг них проходил процесс формирования этноса и обретения им признаков идентичности, что подтверждается существованием по сей день очень серьезной этнической культуры (в форме родоплеменных отношений). Влияние данной культуры встречается во многих египетских и шумерских преданиях. Примерно около шести тысяч лет назад, благодаря благоприятному климату, семитская культура совершила мощный исторический прорыв, распространив свое влияние на обширной территории — от Сахары до Восточной Аравии, а на Севере — вплоть до регионов с благоприятными для земледелия условиями. Сфера установления семитской культуры стала своего рода продолжением, на более развитой стадии, культуры, зародившейся на Восточно-Африканском рифте. Самобытность семитского культурного пояса значительно усилилась позднее, с возникновением внутри него крупных монотеистических религий.

Однако следует особо подчеркнуть, что помимо определяющей роли в формировании египетской и шумерской цивилизаций, семитская культура отождествляется с амореями и так называемыми апиру (дикарями, пришедшими с востока и запада); они были первыми в истории захватническими племенами, сыгравшими свою роль на обширной территории двух цивилизаций. Можно сказать, что семиты сыграли серьезную роль на заре истории, чуть ли не задали темп ее дальнейшего развития. То, что им не удалось освоить благоприятные для обработки земли на севере, показывает, что параллельно развивалась другая культура, может быть, несколько сильнее семитской. Эти процессы, которые можно было бы назвать переходом к аграрной культуре, в целом можно охарактеризовать как «культура обработки полей». Одним словом, данный этап социального прогресса отмечен появлением на исторической арене арийцев, которых можно назвать земледельцами (на языке курдов, являющихся первыми носителями культурной идентичности данного региона, слово «ари» означает «земля, место, поле»). Арийцев, которые способствовали развитию земледелия в районе Тавро-Загросской дуги, находящейся севернее региона проживания семитов, в принципе, можно считать прародителями земледелия.

В этом процессе определяющими были такие факторы, как богатые флора и фауна. Если в регионе проживания семитов земледелие имело крайне ограниченный характер и сводилось к выращиванию немногочисленных плодов типа хурмы, то район Дуги (Плодородного Полумесяца) изобилвал такими плодами, как маслины, фисташки, желуди, можжевельник, виноград, имелись превосходные условия для выращивания пшеницы и других зерновых культур. Опять-таки, в этом регионе имелись отличные возможности для одомашнивания диких овец, коз, коров, свиней, собак, кошек и проч. На горных возвышенностях произрастали обширные леса. Времена года в целом протекали почти идеально. Дожди способствовали регулярному естественному орошению. По берегам многочисленных рек и ручьев существовали благоприятные условия для расселения. Все это способствовало тому, что на заре истории жизнь была вполне приятной.

Геологические данные, относящиеся к истории ранних эпох, свидетельствуют о том, что примерно 15 тысяч лет назад ледники отступили в высокогорные районы. Считается, что этот регион в течение сотен тысяч лет был местом наибольшей концентрации населения, здесь очень ярко происходила языковая революция, и эпоха мезолита (примерно 15–10 тысячелетия до н.э.), длившаяся под воздействием семитской культуры относительно недолго, сменилась эпохой неолита. Пещеры, сохранившиеся в провинции Хаккяри, дают возможность предполагать, что эпоха мезолита и более ранние эпохи оставили свой неизгладимый след в истории региона. Многочисленными доказательствами активной жизнедеятельности в тот период являются обнаруженные здесь обработанные камни. Но, тем не менее, регион изобилует неоспоримыми доказательствами того, что истинный культурно-исторический «взрыв» произошел там с наступлением эпохи неолита, примерно 12 тысяч лет назад. Эта эпоха, которую можно было бы назвать эпохой земледельческой революции, или революции в сфере возделывания полей и формирования облика села, является необходимым условием развития и истории человечества, и в более узком смысле, истории (писаной истории) цивилизации. Речь идет о глобальной культурной эпохе. Культура, имеющая сама по

себе непреходящее значение, но не нашедшая своего достойного места в истории, заслуживает более пристального внимания и изучения. Очень близок к истине Гордон Чайлд, говоривший о том, что культурная эпоха, длившаяся в данном регионе, внесла в историю вклад, не меньший чем четырехсотлетний период западноевропейской культуры. Действительно, здесь сделано столько изобретений цивилизации, что их попросту трудно перечислить. Во всех сферах, будь то земледелие, ремесла, транспорт, искусство, управление, религия и проч., совершены открытия, которые могут быть расценены как революционные. В каждой из сфер число открытий достигало тысяч, и они получали имя.

Таким образом, сформировалась арийская языковая семья, вторая по ареалу распространения после семитской, но во многом превосходящая по своему лингвистическому потенциалу семитский пастушеский язык с его узким словарным запасом. Можно сказать, здесь была заложена непреходящая основа памяти человечества. Распространение, вместе с развитием соответствующей культуры, арийского праязыка на обширной территории от Индии до берегов Европы также свидетельствует о правоте наших предположений. Истоки арийской языковой семьи находятся не в Европе, Индии и переходной между ними зоне (Северное Причерноморье, российские степи, иранские пастбища), как это принято считать, а в регионе Плодородного Полумесяца. Это подтверждается и этимологическим анализом слова «арийцы», и структурным анализом основных слов, используемых во всех группах языков индоевропейской семьи. Особенно важно то, существование центра арийской культуры в данном регионе само по себе предполагает развитие в регионе арийского праязыка. Все еще существующие этнические культуры и другие исторические доказательства подтверждают правоту этого утверждения.

В таком случае, факт существования, история и распространение второго крупного культурно-языкового пояса имеет серьезное историческое значение для понимания общественного прогресса и определенных стадий цивилизации (урбанистической стадии). Можно утверждать, что все более ранние примеси буквально растворились в этих двух фундаментальных культур-

но-языковых группах. Можно говорить о формировании третьей культурно-языковой группы в южных предгорьях Сибири (Якутия и др.) только после окончания третьего ледникового периода. Прародиной этой культуры, начавшей распространяться на юг примерно девять тысяч лет назад, предположительно является Китай. Есть основания предполагать, что данная культура стала источником формирования третьего, северного пояса, представленного тюрками, монголами, татарами, корейцами, вьетнамцами и японцами, и самая западная точка распространения данной культуры дошла примерно до Финляндии. Существует много археологических, этимологических и этнологических доказательств того, что индейская культура Америки стала результатом проникновения в тот же период третьего культурно-языкового пояса на американский континент через Берингов пролив. Сюда же можно включить эскимосов. Несмотря на то, что многие существующие ныне в Африке культуры ревностно сохраняют свои особенности в течение сотен тысяч лет, сильное влияние семитской культуры все же остро ощущается. Это особенно относится в языковой группе суахили. По сей день в глубинах лесов, в горах и пустынях можно встретить племена, живущие по законам, царившим миллионы лет назад.

Согласно этой таблице, примерно шесть тысяч лет назад человечество начало путь к цивилизации в составе трех крупных культурно-языковых групп, расположенных по оси юг — центр — север Земного шара. Переходные состояния между упомянутыми культурами вполне естественны. Различия, обусловленные историко-географическими факторами, актуальны и по сей день.

Очень важным, с точки зрения предмета нашего исследования, является следующее обстоятельство: при расследовании источников индоевропейской цивилизации следует точно установить основной источник. В плане времени и места историческая наука отдает предпочтение понятию коренных культур. Сегодня точно известно, что даже капиталистическая культура сделала резкий толчок в своем распространении по всему миру. Сильный удар по нашему сознанию наносят бесосновательные, не подкрепленные источниками эфемерные понятия. Те, кто не способны

снабдить исторические знания комментариями, подтвержденными жизнью, не в состоянии здраво рассуждать о современной жизни. Невозможно плодотворно осознать и жить в обществе, у которого нет истории.

До меня дошли некоторые критические замечания, относящиеся к тому, что в более раннем своем труде «Защита свободной личности», рассуждая об источниках цивилизации, я допустил чрезмерный редукционизм в оценке исторической роли Междуречья и возникшей на этом источнике шумерской цивилизации. Принимая во внимание эту критику, я решительно заявляю, что не собирался заниматься редукционизмом, я просто освоил основной источник этой цивилизации. Я представил вашему вниманию свои гипотетические размышления для того, чтобы привлечь внимание к основным вопросам культуры и отходящих от нее ответвлений, если представить ход истории в виде речного потока, мейнстрима (что неизбежно с точки зрения онтологической структуры общественного развития). Точнее, я привлекаю внимание к этому вопросу. Подобно тому, как господствующая цивилизация современности, которой является капиталистическая модернистская цивилизация, основана на индоевропейской цивилизации, сама индоевропейская культура основана на арийской культуре, на ее шумерской и египетской ответвлениях.

Без правильного анализа проблем мейнстрима человеческой цивилизации и ее ответвлений невозможно правильно осмыслить сегодняшний день. Некоторые побочные ветви основного потока могут иметь быстрое течение, некоторые же могут высыхать, не доходя до цели. Более того, источники, порожденные течением истории, имеют определяющий характер. Если мы хотим постичь эффективность общественного развития в его историко-географических масштабах, нам следует проверить практикой все потребности метода в процессе решения проблем.

2. ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АРИЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Истории известно очень мало подходов, основанных на критериях культуры и цивилизации. Те же, кто придерживается их, зачастую расходятся во взглядах. Проблемы, которые мы пытаемся решить в этом труде, не связаны ни с культурой, ни с цивилизацией. Место и время культуры и цивилизации в социальном развитии мы будем оценивать по мере вклада, внесенного ими в историю, наряду с ее определяющим характером. В противном случае историю (как это бывает в большинстве случаев) не минует участь «сборника фактов». С этим очень тесно связана следующая особенность истории: она не обучает, а диктует факты без обучающего характера. История, состоящая из таких факторов и явлений, как религия, династии, цари, войны, племена и прочее, превращается в идеологические усилия, направленные на подготовку общественного прогресса не с целью воспитания и обучения, а с целью воспрепятствования этому процессу, для чего умышленно создаются барьеры, обрабатывается сознание, общественная память подстраивается под требования и прихоти властей предрержащих и эксплуататоров. Такое мировоззрение является оставшимся с древности пропандистским орудием идеологического узаконения существующего положения.

В свете пояснений о системе методов и знаний развернем наши рассуждения. Еще один пункт критики наших рассуждений об арийской культурно-языковой группе заключается в том,

что он якобы попахивает расизмом, поскольку Гитлер тоже использовал арийскую тему. Сторонникам этой точки зрения я хочу сказать следующее: в названии партии Гитлера присутствует слово «социалистическая», что же, нам теперь надо отказаться от социализма, сказав, что это слово попахивает расизмом? Дело в том, что идеологи фашизма довольно успешно использовали многие научные и идеологические понятия, иными словами, они достигли серьезных успехов в своей демагогии. Но мы же не откажемся из-за этого от науки и идеологии. Я заявляю, что у меня даже в мыслях нет пропагандировать арийский национализм, вместе с тем с честью и гордостью заявляю, что являюсь одним из тех, кто способен осмысленно противостоять национализму. Если мы хотим осознать дикость сегодняшних событий в Ираке, то должны признать полную несостоятельность существующих по сей день истории и социологии. После этого у нас возникнет право на критику и новые историко-социологические предложения. То, что мы хотим сделать, это всего лишь скромный вклад в раскрытие причин человеческой трагедии. Я должен в общих чертах остановиться на вопросе, который довольно подробно освещал в своем труде «Защита свободного человека».

А. Мы считаем, что роль арийской культурно-языковой группы как фундамента для формирования языка и коренной культурной среды обусловлена историко-географическими факторами. Период приблизительно между 10 и 4 тысячелетиями до н.э. стал длительной эпохой формирования арийского языка и культуры. В эту эпоху были изобретены разнообразные гончарные круги, в земледелии стали применять плуг и упряжь для животных, изобрели колесо, ткань, жернова для ручного помола, сформировались искусство и религия. Богатое разнообразие растений и животных в регионе способствовало серьезному росту населения. Такие орудия труда, как топоры, ножи, жернова, колеса, а также памятники архитектуры, прочие произведения искусства и религии создавались не только из новых и обработанных, тесаных камней. Гораздо более впечатляющие памятники материальной культуры создавались из ископаемого камня так называемого периода энеолита. Этот камень довольно часто

можно встретить и сегодня. В ходе раскопок в Брадосте, что в предгорьях Загроса, а также при раскопках в Чайоню и Урфе (Гё - беклитепе) обнаружены памятники быта и архитектуры, сделанные из превосходно обработанного камня, а также множество орудий труда и материалов из ископаемого камня, причем все эти предметы, по предположениям специалистов, изготовлены около 11 тысяч лет назад.

Памятники культуры, и по сей день используемые местным населением, а также лексемы, их обозначающие, проливают свет на регион как на ядро цивилизации. Сео (земля), Arđ (место, земля, поле), jĭn (женщина, жизнь), goj (солнце), bra (брат), mur (смерть), sol (обувь), neo (новый), ga (бык), gran (большой, тяжёлый), meş (ходьба), guda (бог) и еще десятки слов, которые мы могли бы перечислить, и сегодня используются во многих европейских языках. Эти слова, используемые и сегодня в качестве основ в языках таких аутентичных, наиболее древних оседлых народов региона, как курды, персы, афганцы, белуджи, свидетельствуют о том, что не арийская культурно-языковая группа имеет европейские и индийские корни, а наоборот. В период, когда в регионе процветала арийская культура, восходящая к памятникам шумерской письменности, а с археологической точки зрения насчитывающая не менее 11 тысяч лет, Европа переживала эпоху палеолита, а в Индии царил период пигмеев. Мы определенно можем подчеркнуть, что именно арийская культурно-языковая среда стала источником более половины всех основных средств производства, используемых человечеством на протяжении длительного исторического периода. Помимо уже изученных археологических памятников, о которых мы уже упоминали, тысячи других еще находятся под землей. В принципе, народы, ведущие свое начало еще с аутентичных времен, представляют собой живые археологические памятники. Идентичность этих народов сформировалась еще 6 тысяч лет назад. Еще раз должен сказать, что историческая наука будет несостоятельной до тех пор, пока не будет осуществлен комплексный анализ фактов и явлений, имевших место в этом центре культуры (Плодородном Полумесяце).

Б. Мы ни в коем случае не можем игнорировать значение такой другой параллельной культурно-языковой среды, как семитская. Не может быть сомнений в богатстве этого культурно-языкового образования, сформировавшегося в тот же исторический период. Развитость животноводства и родоплеменных отношений в семитской культуре, может быть, даже богаче арийской. Именно эта сторона обусловила большее развитие семитов в сравнении с арийской культурно-языковой группой. В шумерских манускриптах можно встретить упоминания об этом. В эпической форме упоминается конкуренция между двумя основными направлениями в животноводстве и земледелии. Как это похоже на ситуацию в современном Ираке! В языке и культуре семитов хорошо развита эпичность. В связи с тем, что особенности пустыни везде похожи, формирование понятий о небесном божестве «Эл, Аллах» может соответствовать характеру этого периода. Возвышение до уровня небес чрезвычайно интересной начавшей дифференциации родоплеменной идентичности, возможно, связано с таким священным понятием, как «Эл, Аллах». Толкование Э. Дюркгейма понятия божества как «общественной идентичности» может быть вполне подтверждено примером формулировки «Эл, Аллах». В семитской культуре довольно рано появились такие понятия, как «шейх, сеид». В период цивилизации они трансформируются в понятия «пророк и господин».

Несмотря на то что египетская цивилизация фараонов формировалась в ареале семитской культуры, особого вклада семитов в ее развитие не отмечено. Нет каких-либо данных, позволяющих полагать, что семитская скотоводческая культура в 4 тысячелетии до н.э. способствовала рождению такой развитой городской цивилизации, как египетская. Впрочем, египетские письменные источники даже не скрывают, что семитская культура чужда египетской. Между ними нет никакого языкового сходства. Семитская культура впервые находит свое отражение в писаной истории в середине 3 тысячелетия до н.э. как аккадская, вавилонская, ассирийская, ханаанейская, израильская идентичность. Арабская идентичность сформировалась гораздо позднее, как этноним арабы стали известны в середине 1 тысячелетия до н.э. Арамеи, арамиты и апиру — это скорее шумерские и египетские понятия.

Гипотеза о растворении Финикии, Палестины и даже Израиля в семитской культуре (подобно египетской культуре фараонов) находит серьезное подтверждение. Исходные пункты этого процесса тесно сопряжены с морем и арийской культурой. Есть подтверждения того, что они утонули в пучине семитских миграционных волн.

Шумерские источники, а также археологические находки и сохранившиеся до наших дней некоторые аутентичные артефакты предоставляют обширный материал относительно волнообразной агрессии семитов против арийской культуры и их миграционных процессов. Эти нападения и колонизация прослеживаются вплоть до 6 тысячелетия до н.э. В частности, аккадские, вавилонские, ассирийские, арамейские и арабские колонии поочередно, в виде пластов, оставляли свои следы в Верхней Месопотамии. Особенно сильно ассирийское и арабское влияние. Вместе с исламом начались активные ассимиляционные процессы. Исламизация происходила в тесной связи с арабизацией. Арийская культурно-языковая среда демонстрировала серьезное сопротивление этой экспансии, колонизации и ассимиляции, более того, время от времени переходила в контрнаступление, чем смогла усилить неприятие происходивших процессов. Родоначальников шумерской цивилизации, предводителей египетской цивилизации, гиксосов и евреев мы могли бы представить в качестве известных истории примеров. Практически все разделяют гипотезу, что в период существования халафской культуры (6–4 тысячелетия до н.э.), представлявшей собой наиболее развитую стадию верхне-месопотамской культуры с арийской основой, родоначальники шумерской цивилизации путем миграции практически переместили эту культуру в Нижнюю Месопотамию, где довели ее до более высокого уровня. Прекрасно известно, что на поздних этапах на культурно-языковую общность шумеров оказывалось аккадское, вавилонское и ассирийское влияние.

Наибольшим вкладом в правильное толкование истории стала бы констатация факта, что семиты были именно теми группами, которые вынудили шумеров к миграции, более того, они осуществляли наиболее активную культурную экспансию халаф-

ской эпохи. Не исключено, что из арийской культурной сферы происходила миграция некоторых групп, однако наиболее впечатляющим элементом этого процесса стало распространение культуры, переживавшей в тот период свой расцвет (в мировом масштабе). Искать влияние Средней Азии или Кавказа, как это порой пытаются делать, совершенно неверно, потому что в эпоху формирования шумерской цивилизации (6 тысячелетие до н.э.) эти регионы находились на стадии раннего каменного века и только познакомились с арийской культурой. Им нечего было внести в столь развитую культуру, как шумерская, ни по форме, ни по содержанию. Агрессорам тоже было очень далеко до того, чтобы прервать арийский культурно-языковой пояс. Неверно думать о чистоте культуры: некоторые кавказские и среднеазиатские группы, имели постоянный характер, поэтому, возможно, могли мигрировать на территорию Плодородного Полумесяца и в зону влияния шумерской культуры, которые были своего рода Европой и США той эпохи. Наконец, очень разные, в большинстве своем бедные культурные группы из всех регионов мира мигрировали в регионы, близкие к современной Европе. Подобно тому, как современная европейская культура экспортируется по всему миру, арийские язык и культура, пережив, в частности, стадию оформления и демографического взрыва (в особенности, халафская культура в 6–4 тысячелетия до н.э.), предоставляли возможность для подобной культурной экспансии. Что касается миграционных процессов, то их можно сравнить с трудовой миграцией в Европу.

В. Большое значение имеет правильное понимание значения долины Нила как важного культурного ареала. Развитие земледелия в этой долине и его перенос в цивилизацию египетских фараонов не могли оказать влияние на язык и вообще семитскую культуру. Язык Древнего Египта не несет в себе семитских лингвистических элементов. Именно поэтому семитская культура так и осталось небогатой. Культуры Судана, Эфиопии и других регионов Африки еще не вышли из палеолита. Следовательно, их влияние на развитие египетской культуры было невозможно даже теоретически. Точнее, его даже невозможно предположить. Трудно также теоретически допустить, что процветание в долине

Нила могло произойти под влиянием постоянно кочующих африканских племен. Тем более, что ощущалась потребность в продукции и средствах земледельческой революции. В долине Нила не произрастала ни одна из тех земледельческих культур, что характерны для региона Плодородного Полумесяца. Что касается фауны, то она не разнообразна, можно вспомнить разве что египетского осла.

Теоретические данные позволяют предполагать, что в тот же период одна из ветвей арийской культуры, распространившейся по всему миру, устремилась и в этот регион. Не стоит забывать, что долина Восточно-Африканского рифта расположена недалеко от долины Нила, поэтому потоки переселенцев с юга на север и с севера на юг были вполне возможны. Более развитые культуры воздействовали на этих древних путях во встречном направлении. Расцвет египетской цивилизации приходится на 5 тысячелетие до н.э., и он основан на зарождении шумерской культуры в момент расцвета Плодородного Полумесяца и ее широком распространении к 6 тысячелетию до н.э. Содержание, форма и транспортные возможности благоприятствовали этому. Наконец, нашу гипотезу подтверждают и примеры миграции по данному пути гиксосов в начале 3 тысячелетия до н.э., а след за ними, в XVIII веке до н.э. — евреев (судя по письменным историческим данным), основавших в Египте собственную колонию и доросшими до высоких постов. Несмотря на то, что культурная экспансия из арийского ареала в другие регионы постепенно иссякала, аналогичные потоки в семитские области продолжились несколько и впоследствии.

Г. После утверждения в долине Плодородного Полумесяца оформленной культуры наметилось ее активное распространение на восток, на территорию современного Ирана, Афганистана, Пакистана и Индии. Я должен еще раз подчеркнуть, что наряду с миграцией групп людей осуществляется экспорт культуры. Воздействие имеет не физический, а культурный характер. Культура, ранние признаки которой встречается в районе летних пастбищ Ирана примерно в 8 тысячелетии до н.э., в Индии достигла высокого уровня к 5 тысячелетию до н.э. В районе летних пастбищ Туркменистана ее воздействие приходится на 6 тысячелетие до

н.э. Можно предположить, что более ранние культурные влияния имели африканское происхождение и так и не преодолели палеолит. Элементы материальной культуры и физические сооружения некоторых групп (особенно в Индии) это подтверждают. Точно так же в Египте и Шумере нет никаких теоретических и практических подтверждений культурного развития, возникшего в результате самостоятельного развития.

Несмотря на то, что некоторые критики склонны считать такие размышления излишним редуccionизмом, я хочу особо подчеркнуть, что на протяжении истории культурные революции имеют крайне ограниченный характер и протекают очень тяжело. Возьмите европейскую культуру, не имеющую аналогов. В высшей степени конструктивно было бы выдвижение такого тезиса о развитии культуры в долине Плодотворного Полумесяца. Ожидание крупных культурных революций от групп, находящихся в плену тысячелетних привычек и стоящих перед фактом уничтожения, не оправдано ни теоретическими построениями, ни культурными находками. Культурная экспансия на восток происходила в 4 тысячелетии до н.э. как скачкообразный переход к урбанистической цивилизации с центром в Сузах, который находится на западе Ирана в районе Элам. Это однозначно шумерское влияние. Городские поселения Хараппа и Мохенджо-Даро, расположенные по берегам реки Пенджаб (Пенджаб), что находится восточнее, на территории современного Пакистана, стали возникать в середине 3 тысячелетия до н.э. Очевидно, что они возникли вслед за шумерской цивилизацией. Аналогичным образом, мы не станем искать оригинальные следы других культурных образований, применяя теории принуждения. Если культурный слой, называемый иногда оригинальным, находился на уровне, соответствующем уровню пигмеев, то попытка выдать его за самостоятельную урбанистическую цивилизацию — серьезное заблуждение и преувеличение. Напоминание, что тысячи групп на протяжении миллионов лет своего существования в более развитых географических регионах, на аналогичных уровнях развития, так и не смогли совершить культурную революцию, поучительно и поможет верно понять наши рассуждения.

Несомненно, эти сферы внесли свою лепту в прогресс, в них осуществлялись разнообразный синтез. Расселение и оседлость — взаимосвязанные процессы и зачастую добровольны. Дело в том, что в этом случае происходит распространение не эксплуататоров, а продуктов материального и морального развития, имеющих прогрессивный характер. Культуры, склонные к распространению и дающие о себе знать именно таким образом, воспринимались как некий «священный дар божий». Очень важно не путать культурную миграцию, возводящую материальные и духовные ценности на более высокий уровень, с колонизаторством, экспансией и насильственной ассимиляцией. Крайне редко распространение культур происходило в форме диких набегов, колонизации и насильственной ассимиляции. Большинство народов осознавало, что новая культура несет им более высокое качество жизни. Имевшие место в истории узконационалистические подходы привели вопрос культурной миграции в неразрешимый тупик. С точки зрения метода и знаний очень важно научиться не попадать в капканы национализма, искажающие, отрицающие ход истории, что в итоге приводит к непониманию.

Д. Сравнение арийской культуры с основной ветвью китайской культуры — очень интересная тема, требующая серьезного исследовательского подхода. Предполагается и, в принципе, подтверждается имеющимися данными, что неолитическая культура в Китае достигла высшего расцвета в 5 тысячелетии до н.э. Вспомнив о том, что в то же время арийская культура из Европы устремлялась в Индию, можно выдвинуть довольно обоснованное предположение, что арийская культура совершенно спокойно могла получить распространение и в Китае. Вполне вероятно, что источником роста китайской культуры послужила арийская культура, но география (ареал распространения находится на берегах Янцзы) и исторически сложившаяся закрытость сыграли главенствующую роль в формировании местной культуры. Воздействие арийской культуры, безусловно, было, но местные культурные особенности способствовали самобытной неолитической революции. То же происходит и в современном Китае. Долгий путь исторического развития, географические и демографические особенности некогда способствовали зарождению и развитию своеобразного характера коммунизма, а сегодня в Китае процветает

своеобразный капитализм. Без слияния коммунизма или капитализма с китайским характером невозможно представить себе китайский коммунизм или капитализм. В число основных особенностей этносов китайской группы (японцев, корейцев, тюрков, монголов, вьетнамцев и других) входит умение оказывать серьезное сопротивление внешним факторам, а в случае неудачи — переходить к серьезному и активному освоению конкурирующих культур. Рука об руку идут активное сопротивление всему чуждому, примитивное подражание и способность восприятия. В этих культурах присутствует глубокая самобытность, ставшая их общей отличительной особенностью.

Неолитическая стадия и последующая ступени развития цивилизации через Китай перешли к другим членам этой этнокультурной группы. Правильнее рассматривать роль китайцев в их группе аналогично роли арабов в семитской группе. Подобно семитской культурной группе, китайская группа также не смогла достичь глобального развития, как это удалось арийской культуре. В этом смысле правильнее всего было бы расставить эти факторы в следующей последовательности: арийская группа, семитская группа, а затем уже китайская группа.

Е. Прояснение отношений между арийской и индоевропейской культурно-языковыми группами гораздо важнее и является основной проблемой исторической науки. Это самое слабое звено цепи, оно чаще других становится объектом спекуляций, но никогда по этому вопросу не достигается единства взглядов. В XIX веке, когда была установлена общность индоевропейской языковой семьи, началась серия серьезных исследований. Выдвигались противоречивые комментарии по поводу основного источника развития индоевропейской культуры, ее праязыка и протокультуры. Поиски корней этой культуры приводили некоторых исследователей в Грецию, Индию, даже в Северную Европу, даже в Германию. Но когда нашел свое подтверждение факт неолитической земледельческой революции в долине Плодородного Полумесяца, произошедшей после отделения человека от приматов (дочеловеческой стадии) Восточно-Африканского рифта, все остальные версии попросту лопнули. Два основополагающих центра развития истории человечества стали очевидны. Итак, мы постарались вкратце осветить этот вопрос.

Гораздо большее значение приобрели затем споры о том, какая культурно-языковая группа в долине Плодородного Полумесяца более аутентична. С точки зрения приведенных нами аргументов можно утверждать, что преимущественное положение занимали протокурды, персы, афганцы и белуджи, называемые членами арийской группы. В частности, по мере исследования языка хурритов, являющихся протокурдами, однозначно и бесспорно доказана их принадлежность к арийской культурно-языковой природе, свойственной аутентичным народам. Лично я считаю совершенно верным положение, что только этот язык и эта культура могли сформировать стержневой ареал неолитической революции. Однозначно не вызывает сомнений то, что этот самый стержневой ареал, который дугообразно очерчивается Тавро-Загросской горной системой и иначе еще называется долиной Плодородного Полумесяца, сформировался в центре арийского языка и культуры. Последние археологические раскопки, этимологические исследования и этнологический анализ все больше подтверждают и усиливают эту гипотезу. Таким образом, проблема, лежавшая в основе классификации индоевропейской культурно-языковой группы, по большей части решена.

Долгий исторический период и обширная территория распространения крайне затрудняют ареал арийской культурно-языковой группы. Но, тем не менее, легко можно предположить, что по аналогии с распространением на юг и восток имел место еще один культурный поток на север и запад, в сторону Европы. Волны этого потока, начавшегося примерно в 6 тысячелетии до н.э., уже к 5 тысячелетию достигли пределов Южной Европы, а уже к 3 тысячелетию оказались в Западной Европе. Сейчас это общепризнано. Серьезные историки, в первую очередь, Гордон Чайлд, ведут отсчет истории Европы именно с этих периодов. Более ранний период называют палеолитом. Предполагается, что превращение *Homo sapiens* в господствующий вид примерно 30 тысяч лет назад происходило в регионе между Южной Францией и Испанией и стало результатом североафриканских миграционных потоков, при этом основная часть этого процесса приходится на эпоху мезолита.

Неолит и земледельческая революция в Европе не являются предметом нашего исследования, однако я уверен, что определенная ясность, тем не менее, внесена, что обусловлено важностью проблемы. Далее, я предполагаю, что поток, устремившийся в Европу, не был чисто физическим, не имел колонизаторских целей, а был обычным культурным проникновением. Своеобразие Европы заключается в том, что она получила полностью готовую неолитическую революцию. В одночасье у Европы появился шанс воспользоваться достижениями, копившимися в течение 11 тысяч лет. Можно сказать, подобно тому, как Европа превратила современный мир в объект четырехсотлетней культурной экспансии, она так же считала себя объектом утверждения — вначале неолита, и затем римской цивилизации и духовно-интеллектуальной революции христианства. Три великие революции проникли в Европу, прежде всего, в культурном смысле. За исключением немногочисленных войн, Римская империя в целом осуществляла свою экспансию не с помощью эксплуатации, колонизации и насильственной ассимиляции. Экспансия осуществлялась в основном посредством восприятия более превосходящих культур по принципу «это есть дар божий». Освоение результатов, достигнутых человечеством в течение 10 тысяч лет, способствовало тому, что были заложены основы для более поздних европейских революций (Ренессанса, Реформации, Просвещения, политической, промышленной и научной революций). Эти великие перевороты не являются плодом собственных способностей Европы. Основы их были заложены благодаря тому, что Европа стала руслом для фарватера и рукавов реки истории. Несомненно, завершение ледникового периода, пришедшееся на данную историческую эпоху, сформировало очень благоприятные климатические условия, так что Европа буквально покрылась свежими лесами, почвы были плодородны, и сочетание всех этих условий способствовало резкому скачку цивилизации, оставившей неизгладимый след, донеся свое влияние до современной истории. При необходимости мы более тщательно рассмотрим это явление.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС НА БАЗЕ ПЛОДОРодНОГО (ЗОЛОТОГО) ПОЛУМЕСЯЦА И ПРАВИЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЖИЗНИ

В этом разделе я пытался специально проанализировать воздействие определенных социальных критериев времени и места на тот или иной стиль жизни. С методологической точки зрения я особо пытался подчеркнуть, что социальные реалии есть реалии, созданные человеком. Этот вопрос настолько важен, что любого рода деятельность, направленная на обогащение знаниями, без должного осмысления может превратить понятия «обучение» и «смысл» в своего рода продолжение невежества и бессмыслицы. Я утверждаю, что невежество, охватившее капиталистический модернизм, гораздо масштабнее невежества Абу Джахилия, которое было подвергнуто жесткой критике и в итоге проклято еще на заре зарождения великих религий. Основная причина этого заключается в позитивизме, ставшем своего рода религией, вероятно, наиболее материалистической из всех. Религия, в которую выродился позитивизм, мало того, что является продуктом человеческого мышления по характеру, представляет собой по существу метафизику.

Чтобы доказать это, в части, касающейся методологии, я довольно подробно рассуждал о том, что человек с точки зрения собственного мышления является метафизическим объектом. Позитивизм не осознает того, что такая позиция является ничем иным, как «идолопоклонничеством» Древнего Мира. Я решительно утверждаю, что позитивизм есть идолопоклонничество. Позитивизм не служит постижению истины. Позитивизм — это

не научная философия, основанная на фактах, как бы позитивисты ни настаивали на обратном, потому что такая философия не может существовать. Факт — это любое явление, или звук, не что, видимое глазом и воспринимаемое слухом. Любое чувство также является фактом. Но станет ли хоть кто-то, пусть даже самый невежественный человек, настаивать на том, что вселенная состоит из одних чувств? По мнению Платона, факты нельзя считать даже представлением. По мнению Ницше, каждый факт может считаться примитивным элементом восприятия. Так что можно подробнее остановиться на взаимосвязи восприятия и факта, примерно так же, как мы подробно рассмотрели взаимосвязи субъекта и объекта.

Очень жаль, что модернизм представляет собой картину жизни, построенной на примате фактов. Я осознанно использую слово «картина», потому что модернизм связан не с сутью жизни, а с самой поверхностной ее формой. Положение, которое высказал, но не смог раскрыть Адорно — «Неправильную жизнь нельзя прожить правильно», — стало итогом глубочайшего эмоционального разочарования философа во время геноцида евреев. Это высказывание, по сути, ключевое, не раскрыто и не истолковано.

Из чего исходит основная ошибка жизни? Кто в ней виноват? На чем она построена? Каковы ее взаимоотношения с господствующей социальной системой? Ответов на эти и подобные вопросы нет. Исследователи ограничились лишь поиском истоков в процессах, происходивших в эпоху Просвещения и рационализма. Сам предмет спора, то есть ошибочная форма жизни, был оставлен без освещения.

Аналогичные усилия прилагал и Мишель Фуко. Но Фуко ограничился лишь фразой «Современность есть смерть человека». Как мог столь известный философ вместить такой серьезный жизненный вопрос, как смерть человека, всего в одну фразу? Не имеет особого смысла говорить о ранней смерти. Серьезная истина требует обоснования, даже если его приходится делать на последнем дыхании. Даже перед лицом смерти Коперник говорил, что Земля все-таки вращается вокруг Солнца. И на Западе, и на

Востоке есть множество подобных толкователей истины. Критики постмодернизма, погрязшие в преступлениях, совершенных модернизмом против жизни, стыдливо приоткрывают завесу над правдой. Речь идет об общем языке всех, кто погряз в рабстве, чье мышление оказалось заполоненным системой знаний, неподносимых властью. В какой-то степени это эзопов язык!

Повторю: тезис, который я намерен раскрыть, сводится к представлениям о подлинной и неподлинной жизни. Могли ли цивилизации прошлого, а не только модернизм (капитализм) предоставить такую форму жизни, которая устроена безупречно? И не несут ли солидарную с капиталистическим модернизмом ответственность за ошибочную основу жизни шумерские жрецы и боги-цари, египетские боги-цари и персидские цари, Александр Македонский и римские императоры, исламские султаны и европейские монархи, системы правления которых составляли официальную основу жизни? Если на шею общества надевается цепь, то ошибочно устроенная жизнь, передаваясь через звенья этой цепи, постепенно укореняется в обществе. Недостаточно валить ответственность за ошибочный стиль жизни только на модернизм и его войны и резню. Ответ так же глубок, как глубоки корни проблемы. Остановившись на великой культурной революции, имевшей место в Плодородном Полумесяце, и стиле жизни, которому она способствовала, мы постарались дойти до корней всех этих проблем.

Безусловно, мы не можем полностью объяснить общество культурой. Необходимо добавить многие факторы, но нельзя игнорировать то, что в основе лежит культура. При необходимости мы должны будем раскрыть также смысл, который мы вкладываем в понятие «культура». Под этим словом мы подразумеваем местность, географический регион, обладающий особенностями, обуславливающими длительное осознанное сосуществование истории и общества. Мы не собираемся осознать общество, как сущность, начавшую свой путь развития с нуля и упряжке с историей и географией. Но хотим подчеркнуть, что именно история и география сыграли основополагающую роль в существовании большого количества общественных формаций,

построенных в истории. Необходимо отметить, что общественные формации состоят из жизненных звеньев с характерными критериями времени и места, и каждое звено настолько же похоже на соседнее, насколько имеет свою специфику.

Различия в жизни семитских и китайских обществ, восходящие к различиям в фундаментах, основанных десять тысячелетий назад, в определенной степени помогают осознать уровень современной жизни этих обществ. Аналогичная особенность также характерна и для арийской культуры. С другой стороны, мы должны сделать философские выводы о том, что фундаментальная культура жизни, которая возможна на государственном и иерархическом уровне, под руководством королей в масках и без масок, завуалированных и голых, возведена к официальному уровню, и это привело к серьезным искажениям смысла, заблуждениям, что в конечном итоге оборачивается уязвимостью перед разнообразными грязными методами, войнами и резней. Речь может идти об официальных и неофициальных стилях жизни на вертикальном уровне и стилях жизни на горизонтальном уровне. Опять-таки, суть социальной жизни, являющейся главным источником, определяет все формы существования в указанных звеньях.

Попробуем несколько раскрыть содержание понятия «культура». Несомненно, клановое сообщество тоже обладает собственной культурой, следовательно, в нем существует своя форма жизни. Аналогичным был смысл жизни в клановом сообществе. Язык и мышления в клановых сообществах выражаются с помощью знаков. В принципе, кланы недалеко ушли от приматов, то есть от животного мира. Говоря об одном отдельном клановом сообществе, можно подразумевать все остальные кланы. Удовлетворение насущных потребностей, безопасность и размножение — вот три столпа, объединяющие чуть ли не всех животных. Мы уже говорили о существующей связи с ограниченностью мышления. Развитие различий в жизни свидетельствует о развитии гибкости мышления, переходе к символическому общению и использовании материальных объектов, в рамках которых они развиваются.

Культурное развитие, в таком случае, является обобщенным выражением материальных объектов, усложняющихся вместе с развитием гибкости мышления и языка символов. Если в узком смысле слова культура определяет сознание, шаблоны мышления и язык определенного общества, то в широком смысле она становится выражением накопления материальных ценностей (производство, хранение, формы обмена всех необходимых средств и материалов, пищи, транспорт, оборону, жилье, весь комплекс способов поддержания красоты). Культура определяет сознание, а также сходство способов мышления, разброс между различиями, недостатками и достоинствами, а также аналогичный уровень жизни.

Мы должны повторно указать, что интеллектуальные и материальные накопления созданы, благодаря личным способностям человека, в этом смысле, они нашли свое выражение в форме социальных реалий. В таком случае, мы не нанесем серьезного ущерба смыслу, утверждая о том, что на протяжении миллионов лет в эпоху древнекаменного века, жизнь в различных клановых сообществах практически была однообразной, и каких-либо существенных различий не наблюдалось. Именно по этой причине мы со всей серьезностью отметили выход на историческую арену великих культурных пластов. В принципе, каждый серьезный культурный пласт означает развитие новой формы жизнедеятельности, серьезно отличающейся от других. В этом смысле можно отождествить социальный прогресс с прогрессом культурным. Сказанное можно сформулировать следующим образом: чем больше гибкость и свобода сознания, тем осмысленнее язык символов, богаче мышление, следовательно, способность создавать больше объектов материальной культуры, а в итоге — и прогресс социальной жизнедеятельности.

В данном разделе выдвигается версия, что общественный уклад, как искусственная реальность, в основе своей не является плодом деятельности человека. Безусловно, нельзя игнорировать материальную составляющую и биологический прогресс, наличествующие в обществе, мы знаем о исследованиях в области физики, химии и биологии. В частности, антропология и

психология, исследующие человека как вид и концентрацию разума, достигли в своих сферах впечатляющих результатов. Хотя мы сделали ряд критических замечаний, следует признать, что наука даже в ее раздробленном состоянии дала много. Смысл наших постоянных напоминаний о том, что общество представляет собой отдельный уровень восприятия, сводится акценту на разнице между социологией и прочими науками. Без осознания этой разницы мы не избежим болезни «научности», совершив ту же серьезную ошибку, что позитивисты. Итогом же становится геноцид, характерный для капиталистического модернизма. Повторяю: геноцид, страшнейшее преступление, повергшее в ужас Адорно — это явление, существование которого не может быть объяснено никакими божественными предписаниями или человеческими исследованиями, это идеология, заставляющая сжигать на одном костре все книги, и основанная на ошибочном построении жизненного уклада. Очень важно утверждение, что жертвы геноцида не будут упоминаться никак иначе, нежели в упомянутом смысле. Современная жизнь и позитивизм настойчиво игнорируют эту истину, словно уверены в том, что социальная жизнь будет продолжаться, несмотря на новые и новые факты геноцида. Или они легкомысленно считают, что без искоренения геноцида и его устоев возможна дальнейшая жизнь со всеми искажениями сознания и материальными достижениями цивилизации, способствовавшими появлению этого преступления. Так, именно эти проявления легкомыслия, которым не должно быть места ни в одной книге и, следовательно, в мышлении, стали причиной раздражительности, ухода в себя и в конечном итоге смерти Адорно.

Я пытаюсь раскрыть, осмыслить и практически реализовать нашу способность выявить источники такого легкомыслия и найти пути их искоренения. Мы ни в коем случае не должны игнорировать процесс образования очагов геноцида внутри наличного модернизма. Развивающиеся на наших глазах события в Ираке в явной или неявной форме дают почувствовать человеконенавистническую и преступную сущность всех режимов Ближнего Востока не только тем, кто сгорел и исчез в горниле этих режимов, но

и сторонним наблюдателям. Но с другой стороны, мы видим величайший поиск свободы. Свободная жизнь и геноцид никогда не смогут быть частями одной дилеммы. Мы не вправе становиться соучастниками этого преступления, продолжая такое существование. Как же получилось, что эта земля, ее история, способствовавшие формированию самого богатого смысла жизни, оказались в таком состоянии? С одной стороны, межэтнические войны, установившие первичный смысл жизни, а с другой — войны под предводительством последнего великого божества модернизма? Одним словом, постоянное возвращение к теме, поиск ответов и осуществление практических действий неизбежны.

Опишу вкус жизни в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца несколько беллетристически. Начну с цитаты из Бредвея, проводившего раскопки в районе Диярбакыр-Чайюню: «Нигде в мире жизнь не может быть такой осознанной, как в предгорьях дуги, описываемой горной грядой Тавра и Загроса». Что же могло побудить человека, выросшего в совершенно далекой от этих мест культурной среде, произнести подобные слова? Отчего археолог и историк, хорошо знакомый с цивилизацией, увидел наиболее осознанный характер жизни именно в этом культурном ареале? А ведь те, кто родился и живет на этой земле, готовы покинуть ее в обмен на работу в Европе за мизерную плату. Они воспринимают свою миграцию как уникальный подарок судьбы как-будто бы у них нет ни святынь, ни эстетических ценностей?!

Должен признаться, что и сам я, некогда «заболев» модернизмом, хотел сбежать от всех, в том числе от родителей. Я часто признаюсь себе, что именно это было самой большой ошибкой в моей жизни. Но в то же время я знаю, что недалеко ушел от наблюдений Бредвея; будучи сыном этих предгорий, я видел на вершинах гор священные троны богов и богинь, а в предгорьях видел остатки созданного ими рая и хотел без остановки бродить по этим местам. Еще в детстве меня прозвали «любителем гор». Как я узнал позднее, такая жизнь больше характерна для бога Диониса, которого сопровождали группы вакханок — свободных девушек, сведущих в различных искусствах. Они вместе ели, пили и развлекались. Мне нравится такая божественная жизнь. Кста -

ти, философ Ницше предпочитал этого бога Зевсу. Многие свои афоризмы он даже подписывал «ученик Диониса». Еще живя в селе, я понимал, что это не совсем соответствует догмам религии, но, тем не менее, больше любил играть с девушками различные игры — в свадьбы, прятки. На мой взгляд, естественность должна быть именно такой. Я, по существу, никогда не одобрял того, что главенствующая культура обрекает женщину на закрытость. Я не принял закон, называемый ими честью. По сей день я полностью готов свободно общаться, играть с женщиной, делить с ней прочие священные жизненные ценности, но я говорю категорическое «нет» связям с женщиной, основанным на силе, порабощающим ее, как бы это они назывались, что бы в них ни вкладывали.

Поскольку в образах богинь я вижу свободолюбивых женщин, родившихся в этих горах, я попытался осмыслить свою позицию именно с этих позиций. Вот что я часто вспоминаю: услышав в новостях, что «группа женщин из юго-восточных областей, находившихся в грузовиках и тракторах, погибла в дорожно-транспортном происшествии в таком-то уезде, по пути на полевые поденные работы», я испытывал в отношении их так называемых хозяев — мужей, семей, властной иерархии и государства — такие ненависть и гнев, которые не испытывал никогда и ни к кому. Но как возможно такое падение тех, кто ведет родословную от богинь? Падение, которому воспротивились и разум мой, и дух, никак не умещалось в моем сознании. В моем представлении женщина или должна быть святой, как богиня, или вообще не должна жить никак иначе. Я часто думаю о верности высказывания «Основным мерилom в характеристике того или иного общества является уровень жизни женщин в данном обществе». Применительно к своей матери я использовал такое выражение — наследие культуры матери-богини эпохи неолита. Она была такой же полной, как они. Искусственный созданный модернизмом образ матери помешал мне увидеть в ней ту самую святость. Несмотря на глубокую боль, не раз испытанную мной в жизни, я никогда серьезно не оплакивал события. Но, искоренив в своем характере шаблоны модернизма, я с трепетом и со слезами на глазах смотрел на положение собственной матери, а в ее лице на положение всех

матерей нашего региона (Ближнего Востока). Как самые лучшие и волнующие воспоминания проносятся в моей памяти те мгновения, когда я, отпивал немного из кувшина с колодезной водой, который моя мать от усталости на полпути опускала на землю. Я искренне советую всем пересмотреть взаимоотношения с родителями, но только после того, как в вашем сознании однозначно будут разрушены все шаблоны модернизма. Я бы хотел, чтобы аналогичная точка зрения распространилась и на взаимоотношения в селе, ставшие наследием эпохи неолита. Самой крупной победой модернизма, безусловно, явилось разрушение и полное уничтожение нашего культурного своеобразия, сформировавшегося на протяжении пятнадцати тысяч лет. Совершенно очевидно, что тяжело ожидать какого-либо свободного взгляда, сопротивления и жизненной страсти от личности и общества, чьи культурные позиции и взгляды унижены до такой степени.

Любое растение или животное у подножий нашей горной дуги становились поводом для моего эмоционального всплеска. Казалось, я видел в них носителей некоего священного смысла. Мы были друзьями, созданными друг для друга. Переполненный любовью, я восхищенно наблюдал за родными растениями и животными. Такой была моя любовь. По сей день я не могу простить себе то, как безжалостно и бессмысленно я отрывал головы подстреленным мной на охоте птицам. Именно это ощущение, как никакое иное, позволило мне увидеть серьезную угрозу, которую таит в себе противостояние субъекта и объекта. Моя экологическая концепция напрямую связана именно с признанием своей детской вины. Я смог бы устранить эту серьезную угрозу своему духовному состоянию, оставшуюся от культуры охотника, только сорвав с сильного эксплуататора и повелителя маску воинственности и власти, которая есть практически единственное его достоинство (те же самые божества в масках и без них, завуалированные и голые короли). Не поняв языка растительного и животного мира, мы не смогли бы понять самих себя, не смогли бы стать создателями экологического общества. Именно таким образом я смог осмыслить не отпускающие меня воспоминания о мире растений и животных.

На примере хозяйства своего отца я вспоминаю картины сельской жизни, которые разворачивались с ранней весны до поздней осени на полях, начинающихся от самых подножий гор. Пахота, сев, уборка урожая, вязка снопов — все это переполняет меня чувствами, сравниться с которым вряд ли могут эмоции, вызванные самым хорошим романом. Я очень жалею, что нам не удалось понять этих путников божьих и подружиться с ними. Тем более, что все мои отношения и связи развивались вокруг дружбы. Но я до сих пор не могу простить себе, что из-за устрашающих модернистских взаимоотношений я оказался не способен даже горевать из-за страшной утери, связанной со смертью отца. Я иногда задаюсь вопросом: может быть, отец был слабым, но одним из самых чистых и верных слуг божьих?! В принципе, в моем понимании самыми уважаемыми являются отцы-земледельцы.

Отношения на селе казались мне отжившими свое мертвыми отношениями какого-то неизвестного периода. Сейчас я воспринимаю мой побег из села в город как преступление. Теперь я не сомневаюсь, что идеальной для жизни человека является не зараженный раковой опухолью городской модернизм (всей цивилизации), а экологически чистая сельская местность. Город может стать местом, пригодным для проживания, только в случае, если он будет полностью соответствовать гармонии экологически чистых сел.

Людей, некогда живших и живущих сегодня в предгорьях огромной цепи от Аманов до Загроса, я считаю самыми святыми путниками тех богов и богинь, которые по сей день сидят на своих тронах на вершинах гор. Я верю, что обвинения в «отсталости» этих людей по сравнению с модернизмом следует воспринимать с точностью до наоборот. Я верю, что противопоставление развитости и отсталости — это идеологическое суждение, способствующее великому повороту к свободе, потому что не только обозначает отсталость, но помогает разобраться в капиталистическом модернистском мышлении, снизить до реальных человеческих основ жизни. Освобождение из адских сетей модернизма, столпами которого являются погоня за наживой, индустриализация и национальная государственность, помогает гораздо лучше во всем

разобраться и способствует обогащению смысла жизни. Лично я не променяю свой интерес и любовь к кургану, оставшемуся со времен неолита, на все великолепие Нью-Йорка. Этот мегаполис, который не несет никакого внутреннего смысла, который открыл свои двери страсти к еще большей наживе, заключил человека в железную клетку и отдал на пожирание чудовищам индустриализма. Он не лучше, чем самая плохая копия Вавилона с его смешением семидесяти двух языков, где никто никого не понимает. У меня нет никаких сомнений по поводу того, что путь к освобождению человечества пролегает через разрушение урбанизма с его злокачественной структурой.

Это краткое отступление предназначено оживить ассоциации с источником жизненной культуры, с которого мы начали свой путь. Не поняв во всех деталях современный стиль жизни, ставший продуктом созданных людьми социальных реалий, мы не сможем выйти за рамки роли «глупых слуг модернизма». Не освободившись из злокачественных сетей модернизма, который окутал всех и вся, вплоть до простого пастуха в горах, модернизма, разложение сути которого я пытался проиллюстрировать с помощью высказываний самых известных философов, модернизма, которым, несомненно, и я был некогда охвачен, мы не сможем обрести своим мышлением и волеизъявлением (мышление — организация — практика) познать богатств свободной жизни во всей прелести ее источников. Рано или поздно мы поймем, что нельзя правильно прожить нашу жизнь, которая изначально устроена ошибочно.

Попробую подробнее изложить то же более научным языком. Социальные реалии, созданные в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, в общих чертах продолжают свое существование в господствующем сегодня жизненном укладе. Элементы интеллектуальной и материальной культуры, несмотря на определенные количественные и качественные изменения, по сути своей схожи. Язык с точки зрения базовых характеристик един. Формы мышления дифференцировались в научных, религиозных сферах и в сфере культуры. Оборонительные войны и агрессии существуют сегодня так же, как и вчера. Продолжает реально существовать семья как основная единица.

Разница между всеми этими категориями углубилась по мере расширения и укрепления государственности. Государство, постоянно расширяющее сферу своего влияния в ущерб обществу, дабы удовлетворить собственные потребности, постоянно превращает в свою собственность и социально-интеллектуальные и материальные ценности, чем способствует их качественному и количественному изменению. Социальный прогресс продолжается как противостояние государству, а вовсе не наоборот, как принято считать. Мы постараемся осмыслить основные принципы дееспособности всех государственных образований — от шумерского государства жрецов до национальной государственности капиталистического модернизма. В частности, мы увидим, что не классовое расслоение способствовало массовому развитию государственности, а наоборот.

Я считаю, что Фернан Бродель недостаточно осознал роль такого понятия, как срок в общественном развитии. В частности, в подробном раскрытии нуждаются такие понятия, как срок и культура, срок и цивилизация, срок и общество. Это очень серьезный вклад в историю, который, однако, не был эффективно применен в исторической науке. В данном исследовании я самостоятельно раскрою это понятие и постараюсь его применить.

А. «Наиболее длительный срок» начался после завершения четвертого ледникового периода и закончится, когда общество Плодородного (Золотого) Полумесяца, сформировавшее основной поток неолитической революции, не сможет продолжать физическое существование из-за аналогичного ледникового периода, ядерной трагедии, непреодолимой эпидемии или иных подобных причин. В этом обществе «длительного срока» китайская и семитская культуры занимают место боковых путей развития. Прочие мелкие культурные ответвления стали реками, вносящими свои воды в основной поток. Необходимо хорошо понять сущность данного тезиса. Интеллектуальные и материальные достижения существующего общества настолько сильны, что никакая внутренняя социальная причина не может привести это общество к упадку, даже несмотря на свое разрушительное предназначение. Понятие «фундаментальное куль-

турное общество» мы можем применить и к этому сроку. Причина того, что я частенько упоминаю, хотя и повторяюсь при этом, шаблоны, содержание и накопления этого периода, заключается в стремлении постичь понятие «фундаментальное культурное общество», соответствующее понятию «наиболее длительный срок». Ведь понятия «срок» и «общество» в своих новых смыслах способны внести вклад в историческую науку. Либеральные социологи уже сегодня с помощью ложной метафизики своими суждениями о «конце истории» пытаются убедить в реалистичности собственного восприятия общества. Марксисты и другие сторонники «апокалипсиса» в полном отрыве от категорий времени и места обещают эпоху вечного счастья. Пессимисты, чаще ностальгирующие по «золотому веку», поддерживают тезис о бессмысленности сегодняшнего «века слабости».

Понятие наиболее длительного срока гораздо более научно, чем эти теории. Оно оперирует конкретными условиями и представляет понятные аргументы применительно к базису и надстройке общественной системы. Оно не душит историю, вгоняя ее в рамки некоего потока явлений, и не опускается до примитивного похода о периодичности возникновения узких социальных образований. Ни мгновенные явления, ни общественные формы не способны содержательно объяснить смысл жизни. Они могут лишь дать частичные пояснения.

В фундаментальных культурных обществах с самым длительным сроком существования существуют религиозные, государственные, эстетические, правовые, экономические, политические и прочие основные системы, которые постоянно претерпевают количественные и качественные изменения. Некоторые из них уменьшаются в масштабах, противостоящие им, наоборот, разрастаются. Если некоторые системы попросту исчезают, то дееспособные продолжают свое существование или в других, или в совершенно новых системах. В целом можно сказать, что между всеми понятиями и системами общества имеется некая формирующая диалектическая связь. Единство основного культурного общества не говорит об отсутствии в нем сильных членов и новых внутренних образований.

В этом смысле мы могли бы понять спор между сторонниками эволюционного характера жизни и сторонниками теории создания жизни. Те, кто считают жизнь результатом создания, осознают, что такое наиболее длительный срок. Основные свои силы они черпают именно в этом. Божественные заповеди о сроках создания жизни и конце света могут быть раскрыты с помощью культурного восприятия. Если прибегнуть к социологическому толкованию, то Создатель осознавал священный, возвышенный, выдающийся характер создаваемого общества. Впрочем, все три Священные Писания (Тора, Евангелие и Коран) представляют толкования волшебного, священного характера жизни в Плодородном (Золотом) Полумесяце. Принадлежность большинства человечества к этим трем религиям обусловлена качеством сформированных ими толкований. Доведение утверждения, что новая культурная жизнь, развивающаяся с волшебной скоростью (это очевидно для человечества того периода), перейдет в бесконечность, до уровня фундаментальной веры свидетельствует о силе воздействия данной культуры. Задумаемся: человеческие сообщества, которые в течение миллионов лет не могли освободиться от кланового образа жизни и уровня приматов, благодаря неолитической революции в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца сталкиваются с чрезвычайным строительством общества, которое можно назвать не иначе как потрясающим. Разве могли эти люди не воспринять данный общественный уклад иначе, чем священный, возвышенный, божественный, праздничный?

Тут я должен напомнить, что такие ученые, как Эмиль Дюркгейм и другие, ограничиваются тем, что считают общество группами людей, возникшими из общности явлений и структур. Классовое расслоение, государство, экономика, право, политика, философия и религия не выходят за рамки этой логики. Но эти мыслители никак не хотят понять, почему эти представления не могут иметь той же ценности, что и Священное Писание. Самая серьезная слабость пояснений ученых заключается в том, что они не смогли осознать значения общества, имеющего самый длительный срок существования. Я должен вновь

особо подчеркнуть, что человечество обладает долгой исторической памятью, и от этой памяти нелегко избавиться. Привязанность человечества к священным религиозным книгам вовсе не связана с тем, что эти книги посвящены абстрактным богам и, как принято считать, регламентируют некоторые ритуалы. Люди испытывают к этим книгам большое уважение потому, что ощущают в них смысл и след истории собственной жизни. Эти писания оказались в ряду незаменимых категорий потому, что в какой-то степени являются памятью современного общества. И лишь на втором плане оказывается, насколько правдивы явления и понятия, описанные в этих книгах. Фернан Бродель, очень кстати сказав о том, что история должна обрести характер социологии, а социология — характер истории, привлек внимание к фундаментальной методологической и научной ошибке. До тех пор, пока не будут установлены осознанные связи между сроком и обществом в историческом ракурсе, отдельные исторические и социологические суждения не перестанут наносить серьезные раны обществу и будут дальше толкать его в пропасть обесмысливания. Можно собрать массу фактов, основанных на документах, установить множество социальных правил и систем, регламентировать их существование, но до тех пор, пока не будет дан ответ на вопрос, где, когда и что именно говорят люди, живущие в обществе, вклад истории и социологии в познание смысла так и останется грубым материалом, не более того.

Несмотря на то что эволюционисты лучше других подтверждают факты и явления, им не избежать нашей критики, потому что они не способны понять смысла общественного срока. Общественная память гораздо важнее эволюции фактов и явлений. Для человека познание смысла важнее констатации фактов. В обществе жизнь подобна речному потоку, и то, что люди не собираются отказываться от веры в бога, объясняется силой общественной памяти. Ниже мы еще остановимся на этом вопросе подробнее, сейчас же скажу, что посредством понятия «Бог» общество определяет свою историческую память. Позитивизм, как болезнь модернистского толка, в основе своей

противостоит памяти общества, а косвенным образом он противостоит метафизическим воззрениям общества, поэтому он не избежит нашей жесткой критики. Подобно тому, как человек, потерявший память, сталкивается со многими жизненными трудностями, в итоге превращается в дитя, так и общества, утратившие свою историческую память, оказываются лицом к лицу с угрозой полной потери своего «я». Общественные системы, потерявшие память, неизбежно подвергаются эксплуатации, агрессии и ассимиляции.

Несмотря на утверждения позитивистов о том, что они подходят к обществу с научной точки зрения, позитивизм — это школа, которая меньше всех знает истинный ход развития общества. Рассуждая об обществе как о некоем грубо материалистическом сборище, не имеющем никакой истории, они таким образом (заблуждениями и ошибочным толкованием) способствуют развитию наиболее опасных социальных катаклизмов. Понятие социальной инженерии тесно связано с позитивизмом. Сторонники этого учения считают, что внешним воздействием можно придать обществу любую форму. Эти представления, схожие с официальным мировоззрением модернизма, формируют легальную базу войн за власть и зоны эксплуатации, которые осуществляются как в рамках общества, так и за его пределами.

Б. Понятие «структурный срок» мы можем применить к фундаментальным структурным преобразованиям в процессе развития общества. Характеристика сроков создания и распада фундаментальных образований может внести вклад в осмысление социальных реалий. Базируясь на таких явлениях, как угнетение и эксплуатация человека, можно дать осознанную оценку социальным различиям между рабовладельческим, феодальным, капиталистическим и социалистическим строями. Связь между структурными сроками и общественными формациями нашла свое отражение в серьезной литературе по данной теме, но в связи с тем, что не была установлена смысловая связь с такими понятиями, как наиболее длительный и короткий сроки, тема была раскрыта недостаточно, не удалось избежать повторов и клише.

Неолитическое общество можно оценить только вместе с структурными сроками и сроками становления культурного общества. Существование таких специфических явлений, как материальные и интеллектуальные жизненные ценности, можно объяснить «структурными сроками», но поскольку существующее и поныне культурное влияние продолжается до полного физического уничтожения или распада, то можно говорить о наиболее длительных сроках. Предметом сроков фундаментальных культурных обществ являются такие формы мышления и широкие группы людей, как наука, искусство, религия, язык, культурно-этнические сообщества, которые, несмотря на разнообразные изменения, претерпеваемые ими до конца срока, не теряют дееспособности. В частности, в этот период во главу угла можно поставить экологию, которая связана с результатами всех отраслей науки и стала наукой экономической структуризации. Постоянно должен быть актуальным также такой предмет, как демократическая политика, являющаяся по сути и наукой, и структурой.

Наряду с государственным укладом и образом жизни, которые являются основными элементами структурного срока, очень важны также иерархия, классы, государственные границы, существующие априори вместе с государством, а также такие понятия, как имущество, родина-земля, государство жрецов, государства династий, республика и национальные государства, представляющие собой основные формы государственности. Очень серьезное место занимают различные религии. В категорию структурных сроков входят способы производства, разделяющие одно общество от другого (неолитический, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический способы производства). В рамки понятия «структурный срок» входит предмет структурного распада.

Нижнюю ветвь социологии, изучающую структурные вопросы, можно вполне справедливо назвать «общей социологией». С точки зрения общего содержания можно назвать предметы наиболее длительного изучения «фундаментальной культурной социологией».

В. Предметы средних и коротких сроков, и с политической, и с качественной точек зрения включают в себя разнообразные явления и факты. Основные предметы исследований коротких и средних сроков — культурные и структурные изменения и преобразования. Предметы средних сроков имеют несколько больший срок существования, но включают в себя изменения, возникающие в рамках тех же структурных категорий. Например, в рамках этого суждения можно представить себе экономические кризисы, смены политических режимов, различного типа организации экономического, общественного, политического и практического характера. Одним из основных предметов категории коротких сроков является весь комплекс общественной деятельности индивида и его социализация. Средства массовой информации рассматривают гораздо более краткосрочные факты и явления. В числе первых находятся краткосрочные факты разового характера, встречающиеся в любой структуре.

Уместно упоминание социологии Огюста Конта, принимающей за основу краткосрочные факты. Иными словами, лучше всего именовать ее «позитивной социологией» (при этом не будем забывать о фундаментальной критике в ее адрес). По сути, она должна стать одной из ветвей социологии, изучающей события. События приобретают определенный вес и определяющий характер, в особенности в периоды хаоса. Завершенный характер может иметь слияние социологии вместе с фундаментальной культурной и общей социологией и позитивной социологией, изучающей события и факты.

Г. Все космические события и явления, включая, в частности, общественные, требуют обстановки, которую мы называем хаотическим и квантовым мирами. Квантовый и хаотический миры являются созидательными мирами. Несмотря на то, что до сих пор они серьезно не изучены, их существование является неоспоримым фактом. Одним из вопросов, все больше и больше интересующих науку, является поддержка всех долгосрочных, средних и краткосрочных образований в том виде, в каком они возникают «в любое мгновение» и «случаются с

короткими перерывами». Нельзя пренебрегать так называемым мигом создания, который можно было бы назвать «квантовым мигом» или «хаотическим промежутком». В космосе даже понятие свободы реализуется в этот самый «миг». Сама свобода связана с «мигом создания». Все образования природы и общества, обладая, с точки зрения создания, выживания и сроков существования, различные характерные признаки, тем не менее, испытывают потребность в «мгновениях создания».

В таком случае уместно как-нибудь назвать социологию, рассматривающую с общественной точки зрения все вопросы создания в самые кратчайшие сроки. Лично я предлагаю называть науку, изучающую «миг создания» в ракурсе социальных явлений, «социологией свободы». Скажу больше, я уверен, что социология свободы, которую можно назвать еще социологией мышления, благодаря гибкости мышления человека, обретшего беспрецедентные способности, благодаря социализации, и возникшей в связи с этим созидательности, превратилась в одну из серьезных сфер науки. Необходимо превратить изучение свободного мышления и воли к свободе в основной предмет изучения этой науки. В связи с тем, что развитие в миг создания есть развитие освободительного характера, социология свободы, которую можно назвать также социологией творчества, стоит во главе социологических вопросов, которые требуют наибольшего развития, поскольку «квантовый миг» и «хаотический промежуток» охватывают больше всего социальную сферу, следовательно, интересуют ее больше всего.

Особо можно поговорить об «астрономическом сроке», который не входит в сферу интересов нашего труда, но включен в общие рассуждения. По сей день не определены вопросы, входящие в рамки интересов этого срока, но в общих чертах мы могли бы включить в круг интересов «астрономических сроков» такие вопросы, как образование «солнца», «небесных тел», их исчезновение, потрясающие способности вселенной, заключающиеся в «расширении» и «сужении», и связанные с этим ее фундаментальные силы «тяги» и «толчка». Жизнь вселенной также является одним из самых спорных вопросов.

В соответствующих разделах мы раскроем положения о методах социологических исследований и попытаемся их применить. Считаю, что не должен отвлекаться от эксперимента, и вполне естественно, что мои построения имеют ценность как проект.

Рассмотрим еще раз процесс общественного развития в Плодородном (Золотом) Полумесяце с точки зрения этой социологии. Социология свободы попала в хаотический промежуток, наиболее плодотворный с точки зрения истории общества в период неолитической революции в регионе. Кочевые племена, поддерживавшие существование с помощью охоты и собирательства, в эпоху, когда остатки ледников были уже только на самых вершинах гор, воспользовавшись опытом прежних периодов, совершили переход к оседлому образу жизни с применением земледелия. Клановые сообщества, насчитывавшие сотни миллионов лет, оказались лицом к лицу перед переходом к более широким социальным образованиям. Речь идет о перевороте в мышлении, о самом настоящем взрыве. Вместо языка, не полностью оторвавшегося от старого кланового мышления и языка знаков, они перешли к более широкому мышлению, основанному на структуре оседлого поселения. Активно развивалась система языка, основанная на символах. Разнообразные продукты питания, средства передвижения, ткачество, гончарное дело, прядение, памятники архитектуры, религии и искусства, возникнув, требовали новой системы именования, новых шаблонов мышления.

Основываясь на новом укладе жизни сельских поселений с преимущественными социальными критериями, клановые связи постепенно превращались в этнические. Эти новые формы материальных образований не могли не только развиваться, но даже начать свое формирование без более осознанных рамок мышления. Переворот в мышлении и язык продолжали носить в себе символ старого кланового общества, то есть «тотема», но и обогатились символом неолитического общества — фигурой «матери-богини». По мере уменьшения числа тотемов отмечается распространение фигур матери-богини. Они символизируют

ют роль возвышающейся женщины-матери. Качественно новая ступень с точки зрения религии, это явление характеризовалось очень богатой чередой именованний и понятий. В языке стали появляться категории женского рода, и на протяжении долгого времени женский род главенствовал в категориях символического языка. И сегодня во многих языках можно встретить подобное явление. Вместе с матерью-богиней ореол святости распространялся на весь процесс социализации. Формирование нового общества означает появление новых понятий и именованний. Поскольку процесс, называемый нами революцией мышления, требует созидательности, нам следует включить это в рамки социологии свободы. Его поступательное развитие становится той темой, изучение которой объединило наиболее значимых историков. Это процесс, означающий формирование тысяч факторов, тысяч этапов революции мышления и возникновения имен. Имел место своего рода взрыв в мышлении, потребовавший более содержательных, оригинальных и созидательных усилий, чем в Европе. История подтвердила, что подавляющее большинство понятий и изобретений, используемых нами сегодня, появились именно в эту эпоху.

Даже грубо классифицировав, мы увидим, что речь идет о периоде созидания, занимающем не менее половины эпохи. Целый список, включающий такие достижения, как религия, искусство, наука, средства передвижения, архитектурные сооружения, выращивание зерна, фруктов, одомашнивание мелкого и крупного рогатого скота, ткачество, гончарное дело, прядение, кулинария, празднества, семья, иерархия, управление, оборона и агрессия, подарки, земледельческие орудия и многое другое, и сегодня, в развитой форме составляют фундаментальный список общественной жизни. Обратив внимание на оставшуюся от неолитической эпохи структуру села и семьи, мы видим, что общественная мораль, наиболее благородная по своей сути и составляющая силу общества, делающая жизнь осмысленной, включающая такие понятия, как уважение, любовь, добрососедские отношения, взаимная поддержка, намного выше ценностей (или безнравственности) капиталистического модернизма. Фун -

даментальные шаблоны общественного мышления, не теряющие значения по сей день, в своей основе отмечены символами той эпохи.

Жизнь явлений и фактов в регионе, с точки зрения позитивной социологии, была очень разнообразной для своего времени. В сравнении с примитивными формами охоты, самозащиты и собирательства в клановом обществе, явления и события в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца представляли собой поистине взрывной характер. Бесчисленные разнообразные события и явления, получившие новые имена, символизируют голос и практику человека. То, что основное понятие, заложенное этим историческим периодом в сознание человечества, впоследствии трансформировалось в понятие «рай», можно видеть из священных книг. Может быть, мы имеем дело с одним из счастливых мгновений позитивной социологии. Речь идет об эпохе, которая звездопадом украсила жизнь человечества. Во всех концах мира буквально дождем лился свет, звездное сияние фактов и явлений, земля озарялась райскими мечтаниями о развитии общества, на ней даже появлялись ростки практического осуществления этих мечтаний, одним словом, происходил процесс культурного обогащения.

С точки зрения общей социологии, в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца можно видеть следы всех структурных образований, оставивших свой отпечаток на общественном прогрессе. В частности, период 7–5 тысячелетий до н.э. является периодом полной структуризации. Были определены регионы, которые в дальнейшем оказались в основе сельских и городских поселений, был осуществлен переход к оседлым поселениям, зародилась иерархия, установилась структура религии, были построены первые молитвенные и ритуальные места, формировались этносы, выделились языки, зародились добрососедские традиции, нравственность и управление, казалось бы, достигли апогея. Иными словами, долговечность неолитического общества, земледелия и сельской революции, следовательно, структуризация, уже, казалось бы, нашли свою конкретную форму. Социальные структуры, составляющие основной предмет ис-

следования общей социологии, впервые достигли высот своего развития в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца. И сегодня мы многое можем почерпнуть из этой практики структурных образований, которые требуют тщательного изучения как оригинальные структуры общества. Чем тщательнее мы изучим структуры, возникшие в регионе и ставшие первыми ценностями человечества, тем больше будет у нас здоровых знаний об общей социологии. Следовало бы хорошо знать о том, что современная общая социология страдает очень серьезным недостатком осмысления. Если общая социология проведет самоанализ в качестве одной из частей общей социологии, то она может стать эффективным выражением науки осмысления.

Религии и культуры, чьи корни зародились в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, и которые являются предметом фундаментальной культурной социологии, представляют собой оригинальный источник. Общество существует в регионе уже очень долгое время. Как мы уже подчеркивали выше, общественная культура и пояс цивилизации, зародившиеся в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, останутся главенствующим до тех пор, пока природная и социальная стихия (например, возвращение к эпохе кланового общества) не нанесет существенного вреда жизни и деятельности человечества. Превращение китайской или семитской культуры в гегемона цивилизации теоретически нельзя исключить в силу их содержания, но на практике это очень сложно. Наконец, несмотря на многочисленные агрессии, как исламского, так и монгольского характера, индоевропейская культура (то есть культурный источник арийского праязыка и культуры) вовсе не потеряла своего характера культуры-гегемона. В будущем Китай, возможно, прибегнет к новой агрессии, но крайне сложно предположить, что ему удастся аннексировать и поработить индоевропейскую культуру, установить свою колониальную власть и эксплуатировать ее, обладающую столь осмысленными позициями оседлой культуры в мировом масштабе, разве что если этому не поспособствуют чрезвычайные внешние факторы (например, грандиозные природные и социальные катаклизмы за пределами китайской территории).

Фундаментальную культурную социологию мы могли бы отождествить также с общей социологией. В таком случае формы мышления, структура семьи, а также преобразования и трансформации в этнических и родовых образованиях (тех, что являются частью всех культур, в первую очередь, трех великих культур), могут составить предмет изучения общей социологии. Еще более важно, что точки соприкосновения социологии свободы с общей социологией, положения, лежащие в их основе, и «обстановка хаоса и разложения» как итоги их развития, могут изучаться в качестве предмета общей социологии.

Вторая серьезная ступень развития общества, возникшего в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, которая началась с шумерского государства жрецов, станет ступенью цивилизованного общества. Цивилизованное общество — это иерархически-династический прорыв, основанный на культуре Плодородного (Золотого) Полумесяца. Объединение возможностей классового расслоения, связанных со способом производства обильного и разнообразного продукта, с процессом урбанизации приводит к тому, что любая иерархически-династическая группа, используя возможности сильного человека, может перейти к процессу формирования государственности. Мы знаем о множестве таких попыток не только в Нижней Месопотамии, но и в Верхней и Средней Месопотамии, входящий в регион Плодородного (Золотого) Полумесяца. Если некоторые такие попытки успешно закреплялись, то некоторые попросту не смогли соответствовать жизненным условиям. Государство толкуется Священным Писанием как Левиафан (чудовище, вышедшее из моря). Дальнейшим предметами нашего исследования станет кровавое эксплуататорское влияние этого чудовища на общественный прогресс, время от времени заканчивающееся кровавым геноцидом, а комплексное исследование этого явления будет проводиться посредством анализа форм эксплуатации и методов узаконения этой эксплуатации человека под руководством королей в масках и без них, завуалированных и голых.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ЭПОХА БОГОВ В МАСКАХ И БЕЗЛИКИХ ЦАРЕЙ

Наиболее разрушительное действие позитивизма, являющегося официальной идеологией капиталистического модернизма, происходило в сфере общественных наук. Осуществляемая во имя так называемой научности, объективизация социальных вопросов редукционистским подходом, подобно вопросам физики, породила массу сложнейших проблем, решение которых крайне затруднительно. Изучение социальной сферы тем же методом, в частности, экономической сферы (материальной сферы общества), представленной ими якобы как сфера интересов реального социализма, во имя «научного социализма» привело к такому искажению смысла, восстановление которого также представляется очень сложным. Мышление, основанное на физических представлениях и уступающее даже биологическому, фактически дало в руки капитализма такую силу, с которой не может поспорить никакое оружие. То, что этот метод стал фундаментальной парадигмой капитализма, я постарался раскрыть в разделе, посвященном методу. Однако мы не можем идти дальше, не возвращаясь постоянно к этому вопросу. «Научные социалисты» не могут понять того, что, исследуя общество путем превращения его в объект, будучи открытыми для такого рода мышления, они обезоруживают и пролетариат, и другие неимущие слои, в интересах которых они осуществляют свою деятельность, а вовсе не наоборот, как они предпочитают считать. Мы покажем, что конструирование общества как физического, даже биологического объекта, само по себе уже является капитуляцией перед капиталистическим модернизмом.

С болью и гневом должен подчеркнуть, что продолжение более, чем стапятидесятилетней благородной борьбы под знаменем «научного социализма», но методами грубого материалистического позитивизма, грозящего полностью потерять результаты этой благородной борьбы, само по себе стало несчастьем. Несомненно, такая позиция похоронила идею деятельности «во имя классовых интересов», за которые все так долго боролись. Но не рабочий класс или другие слои трудящихся, сопротивляются пролетаризации в форме порабощения, как этого хотелось бы представителям «научного социализма», а класс мелкой буржуазии, давно уже растворившейся в модернизме и сдавшей ему. Позитивизм — целиком и полностью идеология слепого преклонения этого класса перед капитализмом и его пустой, бессодержательной реакции. Класс городских ремесленников, совершенно не понимающий, какова общественная жизнь на самом деле, постоянно становящийся ареной ограниченного сектантского образа существования, стал той самой социальной прослойкой, которая в идеологическом смысле легче всего «приобретается» господствующей официальной системой.

При соответствующем общественном подходе позитивизм становится своего рода современным идолопоклонничеством, которое является, в свою очередь, всего лишь оболочкой утерявшей свой смысл веры в богов. По мере того, как эта вера в богов, некогда привлекательная для общества, теряла свои сакральные функции, от нее остался только суррогат сродни идолопоклонничеству. Но, как известно, идолам легче всего поклоняются те, кто не владеет знаниями науки осмысления. Они не знают, что возникновение идолов имеет чисто функциональный смысл. Напротив, они думают, что идолы способны породить смысл, дойти до своих прежних священных высот, или же попросту пребывают под их обаянием. Достаточно интересно рассмотреть в этой связи религии, сокрушающие идолов. Я совершенно не сомневаюсь, что узники позитивистского мышления — это современные идолопоклонники. Философы модернистского толка сами утверждают, что эти идолопоклонники от модернизма, которых мы могли бы называть современными идолопоклонниками, приникают к объектам потребления, словно к идолам.

Маркс и его последователи предполагали, что их экономический анализ в состоянии раскрыть проблемы общества, истории, искусства, права и даже религии. Несомненно, все социальные структуры, подобно тканям единого тела, оказывают друг на друга взаимовлияние. Но все меняется, если нашим участком деятельности становится социальный фактор, поскольку общественные учреждения, изобретенные мышлением человека, это не биологическая ткань. Это и не ткань человеческого тела. Мышление человека подобно вулкану, который постоянно извергает в социальную среду смыслы и волю. У него нет аналогов с другими природными объектами. Что касается физических явлений, то некоторую аналогию здесь можно было бы провести разве что на уровне квантового мира. Не забудьте, что мышление человека само по себе квантово. Что касается материального мира, в том числе общественной экономической структуры, то он выражает замораживание, огрубление квантовой функции. То, что обществом управляет разум, настолько очевидно, что не нуждается в обсуждении. Еще одно обстоятельство, не требующее доказательств: общественная экономика также управляется разумом.

Вновь и вновь должен подчеркнуть, что анализ социологии в ракурсе истории, а истории — в ракурсе социологии — это одно из важнейших условий реального прогресса в науке осмысления. Еще одним преимуществом этого метода является возможность толкования истории максимально близко к реальности. Я не умаляю значения спекулятивного мышления, напротив, чтобы этот стиль мышления мог быть полезным, оно должно знать хотя бы примерный ход истории. Однако утверждения вроде «Историю определяет базис», или «История состоит из действий государства», сколько бы при этом фактов ни было перечислено или какой бы анализ ни проводился, не могут привести к каким-либо иным результатам, кроме искажения истории с точки зрения реальной науки осмысления. Ясно, что с помощью такого метода невозможно рассматривать ни историю, ни, следовательно, общество. Речь идет не об истории, а о социальной физиологии. Рассказы, как социальные структуры (в физиологии — ткани) влияют друг на друга или взаимно определяют друг друга, совершенно не объясняет историю; это грубый позитивизм.

Ключом для рассуждения об осознанной истории является установление силы ее течения и того, как проявляются различные течения в эти мгновения. Залогом реального творения истории или ее правильного толкования является концентрация внимания на том разуме и волеизъявлении, которые были наиболее эффективны в тот или иной момент истории. Это может быть экономическая акция, но может быть и действие религиозного характера. Важно не само оружие, а тот миг, когда происходит нажатие на спусковой крючок, и палец, нажимающий на него. Можно сколько угодно рассуждать об экономическом, политическом, военном значении оружия, даже его значении для искусства, но эти рассуждения могут иметь какое-то значение разве что в качестве дополнения мысли. Опять-таки должен повторить, что, говоря о ходе истории, важнее всего осознать такой фактор, как рука, являющаяся владельцем этого оружия и постоянно его использующее. Возможно, мне возразят, что «для производства оружия очень важны мастерские навыки и экономические усилия». Возможно. Однако этот подход отнюдь не означает выражения исторического хода. Не следует забывать того, что история есть постоянно действующее оружие. *Палец, находящийся на спусковом крючке заряженного оружия, сам по себе есть действующее оружие.* Это лучше всего знает тот, кто несет историческую ответственность. Один из римских императоров, если не ошибаюсь, Валентин, выбрал на роль параллельного императора своего брата Валенса. Те, кто выбрали его брата, через короткий промежуток времени сказали императору, что хотят отказаться от своего выбора, на что император сказал им следующее: «Одним своим выбором вы потеряли право на отказ», — и таким образом прекрасно разъяснил, что такое история.

Значение этого суждения, имеющего отношение к методу, для осознания смысла истории капиталистического модернизма я раскрыю в соответствующей части труда.

Чтобы внести некий вклад в семантику, не будем игнорировать проблему метода вступления в историю цивилизации. Ценность любого толкования, помимо того, что оно раскрывает историю, заключена в том, чтобы его можно было использовать в

интересах тех, кто идет вслед за историческим потоком, но опять-таки, постоянно готов проявить инициативы. Реальное толкование истории для тех, кто оказался жертвами истории, станет силой разума и воли, способных оторвать этих людей от их роли и способствует достижению ими возможностей сделать свою свободу понятием жизнеспособным. Но если толкователи истории и общества усиливают зависимость жертв истории (всевозможных угнетенных и эксплуатируемых слоев) от эксплуататоров, успокаивая их при этом, что «скоро наступит свобода», и тем самым усугубляя их положение, то что бы они ни говорили о научном характере своего толкования, более того, сколь бы долго они ни утверждали, что такое толкование осуществляется во имя жертв истории, этот метод если и не является умышленным заблуждением, то однозначно неверен. Эти люди становятся толкователями идолов истории.

1. КАК СЛЕДУЕТ ТОЛКОВАТЬ ШУМЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО?

Поскольку наша тема является введением в общую социологию, в связи с этой целью мы должны уделить должное внимание шумерам. Нет, я не собираюсь писать историю цивилизации, но мои комментарии следует понимать как мой вклад в написание этой истории. Я ищу ответа на следующий вопрос: как следует оценивать пример Шумера в ракурсе историографии? Ответы должны быть как методически прозрачны, так и должны стать вкладом в плане введения в историю. Исходя из многих позиций, есть смысл в освещении шумерского исторического примера.

А. Известно, что эта цивилизация, возникла в междуречье Тигра и Евфрата в Нижней Месопотамии, на богатых землях с обилием аллювиальных вод и камышовых зарослей, несколько севернее переживала впечатляющий расцвет на стадии неолитической структуризации, с обилием и разнообразием пропитания халафская культура (7–5 тысячелетия до н.э.). Этому способствовали средства производства, но, в первую очередь, сельское общество, сформировавшее такой тип мышления, который смог создать передовую для своего времени производственную технику. Оседлость — это земледелие. Параллельно происходит развитие структур общества. Структуризация в определенном смысле является организацией социального мышления, коллективизацией общества. Благоприятная смена времен года, обилие дождей в данном регионе не предусматривали обязательное поливное земледелие. Но значение поливов

осознавалось. Десятки археологических раскопок на данной территории подтверждают тот факт, что к 4 тысячелетию до н.э. в Верхней Месопотамии многие сельские поселения уже вплотную приближались к городским образованиям.

Во многих курганах, где производились раскопки, были обнаружены характерные признаки городских поселений — город, окруженный крепостными стенами. Однако ограниченные оросительные возможности и зависимость урожая от дождей осложняли дальнейший рост населения и укрепление поселений. В то же время нижнее течение Тигра и Евфрата было очень благоприятным для поливов, а земля там была плодородной. Подтверждено, что первые сельские поселения появились здесь в 6 тысячелетии до н.э., прибыв с севера, из региона распространения халафской культуры. Быстрый рост населения затруднял жизнь поселений. Укрупнение сельских поселений обусловило их стремление к миграции. В общих чертах я уже говорил об этом. Миграция земледельцев на юг сменилась снижением уровня осадков, что однозначно потребовало перехода к поливному земледелию, а это, в свою очередь, потребовало серьезной организации. Мы имеем возможность на основе исторических фактов наблюдать, как идеальная организация имела место вокруг святилищ, называемых зиккуратами.

Три связанные между собой и тесно переплетающиеся функции зиккуратов являются своего рода ключом к освещению всего шумерского общества. Первая функция следующая: на самом нижнем ярусе зиккурата размещались люди, работавшие на землях, принадлежавших зиккурату. Там же жили ремесленники, производившие орудия труда. Вторая функция: жрецы, расположившиеся на втором ярусе, осуществляли управление. Жрец должен был осуществлять расчет сил и средств в условиях увеличивающегося производства, силой убеждения он фактически узаконивал необходимость коллективного труда. Иными словами, он одновременно занимался и религиозными, и мирскими делами. Третья функция зиккуратов: на третьем ярусе воплощалась идея бога, там располагался своего рода прототип пантеона. Это было орудием мо-

рального воздействия. Как я уже говорил в «Защитной речи свободного человека», зиккурат был чем-то вроде первичного макета последующих цивилизованных обществ. Это была идеальная структура, ставшая моделью сотен тысяч современных городов с миллионами жителей. Более того, я подчеркивал, что зиккурат стал материнским лоном, в котором зародилась такая форма организации, как государство, образование которого происходило в условиях городского общества. Зиккурат в свое время был не то что центром города, а самим городом. В принципе, город тоже условно делится на три части: это религиозно-обрядовая часть, где зарождается и постоянно поддерживается законность такого явления, как вера в высшие силы (молитвенные очаги, дома), это административная часть города, занимающая несколько большую территорию, и, наконец, самая большая часть города приходится на кварталы, где проживают трудящиеся. Зиккураты осуществляли эти три функции в одном месте, в то же время они стали первым в мире примером системной организации.

Рассмотрев вопрос несколько подробнее, видим, что жрец фактически был первым предпринимателем. Он был капиталистом своего времени (это я говорю для того, чтобы было понятно, а на самом деле современный капиталист — это явление совершенно иное) или хозяином, господином. Жрец осуществлял деятельность исторического масштаба. Так, он стал основателем города, который однозначно оставил свое клеймо на всей истории цивилизации. Вокруг жреца формировалось не примитивное сельское поселение, а самый настоящий город. Зная о том, насколько это тяжелое дело даже в современных условиях, понимаем, насколько величественная задача стояла перед жрецом. Создаваемый город нуждается в большом количестве трудящихся. Откуда он должен был взять этих людей?! Вырвать любого человека из клана и этнического сообщества достаточно трудно. Безработица, заставляющая людей податься в город, в то время еще не имела такого характера, как сегодня. Мизерная миграция в город не в счет. Кроме того, тогда еще не был совершен переход к эпохе насильственного порабощения людей. Вероят

но, ключ успеха жреца заключался в его умении использовать оружие в лице бога. Вот тут-то и появилась одна из величайших функций жреца — создание бога. Это было очень серьезной задачей. Если бы жрецу не удалось добиться успеха, не удалось бы создать новый город и общество, то не было бы обильного производства. Этот пример достаточно ярко свидетельствует о том, почему основателями первого государства были именно жрецы. Зиккурат не только способствовал появлению города, обильного производства, нового общества, но с именем бога на устах зиккурат создавал мир новых понятий, счет, волшебство, науку, искусство, семью, даже перепланировал и заново создавал товарный обмен. Жрец в зиккурате был первым инженером общества, первым архитектором, экономистом, производственным, управляющим. Он был первым царем.

Рассмотрим более подробно основные функции жреца.

Б. Одним из наиболее важных дел жреца было создание религии и образа бога. По моему мнению, суть изобретенной шумерскими жрецами религии заключается в том, что она занимает место промежуточного, но, кажется, изолированного звена между старыми тотемными верованиями и идолопоклонничеством, с одной стороны, и победившими их монотеистическими авраамическими религиями — с другой. Сила, сотворившая небеса, в их понимании сформировала смесь из божества разума и тотемных верований, определивших сознание общества. Общепринято считать, что новая вера представляла собой выражение идентичности, определявшей образ тотемного клана и его расширенной формы — родоплеменной общности. Любой объект, имеющий значение в жизни клана, может быть тотемом. В большинстве своем они базируются на явлениях, бывших выражением силы. Такие родоплеменные названия, как лев, сокол, змея, волк, солнце, ветер, дождь, названия растений и деревьев, встречающиеся и по сей день, остались именно с тех времен. Создание ореола святости вокруг образа матери-богини, гигантской силы неолита, аналогично усилиям мужчины-жреца. Представители тотемных и небесных божеств обретают свою значимость в форме матери-богини, символизирующей плодородие.

Впоследствии мать-богиня вступит в войну с богами, созданными шумерскими жрецами. В частности, конфликт между хитроумным богом-мужчиной Энки и главенствующей фигурой в пантеоне матери-богини Инанной является основной темой шумерских эпосов. В основе этого спора лежит разница интересов, дающая возможность противостоянию и конфликтам на всех уровнях между неолитическим сельским обществом, развивавшимся в бассейне Верхнего Междуречья под предводительством матери-женщины и свободным от эксплуатации, с одной стороны, и урбанистическим обществом, которое строится под предводительством мужчины-жреца и полностью открыто для эксплуатации человека человеком — с другой. Впервые в истории зарождаются серьезные социальные проблемы. Конфликт между направляющими силами обоих обществ, несомненно, имеет социальное происхождение. Но, как следует из истории, язык и характерные особенности этого конфликта определялись формами мышления того периода, поскольку тогда не было сегодняшних форм мышления. Само общество определялось наполовину божественной личностью. Мышление человека было далеко от абстрагированной идентичности.

Разум человека воспринимал природу той эпохи как живой организм. Природа была полна богами и духами. (Это отнюдь не отсталость по сравнению с сегодняшним днем, а, на мой взгляд, передовой, близкий к истине взгляд.) Причинение вреда богам и духам могло привести к опасным последствиям. Все боги были священны. К ним надо было относиться с большим уважением и любовью. Малейшее неуважение могло привести к трагическим последствиям. Следовательно, для того, чтобы не прогневать богов и духов, надо было регулярно приносить им жертвы. Это явление приобрело такое серьезное значение, что долгое время существовала традиция приносить в жертву своих молодых сыновей и дочерей. Это ужасная традиция, но люди верили, что именно таким образом они смогут сохранить свое общество. Жрецы и жрицы долгое время с помощью этой традиции вводили общество в заблуждение. Но очевидно, что сущность этой традиции заключалась в святости и защите.

Всевозможные отношения между человеческими обществами были представлены как выражение взаимоотношений святых с богами. Мышление и язык создавались именно таким образом. Не было современного «позитивного языка науки». Человечество знакомо с этим позитивным языком, точнее, религией, на протяжении последних двухсот лет. В ходе исторических исследований это ни в коем случае нельзя забывать.

Следовательно, конфликт между Инанной и Энки был сложным социальным конфликтом. Несомненно, у него была материальная подоплека. Наконец, в конфликте, происходящем в современной Турции, можно отметить подтверждение этого взгляда. На примере борьбы между Народно-республиканской партией (НРП), считающейся позитивной и научной партией, и метафизической Партией справедливости и развития (ПСР), хранящей верность исламской вере и языку, мы в очередной раз видим, как развивается диалектика истории. Мы должны четко уяснить, что нет ни одной военной, политической и экономической борьбы, которая бы не вовлекла религию в общественный спор. В противном случае мы окажемся в ситуации, в которой оказался реальный социализм.

И небесный бог Ану, и земной бог Энки, изобретенные шумерским жрецом, мужского рода. В этом отражается суть мужской силы, выходящей в шумерском городском обществе на передовые позиции, иными словами, она освящается и обожествляется. Речь идет о таком освящении, что новый величественный образ мужчины есть само общество, обретшее святость и божественный характер. Если углубиться в проблему, то станет ясно, что возвышался именно класс жрецов. Точно так же, изучив веру Инанны, мы увидим созидательную, направляющую силу, социальную силу матери-женщины.

Несмотря на постепенное нарушение баланса сил в шумерском обществе в ущерб женщине ко 2 тысячелетию до н.э., этот процесс происходил постепенно. И по сей день поиск корневой причины конфликта между мужчиной и женщиной в его исторических мотивах может многому нас научить. Мы постараемся это сделать.

Отдавая места на самом верхнем ярусе зиккурата богам, число которых постепенно уменьшалось, жрец, тем не менее, держал этот ярус в строжайшей тайне. Он официально за прещал кому бы то ни было, кроме него самого (верховного жреца), подниматься на верхний ярус зиккурата. Эта тактика очень важна для новых религиозных процессов. Тем самым жрец развивал в людях и любовь, и уважение, и зависимость от веры. Верховный жрец постоянно распространял среди населения мнение, что он общается там с богом. Тот, кто хочет услышать слово бога, должен слушаться его, верховного жреца, ибо он является единственным, кто уполномочен богом. Эта традиция практически без изменений перешла в монотеистические авраамические религии. Пророк Моисей, пообщавшись с богом на горе Синай, получил от него десять заповедей. Пророка Иисуса называли Помазанником Божьим. Он тоже неоднократно пробовал общаться с богом, но дьявол постоянно сводил его усилия на нет. Но в конце концов Иисусу Христу удастся достичь этого мига. Восхождение пророка Мухаммеда на Мирадж свидетельствует о том, что эта традиция перешла в Ислам. Верхний ярус в греко-римской религии в виде пантеона будет устроен еще более величественно. Существенная реорганизация в сторону большей величественности произойдет в синагогах, церквях и мечетях. Очевидна при этом всевозрастающая роль религиозного класса в обществе.

Верховный жрец — это человек, которому удастся достичь пика мышления на ярусе, где расположен «дом бога». Для того, чтобы новое общество было плодотворным, крайне важно, чтобы оно было организовано так, как звучало в его диалогах с богом. Здесь же, на верхнем ярусе, впервые были установлены памятники представителям бога. Эта находка еще более усилила интерес человека. Он нашел, что символические идолы мысленного бога очень уместны и нужны. Впрочем, память человека той эпохи была более приспособлена к мысленному планированию с помощью фигур, нежели к оперированию абстрактными понятиями. Очень тяжело давалось абстрактное, вербальное мышление, не имеющее символиче

ского подтверждения. Человеческие сообщества очень долго находились под воздействием языка знаков (своего рода символического языка, языка жестов). Тем самым символическое изображение бога, в виде идолов, было в высшей степени понятно. Многочисленные пышные женские фигуры, оставшиеся с эпохи матери-богини, воплощали образ более скромной, плодovитой матери-женщины.

В высшей степени поучительно то, что зиккурат был прототипом божьего дома, пантеона, церкви, синагоги, мечети, университета. Эти исторические образования, тесно связанные между собой, можно назвать священной памятью общества, его идентичностью. Богословие, иными словами теология, изучает эту память, подводя под нее философскую базу, в оторванном от прототипа виде, совершенно абстрактно. Самые сильные искажения истории происходят в недрах теологии. При этом, несомненно, нельзя игнорировать роль теологии в развитии науки и философии. Но богословы, не обозначив социального источника этого явления, ограничиваясь абстрактными явлениями, прикрываясь идолами, создали тот социальный тип, который и сделал их классом, несущим самую большую ответственность за формирование цивилизации вообще и современной цивилизации в частности.

Без сомнений, богословские толкования, базирующиеся на истинных источниках, стали серьезным вкладом в изучение смысла, однако важно понять, что преобладающее большинство теологов занимают серьезные позиции в официальной государственно-иерархической структуре, и многие искажения смысла будь то умышленно, или неосознанно, исходят от них. Для того, чтобы понять суть сегодняшнего Ближнего Востока, мы постараемся облегчить осознание этих факторов, раскрыв их новые формы, в которые они облачаются на каждой серьезной стадии развития.

В. Второй важной ролью жреца была его роль инженера общества. Он планировал новое общество, строил его и лично управлял им. Эта функция выполнялась на втором ярусе зик

курата, где располагались именно жрецы. Будучи посланцами бога, жрецы под руководством верховного жреца постепенно превращались в некий священный класс. Будучи управляющим меньшинством любого города, они сформировались в первую иерархическую касту (священного управления). Мы не случайно говорим, что жрецы были прототипом профессуры. Поручив производство материальных ценностей жителям нижнего яруса (заложив основы эксплуатации чужого труда), они в основном занимались вместе с богом науками и их организацией. Основы таких наук, как астрономия, математика, медицина, литература, и естественно, теология, были заложены в кельях жрецов на среднем ярусе. Средний ярус одновременно стал прообразом школы и университета. Ярус богов стал прототипом современных религиозных институтов, а ярус жрецов — прототипом учебных заведений. Основным видом деятельности стало управление, несомненно, разраставшимся городским обществом. Следует осознать, что материальное производство, по мнению Маркса, само по себе никогда не осуществлялось «свободными трудящимися». Ни в одном классовом обществе, включая капиталистическое, у владельцев частной или коллективной собственности не может быть свободных трудящихся. Ни один человек, который не поработен с помощью гнета или законов, не будет свободно работать с собственностью других людей! Эти вопросы мы также рассмотрим в соответствующих разделах.

Важнейшие шаги жрецы осуществляли посредством законов. Самой серьезной заслугой жрецов в данном вопросе является то, что они смогли стать гласом божьим и сконцентрировали в своих руках монополию на науку. Функция посланника и гласа божьего и научные находки жрецов придавали самим жрецам непоколебимую управленческую силу. Не стоит забывать, что даже в капиталистической системе наука есть сила. Напомню, что основы этой науки заложены в недрах неолитического общества, в частности, в эпохе халафской культуры (7–5 тыс. до н.э.). Именно в этот период матери-богини играли ключевую роль в прогрессе. Следует помнить, что женщина-

мать играла роль учителя при освоении таких дел, как растениеводство, одомашнивание животных, гончарное дело, ткачество, прядение, быт, очаги священнодействий. Обвинения, предъявленные матерью-богиней Инанной в ее борьбе с мужчиной-богом Энки, очень хорошо выражают ее настойчивое стремление вернуть назад свои сто четыре изобретения (ме), которые Энки у нее выкрал. Как видим, большинство находок и изобретений принадлежит женщине, но управлявшие ими мужчины их выкрали. Мы увидим, что цивилизация в значительной степени основана именно на этом деянии.

Ни в коей мере нельзя забывать о вкладе жрецов. Роль изобретенных ими письменности, астрономии, математики, медицины и богословия в фундаменте цивилизации совершенно очевидно. Уместно напомнить о заслугах жрецов на заре возникновения науки.

Как известно из истории, первых шумерских царей называли не иначе как жрец-царь. Жрецы-цари были первыми царями городского общества. У каждого города сначала был жрец-царь. Основной причиной их воцарения стала деятельность, положенная в основу науки и богословия. Но эта же ситуация, вместе с тем, сформировала недостатки такого правления. Через некоторое время наступит эпоха династий, когда основную роль будет играть воинское начало, формирующееся вокруг «сильного человека», с которым вступает в союз глава династии. Военная сила все же победит «игру жрецов». Позднее мы коснемся этой темы.

Г. В самом низу зиккурата располагался ярус трудящихся. Необходимо хорошо осознать суть трудящихся первого яруса, поскольку они пополнили ряды первых рабов, крепостных и пролетариев. Откуда и как они появились? Какова была в этом роль принуждения и убеждения? Какое общество стало источником этой рабочей силы и что эти общества получили взамен? Были ли среди них женщины? Какова была роль женщины и семьи? Ответы на эти вопросы во многом помогут осветить вопрос.

В формировании первых рабочих групп предположительно важнейшей была сила убеждения жреца. Можно допустить, что один из потоков в созданной жрецами системе первичного производства составляли земледельцы, добившиеся более высоких урожаев благодаря применению поливной системы. Кроме того, зиккурат можно рассматривать как место, где нашли убежище и спасение представители племен, вступившие в серьезные конфликты со своими соплеменниками в результате миграций и роста населения. Еще более существенную роль мог играть другой фактор, заключающийся в священном характере работ по возведению пристанища в виде зиккурата. На примере Ближнего Востока четко прослеживается следующая традиция: в определенных пределах каждый род и каждая семья отдавали своих детей на службу зиккурата. Тяжелая работа на зиккурат стала общепринятой, более того, она была даже предметом гордости. Те, кто работал для зиккурата, пользовались большим уважением в обществе. Тут можно провести аналогию с традицией монастырского служения в христианстве. В сектантстве тоже есть похожие факты. Работа в собственности шейха тоже является предметом гордости и чести.

Интересно, что зиккураты стали первым чистым примером коллективного труда. Например, некоторые социологи, в частности Макс Вебер, оценивают это как «социализм фараонов». Ясно, что зиккураты были первым примером практического воплощения коммунизма. Сообщества ремесленников тоже входили в группу трудящихся. Все вместе они напоминали своего рода фабричное производство. Излишки продукта складировались. Существовала система предотвращения дефицита. Такая форма производства чрезвычайно усиливала мощь и влияние жрецов. Ни одна семья или род не могли достичь такой эффективности производства. Речь идет о силе, которая превосходила все семьи и родовые сообщества. Зиккураты продемонстрировали, что являются формой, в которой происходил процесс зарождения нового общества и государства.

Д. Очень важен также вопрос женщины и семьи в системе зиккурата. В шумерских текстах довольно часто можно заметить, что религия матери-богини противостояла религии жреца. Это противостояние имело множество признаков. Женщины-жрицы создавали зиккураты, используя свой авторитет. Почти в каждом городе была своя богиня-заступница. Примечательным примером являются приключения Инанны — богини Урука. Город Урук (не исключено, что современное название Ирак происходит от этого слова), вошел в историю как первый шумерский город-государство, и этот пример достоин пристального внимания и изучения. Он знаменит также тем, что был городом первого мужчины-царя Гильгамеша. Вероятно, Урук стал первым в истории городом-государством. Период 3800–3000 годов до н.э. считается периодом Урука. То, что богиней-создательницей этого города была Инанна, свидетельствует как о древности города, так и о сохранявшейся величественной роли женщины-матери. Борьба Урука с Эриду (город бога Энки, вероятно, первое жреческое государство) легла в основу легенды. Борьба между Инанной и Энки стала конкретным примером борьбы между женщиной и мужчиной. Фигура богини со временем стала терять свое значение. В вавилонский период богиня была уже в роли побежденной. Женщина была порабощена, превращена в проститутку, причем как в частном, так и в общем смысле.

Известно, что в некоторых зиккуратах женщины служили объектами любви. Более того, девушки из лучших семейств почитали за честь быть такими объектами. Туда набирались избранные, привилегированные девушки. Поразительно четко поставлялись девушки к жрецу. В зиккурате, как во дворце, они обучались прекрасному, совершенствовались в музыке и различных искусствах. Далее эти девушки предлагались на выбор избранным мужчинам в округе. В случае взаимного согласия играли свадьбы. В этих случаях значительно возрастали и доходы, и влияние зиккуратов. Брак с девушкой из зиккурата был привилегией знатного мужчины. Более того, девушки из зиккуратов, прошедшие там обучение, попадая в новое общество, укрепляли в новой среде авторитет зиккуратов, привязывали это общество к

традициям города-государства. Женщины становились наиболее плодотворными агентами жреческого города-государства. Этот метод очень эффективен и по сей день, он применяется некоторыми государствами, в первую очередь Израилем. Коллективизация женщины в такой форме стала прототипом публичного дома. По мере своего падения в обществе женщина превращалась из знатной богини зиккурата и царицы любви в несчастную публичную «работницу», вынужденную отдавать себя всем. Шумерское общество удерживает пальму первенства и в этом смысле, хотя много ли в этом чести?

Не могу не отметить следующее. Если бы не было эксплуатации и воспитание проводилось бы честно, было бы просто идеально. Очень тяжело вырастить и воспитать здоровых во всех отношениях девушек в системе, где примером служит несчастная женщина-мать, а руководит обществом жестокий мужчина-отец. Для этого не было ни необходимых знаний, ни материальных возможностей. Ухаживание за женщиной требует мастерства и материальных возможностей. Идеальным решением можно счесть специальные пристанища для женщин. Но общество, в котором господствует мужская сила, давлением и эксплуатацией разрушает эту систему. Поучителен в этом смысле пример Шумера. Речь идет о зиккурате как структуре, вызывавшей зависть в обществе, где родители соревновались между собой за право отдать туда своих дочерей. На мой взгляд, в этой своей ипостаси зиккурат до сих пор остался первым и непревзойденным образцом. Там (зиккураты можно даже сравнить с современными женскими учебными заведениями) имели хорошие возможности для развития. Основной их целью был вовсе не выбор мужа. Они хотели стать лидерами нового общества и государства. Они внесли неоценимый вклад в формирование благородного стиля жизни, в которой царит любовь. В идеальном обществе девушек обязательно должны обучать и воспитывать в традициях святости, давать им хорошее образование. В частности, в любой семье, консервативной или придерживающейся широких взглядов, крайне отстает система воспитания женщин, что делает их уязвимыми перед заразой порабощения в обществе (обществе, где господствует мужчина).

Институты свободных женщин могли бы стать современными женскими очагами-пристанищами. В части, касающейся социологии свободы, я постараюсь подробнее остановиться на этой теме. И не только на ней, но и в целом на вопросе семьи.

Известно, что женщины в зиккуратах были поставлены на службу новому обществу-государству. Действительно, жрецы мыслили потрясающе и организовали свое новое общество-государство приближенным к идеалу.

Очевидна роль зиккуратов в торговле, которая как нечто новое утверждалась в обществе. Несмотря на то что в исторических текстах это нашло отражения, я могу предположить, что зиккураты наряду с прочим занимались организацией торговли. Излишки продукта и произведенные ремесленниками орудия труда могли быть предметом торговли. Историки считают, что период 5–4 тыс. до н.э. стал началом развития торговли. Развитие шумерского общества, перешедшего от системы подарков (дарившихся внутри сообществ и семей), соответствует эпохе распространения товарных ценностей (производство для получения прибавочной стоимости). Следовательно, ожидалось превращение шумерского общества в «верховное общество торговцев». И это было так, что подтверждается историческими находками, сделанными во время раскопок.

Мы знаем о процессе превращения Урука в колониальную систему, начавшемся в период 3500–3000 годов до н.э. Колонии Урука в Тавро-Загросской системе, возможно, представляли собой первую в истории колонизацию. Династические колонии имеют более раннее происхождение. В принципе, колонии, сформированные на основе родоплеменных сообществ, нельзя считать колониями в чистом виде. Для того, чтобы возникла колония, необходимо наличие города-метрополии. Урук, будучи очень знаменитой метрополией, имел серьезную колониальную сеть. Позднее появились знаменитые колонии Ура (4–3 тысячелетия до н.э.), Ассирии (2000–1750 годы до н.э.). Лично я считаю, что города древнего мира Хараппа и Мохенджо-Даро в Пенджабе (середина 3 тысячелетия до н.э.) и сама египетская цивилизация (5 тысячелетие до н.э. — н.э.) в широком смысле слова представля-

ют собой колониальные системы, восходящие к Шумеру. Даже несмотря на независимое развитие, отсутствие прямых связей с шумерскими городами, залогом их успеха стало возникновение первой цивилизации в междуречье Тигра и Евфрата.

Очевидна эффективная роль торговли в созданной жрецами системе, потому что именно торговля излишками продукции позволяла покрывать недостатки необходимой продукции (в Нижней Месопотамии не хватало многих видов продукции, то есть просто необходима была торговля или экспроприация. В принципе, могло быть и то, и другое). Именно в этом заключалось предназначение построенной сети колоний на берегах Тигра и Евфрата. Мы встречаем множество их следов. Особенное распространение получила торговля древесиной, ископаемыми, тканями.

Не вызывает сомнения, что вокруг зиккурата, как мы постарались показать это в самых общих чертах, формировался прототип общества-города. Несомненно и то, что первый образец конкретного развития общества-государства, повлиявший на всю систему цивилизации, зародился в недрах шумерского зиккурата. Что касается остальных примеров, то они широко распространялись по той же системе от Египта до Китая. Рождение государственного цивилизованного общества действительно в жреческих кельях. Нет конкретных примеров, которые свидетельствовали бы о других формах развития.

В таком случае, основываясь на наших рассуждениях о зиккурате, мы можем сказать, что шумерское общество впервые показало человечеству дорогу в эпоху первых божеств в масках и завуалированных царей. Если первыми божествами в масках были шумерские жрецы, то следом за ними шли облаченные в политические одеяния цари. Сколько было помпезности, какой величественной поступью они шли!

Е. Мы знаем, что вслед за жреческим обществом-государством на исторической арене появилось династическое государство. Осмысленность развития общества, как и государства, выдвигает на первый план тип жреца. Изначально в обществе была потребность в умных людях, способных организовать и узаконить те или иные образования. Речь идет об общественном

строительстве, которое должно было самоутвердиться. Для того, чтобы появилась возможность применения силы, была потребность в обществе, управлении, в котором была бы возможность появления излишков продукта и их торговли. Новое общество должно иметь подходящую для этого структуру. Военно-политическая сила может иметь смысл только в том случае, если оно может завладеть обществом, в котором есть подобные структуры. В противном случае она не может привести ни к чему, кроме хаоса.

Несомненно, в Месопотамии династические традиции тоже были древними и сильными. По мере дифференциации этноса неизбежным стало развитие династических процессов вокруг людей, которые обрели серьезный опыт в защите своего племени от врагов и решении внутренних вопросов, а также утвердились в наиболее плодотворных сферах жизнедеятельности. Предположительно, одна семья или один род должен занять превосходящие позиции. Именно они должны или сформировать власть в племени, или узурпировать ее. Безусловно, определяющий характер имеет согласие членов племени. Большое значение имеют родственные связи в племени. Чужим там нет места (не исключено их участие, если они присоединились к жизни племени и растворились в нем). В частности, в период своего первоначального формирования этот процесс стал серьезным проявлением идентичности после ослабления кланового характера сообщества. Историки считают, что подобный процесс происходил преимущественно в 6 тысячелетии до н.э. Источником было не шумерское общество. Предположительно, сильные родоплеменные традиции были свойственны первым арийским культурно-языковым группам. Можно говорить об аналогичных процессах в семитских группах, происходивших, вероятно, даже гораздо раньше, в 10–7 тыс. до н.э.

Усиление династических процессов в Нижней Месопотамии наблюдается вплоть до 6 тыс. до н.э. Предположительно существовавший даже раньше Урука период Убейда (в 6–5 тыс. до н.э. с центром в Эриду) имел достаточно развитые династические связи. Но там не наблюдался переход к государственному

строительству. Там имели место процессы, свидетельствующие о своеобразной ориентации на создание колоний. В арийских культурных слоях в 6–5 тыс. до н.э. встречаются семитские семейные поселения. Первые семитские колонии были созданы в верховьях бассейна Тигра и Евфрата на юго-востоке современной Турции.

Необходимо четко осознать особенность династий, которая тесно связана с современностью. В основе династической идеологии лежат семейственность и наличие множества детей мужского пола. Основной потребностью династической идеологии является многоженство или частое рождение мальчиков. Очевидной причиной этого становится политическая сила. Подобно тому, как жрец занял главенствующее положение, опираясь на силу разума, сильный представитель династии начал играть в лидерство, опираясь полностью на «политическую» власть. Неподчинение концепции политической власти влекло за собой насильственное подчинение. Неподчинение слову жреца, например, влекло за собой своего рода моральное наказание вроде «гнева богов». Основным источником политической власти была военная мощь сильного человека. На более раннем этапе – в эпоху охоты, особенно в период верховенства матери-женщины, мужчина чувствовал себя подавленным.

Вкратце, для того, чтобы понять это, надо осознать систему матери-женщины, реалии семьи того периода. При матриархате конкретного мужа не существовало, даже если он был, то личность его была неопределенной. Повинуясь инстинкту деторождения, мать-женщина вовсе не думала о любви к мужчине. Такие понятия, как любовь и половое влечение, тогда еще не были актуальны. Женщина не была связана узами брака ни с одним мужчиной. Мужчина не обладал никакой властью над женщиной, он не мог сказать, что та или иная женщина «принадлежит ему». Охота — это такое занятие, что не сообщает никакой ценности мужчине, если он неудачлив. В обществе той эпохи не было такого понятия, как отцовство. Дети полностью принадлежали матери-женщине. Мать-женщина не искала связи с мужчиной просто ради получения полового удовольствия, в обществе

не было речи о любви ради любви. Половая роль женщины той эпохи была идентична инстинкту воспроизводства, свойственно - му всему остальному живому миру. Половая роль выражалась только в воспроизводстве. Основной функцией матери-женщины был труд во имя детей. За женщиной было прочно закреплено право рождения и воспитания детей. Тем самым в период, когда понятие отцовства не имело никакого общественного значения, говорить об отце как таковом — явное заблуждение. Очень важную роль играли братья матери-женщины, с которыми она росла вместе. Такие понятия, как дядя и тетя по матери, черпает свои силы именно с этого древнего права матери-женщины. Семья матери-женщины состояла из ее братьев и сестер (и их детей, если таковые имелись) и ее собственных детей. Такое понятие, как матриархальная семья, выражает именно такое понятие. Именно так можно толковать общественное выражение культа матери-женщины, являвшейся краеугольным камнем неолитического общества, и получившей от нее вдохновение матери-богини. Все мужчины за исключением братьев женщины, были попросту безликими существами. Еще не появились такие понятия, как муж и отец.

Династия, как идеология и практика, будет развиваться в русле переработки традиций матриархата с точностью до наоборот. В данной системе, называемой также патриархальной, укоренились традиции, основанные на союзе опыта пожилого мужчины, военной мощи молодого мужчины и святости шамана, олицетворявшего таинства до формирования института жрецов.

Опыт пожилого мужчины представлял собой его жизненные навыки. Можно предположить существование своего рода совета старейшин. Власть пожилых людей, также называемая в литературе геронтократией, стала традицией, достаточно давно пустившей корни в родоплеменной структуре. Старейшина — это мудрый человек, у которого можно многому поучиться, получить умный совет. У общества существует потребность в этом человеке. Он же старается преодолеть трудности пожилого возраста, используя свою мудрость. Именно такая гармония у него построена с обществом.

Сильный человек — это олицетворение силы, которую обрел благодаря охоте, мужчина, пытающийся освободиться из тисков матери-женщины. Его физическая сила и охотничья техника повышают его шансы на успех. Союз, сформированный молодежью, желающей воспользоваться этой особенностью, становился залогом успеха. Может быть, впервые в истории военная мощь реализовалась именно таким образом. Она дала мужчине явное историческое преимущество перед женщиной. Союз, установленный с молодежью племени, способствовал усилению патриархальных традиций в сравнении с матриархальными.

Последним звеном этого союза были шаманы, дарившие обществу исцеление, знатоки волшебства. Они выполняли общие функции жрецов и колдунов, а также выполняли функции воспитателей. Может быть, шаманы были первыми специалистами в обществе. Не исключено, что мастерство шамана постепенно углублялось в обществе наряду с шарлатанством. Но шаман прежде всего был мужчиной. В процессе формирования династий союз этих сил нанес сильнейший удар по матриархальной традиции. О серьезной борьбе между ними можно найти множество упоминаний в шумерских текстах. Под воздействием такой системы мужчина уже становился хозяином детей, их отцом; он стремится стать многодетным отцом (для обретения силы и мощи следовало иметь много сыновей), и, основываясь на этом принципе, он последовательно завладевает всеми накоплениями женщины. Развивается система собственности. Параллельно развитию коллективной собственности в государстве жрецов развивается частная собственность династий. Отцовство стало необходимым и для того, чтобы наследство перешло к детям (чаще всего сыновьям), непременным условием было право отцовства.

Династия, патриархат и отцовство как класс, становятся доказательством, характерным показателем общества. Используя военную силу в противоборстве с государством жрецов, они фактически совершают политический переворот. В шумерских текстах можно встретить много подтверждений этих многочисленных конфликтов и политических переворотов. Наконец, «Урская система государств», пришедшая на смену городу-государству

Уруку, имела династический характер. I, II и III династии Ур подтверждают эти процессы. Династическая власть ассоциируется с теоретически более светской, политической системой в сравнении с теократической властью жрецов. Создаются образы новых божеств. Жрецы уже сдали свои позиции до уровня помощников новой политической власти. Опять-таки, пока они играют важную роль, но постепенно теряют силы и превращаются в обычных пропагандистов, соблюдающих некогда установленный ими священный характер общества. Создатели государственности, божества в масках, теперь уже оказались в тени второразрядных и третьеразрядных завуалированных царьков. Для того чтобы использовать законотворческую мощь жрецов, создавших государство, цари, окрепшие в недрах династий, теперь уже не стесняются величать самих себя царями-богами. Последовательно углубляется классовое расслоение общества, растет число городов, тип общества, называемый нами «шумерским», подтвердит свое право на существование и последовательно будет разрастаться всеми структурами. Очень древние династические традиции в обществе Ближнего Востока дожили до сегодняшнего дня. То, что на Ближнем Востоке не может получить широкого развития республиканская или демократическая система, тесно связано с династической традицией.

Модель шумерского цивилизованного общества не меньше, чем неолитическая модель, определила ход развития цивилизации. Отличия цивилизации от культуры определяются классовыми факторами. Цивилизация связана с классовой культурой и государством. Урбанизация, торговля, богословие и наука, политика и армия, верховенство права над моралью, превосходство мужчины стали господствующими показателями нового общества. В каком-то смысле совокупность этих особенностей можно назвать культурой цивилизованного общества. Оба понятия, таким образом, становятся синонимами, они используются в одном смысле. Процесс, аналогичный мировому распространению социальной культуры, происходящей из региона Плодородного (Золотого) Полумесяца, начал свое второе серьезное распространение. На этот раз колыбель цивилизации, регион Плодородного (Золотого) По-

лумесяца, будет расширяться за счет того, что женит своих новых детей (в этот раз уже не дочерей, а сыновей), которых он родил и вырастил в этой колыбели, на зрелых девушках всего мира. Такое сравнение уместно. Мы можем предположить, что распространение неолитической культуры имело место благодаря тому, что дочери матери-богини достигали больших успехов во всех уголках света, куда их бросала жизнь. Что касается общества, где господствует культура патриархата, то оно стало олицетворением глубокой структуризации доминирующего положения уже не дочерей, а сыновей. Потомство цивилизованного мужчины, привязывающего к себе дочерей, превращая их в зависимых жен (матриархат уже растворился в современном обществе), постоянно будет производить на свет мужчин, увеличивать и укреплять мощь мужской части нашей цивилизации, что оно делает и по сей день.

2. ВЕРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Обобщение наших попыток осознания шумерского общества и вместе с тем более подробное изучение ряда его особенностей позволит обогатить наше сознание и понимание. Прежде всего, рассуждая о цивилизации, необходимо сорвать маски, с великим спокойствием прикрывающие мышление и структуру, чтобы увидеть скрытые за ними лица, истинные интересы, а также действительное состояние общества.

Наше историческое общество, говоря о глубокой древности цивилизации, само пытается предстать молодым, говоря о новой истории, новейшей истории. В этом есть своего рода странность. Молодость отражает период рождения того или иного явления или определенный период, прошедший после рождения. Если шумерское общество, как мы уже доказывали, олицетворяет период зарождения нашей цивилизации, то и молодость цивилизации должна определяться в соответствии с этим. Таким образом, становится ясно, что применяемые эпитеты наподобие «новый», «молодой», это всего лишь обман, и наше цивилизованное общество является, по сути, старым. Попытки повернуть время назад и выставить зрелого молодым есть ничто иное как продолжение маскарада цивилизованного общества.

Вот основной вопрос, на который следует искать ответ: почему цивилизованное общество, которое можно было бы назвать еще урбанистическим, так остро нуждается в маскарадах?

Потрясающее умение шумерских жрецов маскировать все по-прежнему используется. Отчего вера в богов, имевшая изначально очень благородное и осознанное содержание, сегодня превратилась в синоним упадка и бессмысленности?

До сих пор было высказано множество мнений, как «за», так и «против» цивилизованного общества. Однако труднее и плодотворней всего признать необходимость радикальной критики цивилизации и практического решения ее проблем. Это свидетельствует о безуспешности существующих рассуждений и толкований. То, что мечта человечества о свободе оказалась под жестким прессом, в принципе, является общим мнением. Часты мнения, что человек доведен до той ситуации, когда такая жизнь продолжаться не может. Гегель осуждал цивилизацию как церемонию «кровавых скотобоев». Цивилизация и года не может прожить без войны. Жизнь под гнетом воспринимается чуть ли не как закон природы. Эксплуатация доведена до уровня жизненного правила. Честность, чистота помыслов, умение оставаться нравственным воспринимается как своего рода наивность.

Я хочу достичь следующего: раскрыть суть цивилизованного общества таким образом, который позволял бы применить критику, целью которой является преодаление кризиса этой цивилизации. То, что обычная критика капиталистического модернизма не позволит решить проблемы цивилизованного общества, стало ясно в результате усилий многих мыслителей, в первую очередь марксистской школы. Основным фактором здесь является отсутствие анализа цивилизованного общества, с которым капиталистический модернизм связан единой цепью. Европейское мировоззрение нейтрализовало даже самых жестких оппонентов. Как видно из взаимоотношений неолитической культуры и европейской цивилизации, сегодня мы остро нуждаемся в понятном толковании исторических и социальных аспектов взаимоотношений европейской цивилизации с предшествующими цивилизациями. Пусть это выглядит как любительская попытка, но мое положение осужденного, находящегося под самым жестким давлением этой цивилизации, обязывает меня высказать свое суждение об этой проблеме.

А. Толкование цивилизации — это преимущественно проблема общей социологии. Если основным условием науки является не прозябание в болоте позитивизма, а познание смысла, превосходящего банальное разделение на субъекты и объекты, то наибольшая потребность в таком подходе существует в сфере общей социологии. Важнейшая обязанность общей социологии (подобно тому, как врач ставит диагноз и проводит лечение) заключается в умении поставить диагноз обществу и вылечить его. Знание может быть мотивировано лишь стремлением осознать жизнь, с которой мы так тесно связаны. Осмысление жизни позволит нам понять проблему структурных образований и исправить нездоровые структуры, если таковые есть.

Цивилизованное общество — это место, куда стекаются образования, семантический анализ которых представляется довольно трудным занятием. Существование этого конгломерата непосредственно связано с искажением семантики и утере ее собственной сущности. Как же это странно, когда вооруженные до зубов люди, обращаясь к обреченной жертве, заставляют ее признать ложь, в противном случае любыми методами обещают ее уничтожить, и разве это не почерк чудовища Левиафана?! Это существо, то есть цивилизацию, можно сравнить с любым другим чудовищем. Но это очень примитивный подход. Если нас можно назвать учеными, то такое стремление не уведет нас дальше детских мечтаний. Даже точного диагноза, поставленного чудовищу, будет недостаточно. Надо срочно приступать к лечению. Все предыдущие попытки лечения привели к: обильному кровопролитию, страшному по своим размахам геноциду, ужасающему голоду, безработице, всевозможным болезням, разрушению экосистемы (необходимой для жизни окружающей среды), - вот неполный перечень пережитой трагедии. Если наша общая социология и социология свободы желают освободиться от свалки, в которой живут тысячи и тысячи людей, то они должны осознать и доказать силу социального диагноза и лечения. В противном случае, как говорил Адорно, после «лагерей смерти» даже небожителям — равно как ученым мужам — не останется что сказать.

Цивилизация — это не только церемония «кровавых скотобоев» (Гегель), это нечто более ужасное: это механизм постоянного уничтожения свободного развития человека, единственной причины его существования. После этого остаются жалкие выжимки из того, что называлось жизнью человека. Цивилизация — это то, что остается от выхолащивания смысла свободной жизни путем постановки примитивного диагноза!

Наблюдая даже за самым примитивным живым организмом, мы видим, какое значение он придает своей жизни. Смысл, что он видит в собственном существовании, помогает живым организмам размножаться и развиваться до миллионов видов, пускать корни в скалах, при необходимости продолжать свое существование даже в полярных льдах, если надо, то летать, развивать безгранично технику, сравниться с которыми не могут даже самые серьезные человеческие изобретения. Что касается цивилизованного общества, то разве оно может сделать что-либо больше, чем с помощью изначально образованной ложью и обманом силы довести жизнь до полного обесмысливания, а в конечном итоге — довести человека до самоубийства?!

На стадии сосредоточения центра современной цивилизации в Европе социология стала словом, сказанным человеку для повторной демонстрации собственной силы. Как говорится в христианстве — стала «последним словом Бога». Из уважения к смыслу жизни даже самого простейшего живого организма необходимо прекратить такие речи. Даже развитая мораль ничем не может объяснить столь вопиющие случаи безнравственности. Напомню еще раз: даже богам не осталось что сказать.

Разве то, что называется историей, не является повестью о создании и упадке государств и опосредованных вспомогательных институтов? Разве первоочередной целью не было возвышение и падение династий, иными словами, не было ли стремление надеть на себя корону власти путем овладения стадами скота с помощью интриг и насилия? Разве не заключалась главная цель в том, чтобы установить свое право собственности на шерсть, молоко, а при необходимости — на мясо и шкуры?

Какой из героических эпосов полностью чист от насилия и стремления к эксплуатации? Разве те, кто объявляет себя освободителем своего рода, племени, веры, не мечтают о будущей короне?

Какого еще названия, кроме «кровавой скотобойни», заслуживает цивилизованное общество, во всех сферах которого и дня не проходит без войн и кровопролития?

Какие достижения науки, искусства и техники не были получены или отобраны в результате введения в заблуждение их истинных авторов или изобретателей?

Действительность, зачастую называемая системностью, стабильностью, миром, в реальности является «молчанием ягнят»; разве не дешевыми спектаклями убеждают или заставляют слуг (рабов, крепостных, рабочих, трудящихся, все угнетенные слои) гнуть спину на хозяев, и какое иное осмысленное название можно этому присвоить? Все, что связано с этой цивилизацией, сплошь состоит из вопросов, бесконечно растущих и углубляющихся. Поистине ужасно то, что это называют славной историей, священной верой, легендой о красоте и любви, чудесными изобретениями, мечтой о рае, которого когда-то достигнет человек, дружбой, джентльменством, необходимостью объединения — и все эти высокопарные слова прикрываются объяснениями, что цивилизация есть неминуемая судьба человечества.

Несомненно, цель, которую я преследую, поднимая эти вопросы, в том, чтобы отдать дань уважения памяти, истинному героизму и последним невысказанным словам, святости всех тех друзей и товарищей, кто восстал во имя смысла жизни, заключающейся в свободе. Если надо будет подставить плечо для того, чтобы защитить хотя бы один розовый куст, я приму этот вызов, считая, что, защищая красоту, я защищаю нечто важное для человечества.

Б. Перейдем от нравственных суждений к суждениям теоретическим. Крайне важно, особенно учитывая течение истории, всесторонне осознать смысл понятия «классовость», которое так часто употребляют наши оппоненты в период модернизма (капитализма). В противном случае это понятие превратится в самую липкую «жвачку демагогии» и одно из орудий раздробления смысла.

Для того, чтобы по-настоящему осознать суть классовости, надо учесть такое важнейшее обстоятельство: фундаментом классовости является силовые структуры. Сами по себе они не имеют никакого смысла. Может быть, такое сравнение носит излишне социобиологический характер, но оно уместно. В любом случае, не вызывает сомнений факт, что сила олицетворяется властью в обществе, своего рода организованной мощью Левиафана в цивилизованном обществе. Если рассматривать государство как совокупность наиболее развитых отношений во власти, то разве не являются неделимой частью этой сети власти даже те, кто стонет под гнетом и является объектом эксплуатации? Разве цивилизация не является такой организующей силой, которая распространяет свое влияние не только в сфере государственной организации, но и в широких сферах от религии до экономики? И не является ли основной функцией этой силы превращение организованных рабов, крепостных, рабочих в социальные слои, как по горизонтали власти, так и по вертикали?

Хочу особо подчеркнуть следующее: в процессе организации силы нет никакого места таким понятиям, как субъективное значение «рук» и «ног» этой силы. Если власть может рассматриваться в качестве успешной организации, то над трудящимися, которых эта сила считает грубым элементом, уже установлена абсолютная власть. Но ведь это означает потерю трудящимися своей субъективной ценности в условиях власти, если эта ценность ранее присутствовала. Именно по этой причине все восстания рабов и трудящихся от Спартака до Парижской Коммуны, не имели шансов на успех. Разве только если они согласились бы свежей кровью влиться в структуру власти! Но ведь это означало бы ничто иное, как повторное вливание в русло цивилизованного общества. Стопятидесятилетний опыт научного социализма выступает поразительным примером не критического восприятия этого.

Хорошо, а разве между этими результатами нет связи, если рассматривать их в комплексе взаимоотношений с властями? Необходимо осознать одно важное обстоятельство: уровень зависимости и качественное положение классов во взаимоотношении с официальными властями. Вопрос в том, имеет ли класс сам по себе

какую-либо практическую и смысловую ценность. Пусть верхнюю ступень классовой пирамиды занимают господа, сеньоры, хозяева, буржуа, а нижнюю — рабы, крепостные, рабочие; в отношениях с властью они демонстрируют аналогичные идейно-политические позиции. Какое-либо возражение в этой цепочке взаимоотношений не представляет особой ценности. Эти отношения составляют такую сеть, которая имеет тысячу узлов. Если возразить против одного узла или даже разорвать его, актуальными останутся остальные 999 узлов. Не только починят то, что разорвано, но и накрепко привяжут того, кто разорвал. Если надо, сделают это, оторвав ему голову.

Поговорим о трудящихся массах родоплеменной структуры, которые работали в системе взаимоотношений государства и власти, прототип которого создали шумерские жрецы и вожди династий. Рабочий, которого пытается поработить жрец, находится под удивительным влиянием недавно созданных богов, которые расположены на два яруса выше него самого (это понятия о святости, воздействие которых на личность настолько сильно, что с ними не сравнится ни одна материальная сила). Если бы это было не так, рабочего не взяли бы в зиккурат. Второе обстоятельство заключается в том, что его кормят уже лучше, чем раньше. Это улучшение в жизни исключает наличие у него какой-либо альтернативы. Третье: с точки зрения половых страстей его сегодняшний день нельзя никак сравнить со вчерашним, и он постоянно тешится мыслями о наслаждениях с прекрасными гуриями.

В построении системы послушания и преданности установленному порядку предложения интимных услуг женщин, внесли куда более серьезную лепту, нежели деятельность современной прессы и армии!

Этот новый слуга в рамках системы становится не борцом за свободу, а предателем свободы или субъектом с выхолощенным пониманием свободы. Это очень интересный случай. Глава династии, ориентируясь на взаимоотношения государство — власть, также оказывается в плену этой практики. Главным условием становится наличие сильной организации, основанной на здоровых интересах в рамках этого союза. Семейная династия, основанная на широких

родоплеменных отношениях, превращается в уважаемое и вместе с тем грозное явление. Традиции рода постоянно возвышают роль иерархии. Мелкие неудобства, доставленные друг другу, обсуждаются или мирно, на семейном совете, или становятся причиной для конфликтов. Говорить о классовом характере династии, стремящейся к образованию государственности в клубке таких взаимоотношений, как о самой слабой стороне династии, означает проявить подход, крайне далекий от стратегического. Хочу подчеркнуть следующее: классовость — одна из фундаментальных характеристик цивилизации. Но если можно сделать теоретический вывод о стратегическом смысле, лежащем в основе классовых переворотов, то на практике это нереально. Все цивилизации были свергнуты вместе со слугами власти и трудящимися. Цивилизаций, свергнутых руками слуг и трудящихся, или крайне мало, или, если даже таковые были, новая власть, установленная на месте старой, становилась такой же машиной жестокости и эксплуатации, причем гораздо хуже прежней.

Рассмотрение истории как череды классовых противоречий кажется мне весьма редуционистским. Гнет и эксплуатация — это стиль существования, система, на которую опирается цивилизация и сама история цивилизации. Но идеология, политика, даже экономика этого процесса работают по-разному. Точнее, узкие классовые противоречия не определяют ход истории. Здесь не идет речь о ужасающей силе порабощения, унижающей силе системы, отрицании свободы. Я всего лишь хочу подчеркнуть то, что власть и система цивилизации строятся и распадаются по иному принципу; логика межклассовых отношений сводится к тому, что существующая цивилизация меняет свою форму, или, напротив, в случае обострения противоречий превращается в «свежую кровь» (опыт Советского Союза и Китая). Это предмет обсуждения. Возможно, у кого-то уже появились критические замечания по поводу того, что в своих суждениях я преуменьшил роль власти, не показал пути выхода и освобождения от власти. Я отвечу так: эту тему я более подробно намерен осветить в разделе, касающемся социологии свободы. Кратко скажу, что свобода также имеет свою социальную сферу, логику и стратегию, так же, как идеология, политика и организация власти.

В. Хотя вопрос противоречий между различными цивилизациями и их союза является полемическим, его исторический смысл наполнен содержанием.

Цивилизованное общество — это образование, которое вырабатывает противоречия как внутреннего характера, так и между различными цивилизациями. Порожденные им смысл и цель, классовость, а также инструменты их достижения: гнет, эксплуатация, постоянное введение в заблуждение и маскировка, объясняют характер общества, главной особенностью которого является постоянное порождение конфликта. Власть и классовое расслоение сами по себе уже являются конфликтом. То, что он развивается внутри общества или распространяется за его пределами, не меняет его сути. Квалифицируя цивилизации, нельзя менять их суть, называя синонимами, это совершенно нереалистический подход. То, что цивилизации бывают воинственными, мирными, монотеистическими, политеистическими, эффективными, неэффективными, культурными, невежественными, состоящими из одного народа или объединяющими многие народы, совершенно не определяет их сути. Направляющая сила цивилизации не слагает своих полномочий до полного уничтожения мира. Стремление быть мировой силой — болезнь, лежащая в основе цивилизации. Источником этого является власть. В момент, когда приостанавливается расширение цивилизации, начинается ее регресс. Итогом этого становится не нормализация состояния, а упадок, потому что нет нормальных состояний во всех системах цивилизации. Они испытывают потребность или в уничтожении всего живого, подобно раку, или в том, чтобы быть уничтоженными. Существует очень много людей, которые, будучи простыми вождями племен, начинают мнить себя чуть ли не богами, стоит только оседлать коня цивилизации.

В идее обожествления кроется сила, способная уничтожить человечество. Тот, кто много разрушает путем войны, считает себя созидателем. Если психологически не проконтролировать эгоизм, то возникнет болезнь самовозвеличивания. Цивилизация представляет то общество, где эта болезнь находит свое развитие. Говорят, что личность, которую власть заставила деградировать,

не представляет никакой общественной ценности. Это оценка, связанная с сущностью власти. Поскольку цивилизации являются обществами власти, они постоянно вступают в противоречия с жизнью. Нет ни одной ценности, которой бы не пожертвовали ради власти, даже если это братские, дружеские или супружеские отношения. Исследуя движущие силы цивилизаций, можно увидеть, что нет таких преступлений, которые бы они не совершили, нет таких заговоров, которые бы они не организовали. Ложь, возведенную в ранг системы, они называют не иначе как политикой.

Г. Особого внимания заслуживает еще одна особенность, формирующаяся в недрах цивилизованных обществ. Ее можно назвать предрасположенностью общества к власти. Своего рода перерождение женщины на почве традиции ее превращения в существо женского пола. Власть, не подготовив общество как существо женского пола, не может быть уверенной в надежности этого общества. Превращение женщины в существо женского пола как самая старая форма порабощения возникло после того, как культ матери-женщины был сломлен, в результате длительной серьезной борьбы женщина-мать проиграла, а ее общество было превращено в общество с доминирующим половым фактором. Это положение утвердилось в обществе, может быть, еще даже до того, как цивилизация достигла своего развития. Борьба была настолько яростной и кровавой, что вместе с результатами она стерта из памяти женщины. Женщина теперь не помнит что, где и как она потеряла. Она считает вполне естественным свой статус покоренного существа женского пола. Именно поэтому никакая иная форма рабства не является столь тщательно привитой и узаконенной.

У рабства было два пути разрушающего воздействия на общество. Первое, оно подготовило общество для порабощения, второе, это осуществление всех форм порабощения на почве обезличения женщины. Превращение женщины в обезличенное существо женского пола не имеет чисто полового характера, как это принято считать. Тут нет ассоциаций с биологическими особенностями. Это явление имеет социальный характер: рабское положение, подчинение, бесхарактерность, плаксивость, смирение с

ложью, отсутствие амбиций, готовность отдать себя полностью и прочие особенности поведения, отвергающие моральные аспекты свободы, считаются уделом обезличенной женщины. Эти особенности свидетельствуют о том, что она выхолощена, превращена в ту материю, на базе которой рождается рабство. Это база, на которой сформировались самые древние формы рабства. Цивилизованное общество также связано со всеми социальными категориями этой базы. Превращение всего общества в обезличенное существо, готовое к порабощению, есть необходимое условие для функционирования системы. Власть тождественна мужскому началу. В таком случае превращение общества в обезличенную самку попросту неизбежно, потому что власть не признает таких принципов, как свобода и равенство. В противном случае она бы перестала существовать. Сходство между властью и обществом, построенным на половой сегрегации, имеет глубинный характер.

В Древней Греции, одной из величайших эпох цивилизации, было принято отдавать юношей опытному мужчине в качестве мальчиков для половых сношений. Долгое время я не мог понять причину этого. Даже такой знаменитый философ, как Сократ, говорил: «Важно не то, чтобы часто использовать тело мальчика, а то, чтобы он получил от своего господина необходимое воспитание». Смысл тут не в частом использовании этих юношей в качестве мальчиков для половых утех, а в формировании у них особенностей, свойственных обезличенным женщинам. Если выражаться яснее, то древнегреческая цивилизация стремилась к обществу, превратившемуся в обезличенную женщину. Но такое общество не могло бы сформироваться при наличии благородной молодежи. Для формирования такого общества необходимо пропитаться полностью стилем поведения женщины, превращенной в обезличенное существо женского пола. Схожие тенденции встречаются во всех цивилизованных обществах. Мужская протитуция есть явление, распространенное в таком обществе, и она приняла такие формы, что необходимость каждого господина владеть одним мальчиком стала традицией. Очень важно расценивать это явление не только как половое извращение, но как явление социальное, появлению которого способствовало классо-

вое, авторитарное общество. Половая сегрегация и власть — своего рода социальные болезни, характерные для цивилизованного общества. Они еще похожи на раковую опухоль — не только не могут существовать друг без друга, но и способствуют взаимному размножению, так же, как размножаются раковые клетки. Что касается связи между опухолью, поразившей особь, и раком, поразившим тело общества, то в разделе, посвященном капиталистическому модернизму, мы поговорим об этом более подробно.

Вот о чем я хотел сказать: в цивилизованном обществе на протяжении тысячелетий тщательно готовится почва для власти путем превращения общества в обезличенное существо женского пола. Традиция цивилизации считает женщину «полем мужчины». В обществе тоже существует похожая традиция. Мужчина должен предстать перед властью в образе женщины, готовой отдаться по первому зову. Того, кто восстает против этой традиции, пытаются привести в состояние готовности к «самоотдаче» путем применения силы, военными действиями.

Очень большой ошибкой является восприятие процесса формирования власти как акцию, совершенную одним конкретным человеком, даже классом или этносом. Может быть, правительства создаются конкретными людьми, но власть, политические системы создаются в цивилизованных обществах усилиями сотен диких императоров, клик, господствующих сил, которые прежде порождают господствующую культуру (поле, традицию). Общества, как жены, которые ждут своих мужей как судьбу, ждут своей участи быть использованными властями как поле деятельности. Они так уже приучены. В авторитарном обществе существует господствующая культура. В этом смысле очень ценно высказывание Бакунина: «Даже тот, кто бьет себя в грудь, называясь демократом, в двадцать четыре часа портится, оказавшись у власти». Я не говорил, но очень долгое время хотел сказать: портиться заставляет сама почва, на которой зиждется власть. Трон, воздвигаемый на протяжении тысячелетий из кровавых рек и эксплуатации (бесконечных войн и угнетения), безусловно, в течение двадцати четырех часов испортит любого, кто случайно сядет на него. Этого может избежать, только человек способный

уберечь себя с фанатической решимостью! Власть, построенная в обстановке безграничной хитрости, войн и гнета, как традиция, культура и система очень эффективна и в абсолютном смысле разрушительна. Самым поразительным примером этого является практика «реального социализма».

Совершенно очевидно, что создатели этой системы руководствовались благими намерениями и целями. Но как же тогда получилось, что они сдались капитализму, против которого воевали? На мой взгляд, основной причиной этой исторической трагедии стала форма прихода к власти и форма использования власти. Создатели социализма превратились в авторитарную власть на культурной базе цивилизованного общества. То есть они не только не отвергли, а обеими руками принялись строить власть на кровавом наследии (обществе, привязанном к государственной власти). Они не захотели понять, что власть подобна продажной женщине, способной свести с ума любого, кто возжелает ее. Они не преминули заклеймить оппортунизмом некоторые случаи критики в их адрес (так, Кропоткин критиковал Ленина за то, что тот от Советов резко перешел к государственной власти). Валлерстайн, говоря о том, что Советы распались под общим воздействием капиталистической мир-системы, не будучи в состоянии противостоять этому, в принципе, подошел близко к истине. Но он весьма далек от решения сути самой проблемы. Мишель Фуко оказался гораздо ближе к истине, говоря о том, что система использует связку знание — власть.

Аналогичные суждения действительны для бесчисленных национально-освободительных, коммунистических и социал-демократических движений, начиная с Парижской Коммуны. Каждое поле дает свойственный только ему урожай. На поле, где тысячелетиями произрастал урожай, характерный для связки знание — власть, не может произрасти урожай социализма и вообще свободы. Для этого борцам за свободу и социализм (естественно, теоретикам) в первую очередь нужно подготовить собственное поле, постоянно проводить диагностику и лечение болезней, которыми болеет поле власти, а самое главное — держаться подальше от ростков власти (в любой форме) и выращивать собственные

ростки (богатые демократические формирования). В противном случае получится так, как в истории всех цивилизаций: не избежать повторения ошибок, совершенных тысячами людей, которые думали, что посеяли ростки свободы, а на деле оказывалось, что эти ростки ничем не отличаются от предыдущих. Напомнив, что эта тема тесно связана с общей социологией, я коснулся ее во введении, а в части, касающейся общей социологии, последует более подробный анализ.

Д. Очень важно осветить роль таких структурных факторов, характерных для цивилизованного общества, как религия, наука, философия, искусство и мораль.

Я утверждаю, что между цивилизацией и развитием религии, науки, философии, искусства и морали имеется тесная связь. С этими сферами связано положение, которое легко раскрыть: я уверен, что мы можем конкретно наблюдать то, как и с какой целью были созданы эти сферы человеческой жизнедеятельности, изначальный потрясающий исход которых состоялся в недрах шумерского государства жрецов. Мы уже видели, что в зачаточном виде эти сферы появились в недрах неолитической культуры в бассейне рек Тигр и Евфрат.

В основе понятия «святость» лежит чрезвычайная ценность, с которой воспринималось человеком обилие продуктов, используемых им в пищу. Увидев это обилие, человек воспринял это как милость богов, которых он представлял себе как лидеров общества, и восхвалял их. И сегодня, пытаясь осознать жизнь во всем ее волшебстве и очаровании, мы чаще всего прибегаем к таким понятиям, как производительность жизни. Религиозность не следует путать с верой в Господа. Это понятие, сформированное в семитской культурной среде, прошло отличный от других, особый путь развития. Божество в принципе является понятием, открытым для обсуждения, поскольку для всего человеческого общества оно олицетворяло, в первую очередь, принцип плодородия и производительности. И по сей день понятие о божественности сохраняет эту особенность. Утверждать, что человек с его ограниченными способностями к познанию способен познать всю вселенную, значит незаслуженно возвеличивать его. В этом

смысле хорошим метафизическим подходом становится причисление всего того, что непосильно для человека, к сфере умения богов. Я уверен, в этом не было никакой опасности. В противном случае человек стал бы воспринимать самого себя чуть ли не единственным божеством, и я уверен, что никакого вселенского смысла в такого рода самовозвеличении нет.

Шумерские жрецы считали свое искусство сотворения богов, помимо метафизической стороны, еще и способом более легкого общения с обществом, которое они создали, и серьезным моральным фактором. Вероятно, впервые обогатив божественность такими понятиями, как наказание, ниспосылаемые ими за людские грехи, они использовали это для развития в их обществе чувства послушания. Божество постепенно обретало признаки огосударствления. В этом заключалось реформаторство. Место восседания божества, очертания его фигуры во многом рельефно прослеживаются в процессе последовательного усиления роли и статуса правителей государства (следовательно, общества). Царь, идя на войну во имя своего бога, очень искусно маскирует собственные интересы. Во всех изобразительных и письменных источниках царь считается любимым сыном божества, а его враги воспринимаются как дети сатаны, заслуживающие проклятия. Постепенно формируется своеобразная группа божеств. Это очень ясное отражение нового метода управления.

Нигде так явно не была выражена тождественность бога и правителя, как в шумерском обществе. Уже не так важен вопрос, кто чьей маской является. По мере огосударствления божества правящий класс последовательно наделяет себя элементами и признаками святости, высочайшей созидательности, функциями наблюдения и контроля. Если правящий класс наделяется еще большими особенностями, то от него не отстает и его божество. Чем больше благодати в управлении обществом, тем сильнее считается божественная связь правителя. Зависимой и управляемой прослойке общества уже очень тяжело было отделять друг от друга божество и правителя. С этим связано укоренение метафизического восприятия, и процесс сотворения божеств уже начинает становиться дурной метафизикой. После этой стадии все цивили-

лизованные общества будут теперь эксплуатироваться по методу использования исследованных религиозных таинств и божеств и их умения узаконить управление. Если в глубине мыслей и чувств угнетенных трудящихся остались воспоминания о священном, порождающем и созидающем божестве, то божество и вера, уже поставленные на путь огосударствления, откровенно играют свои роли в обществе посредством любимым ими правителей общества.

Между количеством богов и общественной формацией есть связь, заслуживающая серьезного внимания. Политеизм является показателем понимания божественности в эпоху родоплеменного равенства. Уменьшение числа богов и процесс их возвеличения тесно связаны с «управленческим протоколом». Последовательное восхождение к статусу верховного божества аналогично процессу карьерного роста в правящей среде. Есть серьезная зависимость и требующая исследования интересная связь между формированием образа невидимого, не обладающего фигуративностью единого бога и постепенным выходом государства из-под власти людей, его обогащением многими структурами. В этом смысле теологические исследования могут привести к очень ценным открытиям.

Постепенное уменьшение роли и места бога в среде правящих сил, с одной стороны, свидетельствует о падении их масок, с другой же — свидетельствует о том, какой смысл начало обретать государство, чьи интересы оно представляет. Это становится доказательством утери религией своей некогда сильной узаконивающей роли. В этих процессах цивилизованное общество использует узаконивающий фактор религии не меньше, чем насилие и принуждение. Процесс огосударствления религии, ее перевод в собственность правящих классов происходит наряду с развитием цивилизованного общества, в частности, с развитием управленческого искусства. Такое положение вещей объясняет, почему в религии наметились тенденции к сектантству и внутренние противоречия. Противоборствующие цивилизации — это аналогия с противоборствующими религиями и сектами для того, чтобы вовлечь в процесс противостояния все общество, в первую очередь,

столкновения инициируются во имя религии. Долгие и короткие войны между различными цивилизациями всегда проходили под маской столкновений между религиями. Не секрет, что войны, ведшиеся во имя ислама, христианства и иудаизма, на самом деле имели целью установление господства в условиях цивилизации Ближнего Востока, и эти очевидные факты невозможно скрыть никаким образом. Открытость в действиях достигла своего апогея вместе с признанием в качестве официальной государственной идеологии. Как это бывает после каждого пика, их значение стало угасать. Оппозиционное сектантство становится знаменем повстанческой позиции маргинальных сообществ, постоянно остававшихся за бортом цивилизованного общества. Отчасти этот процесс отражал классовые противоречия. Вплоть до сегодняшнего дня, формируясь в недрах капиталистической национально-государственной структуры, сектантство превращается в разновидность национализма. В этот раз в ходе кровавых войн на религию вновь были надеты прежние маски.

Роль философии в истории цивилизации по сравнению с религией несколько ограничена, но не менее значима. Стремление к познанию смысла, недостаточность религиозных догм способствовали возникновению интереса к философии. Мудрость, имеющая столь же древнюю историю, что и религия, может считаться началом философии. Мудрец, воплощающий образ мыслящего человека, является источником смысла, отличного от богословия. К мнению мудрецов прислушиваются как к представителям бога на земле. Мудрецы не были в мире с государством и властью, скорее они были тесно связаны с социальными слоями, находящимися вне официального общества. Известна их роль в развитии морали и науки. Хотя это и не нашло своего отражения в письменных источниках, но женщина в статусе матери-богини неолитического общества близка по сути к мудрецам, которых можно считать той частью иерархии, которую не затронула деградация. В шумерском обществе можно встретить отчетливые следы этого явления. Возникновение института пророков во многом обусловлено наследием мудрецов. Вообще-то, философская традиция Ближнего Востока требует серьезного исследования. Не

вызывает никаких сомнений, что философия здесь существовала задолго до возникновения древнегреческой культуры. Ведь удача древнегреческих философов, собственно, заключалась в том, что они жили в ту эпоху, когда их территория стала местом распространения высшей ступени цивилизации. Подобно тому, как шумерские жрецы сотворили богов и религию одновременно с созданием государства и общества, древнегреческие философы на более высокой ступени цивилизации сыграли определяющую роль в создании и развитии нового цивилизованного общества, где религия и философия были в тесной взаимосвязи. Они делали одно и то же дело — использовали искусство понятия. Если первые сыграли свою историческую роль, создав религию, то вторые сыграли аналогичную роль, используя философские понятия. Начался этап, когда божества в масках стали уступать свои позиции богам без масок и голым королям. Здесь есть связь между философией и тем прогрессом, которого достигло мышление человека.

Философское мышление, игравшее несколько ограниченную роль в Древней Греции и Древнем Риме, пережило поистине революционный переворот в условиях более позднего европейского капиталистического общества. В философии здесь происходили такие же споры, что и между религиями. И в этом немалая доля принадлежит такому фактору, как выдвижение на главенствующие позиции национально-классовых интересов в рамках потребностей системы. Религиозные войны не могли разрешить всех противоречий, и поэтому на долю философии выпала гораздо больше дел. Война 1618–1649 годов стала последней религиозной войной. Вместе с тем тот же XVII век стал веком философской революции. Философия, игравшая в древнегреческом и древнеримском обществах ответственную роль, в условиях новых цивилизованных обществ стала главенствующей формой идеологии. Стали зарождаться крупные философские школы. С одной стороны, объявлялось о «смерти бога», а с другой стороны, отсекались головы завуалированных королей. Начиналась эпоха капиталистических государств, которые были не более чем голые короли, олицетворенные каждый в своем обожествленном национальном государстве.

Неолитическая революция способствовала революционным шагам и в искусстве. После примитивных наскальных рисунков в пещерах началась эпоха фигур матери-богини. Именно эти фигуры стали первыми объектами искусства. Изображения матери-богини можно считать прототипом скульптуры. С наступлением эпохи цивилизованных обществ уже изображаются вместе фигуры божеств и правителей. Возрастающая роль классового расслоения общества и сила власти также способствовали огосударствлению искусства, как и в случае с религией. В частности, в искусстве Египта, Китая и Индии божество, монарх и жрец соревнуются в демонстрации силы. Величественные памятники призваны продемонстрировать эту силу. То же направление было характерно и для архитектуры. Религиозные объекты и дома правителей становятся сферой развития и применения архитектуры. Сооружаются величественные религиозные храмы и дворцы. Строятся большие склепы. И все это становится устрашающим показателем того, каких масштабов достигла эксплуатация человека вместе с гнетом в условиях цивилизованного общества. Для возведения одной лишь пирамиды или религиозного храма жертвуют жизнями сотен тысяч людей. Еще одной значимым объектом, нашедшим отражение в искусстве, благодаря активно развивающейся торговле, становятся коммерсанты. В произведениях искусства можно увидеть отражение таких торговцев, которые по значимости не уступали даже королям.

На древнегреческой и древнеримской этапах цивилизации переживается переворот в городской архитектуре. Города, образованные комплексом из старых внутренних и внешних крепостей, и сегодня вызывают восхищение как объекты строительного искусства. Платой за труд, создавший их, стало масштабное порабощение. Большая часть рабского труда использовалась в городской архитектуре. Показателем порабощения общества становятся крупные склепы, храмы, крепости и города. Древняя Греция и Древний Рим в области скульптуры стали новой ступенью цивилизации. Величие и красота отражались в совершенной скульптуре.

Искусство и культура Древней Греции и Древнего Рима стали силой, вдохновившей подъем европейской цивилизации. Феодалная Европа, находившаяся под влиянием религиозных догм, смогла дотянуться до окошка, ведущего к новому мышлению, только благодаря культуре Ренессанса, частично допускавшей свободное мышление как таковое. Количественное влияние искусства наступит вместе с выходом на историческую арену нового класса цивилизации — буржуазии. Но прежнего величия она уже не достигнет. Искусство, в комплексе всех своих былых достижений в области градостроительства, музыки, изобразительного искусства и скульптуры, оказавшись на службе у капитализма, начнет деградировать, утратит свой священный характер и, обезличиваясь под названием индустрии искусства, превратится в потребительский продукт и в определенном смысле исчерпает себя.

Основной источник литературы и музыки также можно найти в недрах неолитической культуры. Этот период истории выражается звуками аутентичной музыки. И сегодня звучат протяжные, волнующие и пленительные голоса пастушьей дудки, барабана, зурны. Эти инструменты, похоже, и стали родоначальниками музыки. В шумерском обществе произойдет развитие формы и содержания литературы и музыки. В царских дворцах незаменимы были музыканты и исполнители.

Устные эпосы вдохновенно озвучивают святость первых родоплеменных сообществ и тоску по тем временам. Они становятся основными источникам дальнейших письменных эпосов. Первым в истории письменным текстом стал эпос о Гильгамеше. Вероятно, этот эпос является основным источником всей литературы и священных текстов. Многие шумерские литературные и религиозные тексты стали не только источниками вдохновения древнегреческой литературы и богословских трактатов. Все древнегреческие легенды и мифы представляют собой версии тех сказаний, которые перешли через Анатолию. Но литературно-музыкальная культура, некогда переживавшая в этом регионе подъем, в европейском буржуазном обществе переживет свою последнюю ревизию в рамках романтической культуры, а затем

произойдет популяризация и превращение в индустрию культуры, что и станет последним шагом к ее превращению в продукт потребления и полному исчерпанию.

Разделение на «хорошее» и «плохое» в сфере морали связа - но с фундаментальным социальным разделением на «хорошее» и «плохое» в цивилизованном обществе. В этом смысле такое разделение увеличивает дистанцию между группами, преследу - ющими разные интересы. В целом же оно является выражением деления обществ на хорошие и плохие. Суть этой дифференци - ации является социальной. Если привязанность к обществу яв - ляется свидетельством добропорядочной нравственности, то отдаленность от общества, неприятие его ценностей говорит о плохом. Общественная формация от начала и до конца имеет нравственный характер. Иными словами, это означает добро - вольную привязанность к правилам организации общества на почве трепетного отношения к ним. «Первой конституцией» об - щества является свод его моральных правил. Общество основано на морали. Общество, растерявшее свои моральные устои, об - речено на распад. Общественные правила предусматривают от - ношение к общественной идентичности, его божественной сути, языку, другим членам общества с таким трепетом, будто бы явля - ются единым целым, и при необходимости требуют от человека самопожертвования во имя общества. В принципе, оказаться вы - дворенным за рамки общества для человека равносильно смерти.

Право — одно из великих изобретений цивилизованного общества. Социальное расслоение безусловно начинается вме - сте с классовым расслоением и возникновением государственно - сти. В основе этого процесса лежит моральный фактор. Подобно тому, как огосударствление религиозных святостей способство - вало возникновению государственной религии, так и постановка морали на государственные рельсы способствовала возникнове - нию права. Возникновение права становится следствием того, как свод правил отражает основы формирования нового государ - ственного общества и интересы, принципы собственности и безо - пасность правящего класса, то есть право становится «консти - туцией» нового общества.

Первым примером правового урегулирования общественных отношений может стать Шумер, где письменные тексты были созданы задолго до законов Хаммурапи. Таким образом, можно утверждать, что своим рождением право обязано не Риму, не Афинам, а шумерскому городу-государству. В античную эпоху подчеркивается связь права с республикой и демократией. Речь идет о периоде более официальной и письменной структуризации права. Что касается республики и демократии, то этот процесс стал отражением поисков аристократией (господствующего класса, избранных людей рабовладельческого общества) форм коллективного управления с целью установления барьера перед царствами и деспотическими диктатурами (управляемыми волюнтаристскими методами). Несмотря на то что следы встречаются в шумерском обществе, первое письменное и художественное выражение оно нашло на той стадии цивилизации, которая существовала в Греции и Риме. Это связано с вопросом преодоления трудностей в управлении, путаницы и хаоса. Вопросы конституции, республики и демократии являются самыми дискуссионными в европейской буржуазной цивилизации. Последнее изобретение касается «прав человека». Оно несет на себе ярлыки представительства и индивидуальности, которые расширяются и развиваются в обществе.

Развитие науки следует воспринимать как часть этих основных категорий. Наука — это одна из форм знаний. Единственное ее преимущество в том, что она является той частью знаний, которая может быть подтверждена всеми. Наука содержит не все знания, а ту часть, которая обладает особым смыслом (подтверждаемую опытным путем). В широком смысле слова нет знаний, которые не подтверждаются опытом. В цивилизованном обществе существует разделение знаний, которые подтверждаются опытным путем или не подтверждаются, имеют позитивный или метафизический, теоретический и практический характер. Эта ситуация связана с цепью взаимоотношений между знаниями и властью. История знает три великих революции в сфере научных знаний: первая — неолитическая (7–5 тыс. до н.э. халафский период), в которую внесен дополнительный шумерский вклад; вторая — западно-анатолийская и античная (VII–IV века до н.э.) и третий революционный период

— западноевропейский (XVII век н.э. и далее). Ясно, что научные знания связаны с периодизацией цивилизации. Для каждой исторической ступени характерна своя научная революция. Но науку следует рассматривать в тесной связи с религией, философией, литературой, искусством и правом. Тяжело установить различия между наукой и философией. Можно их рассматривать как теоретическую и практическую стороны одного и того же явления.

Связь, которую можно установить между цивилизацией в целом и этими категориями, может быть выражена сквозь призму оппозиции смысл / власть. Эти крупные смысловые категории и их практическое выражение, которые зародились из практики человеческого общества и мышления, способствовавшего возникновению этой практики, подверглись аннексии и искажению со стороны той части цивилизованного общества, которая уже пришла к государственности. Одним из первых, к чему они приступили, было стремление организовать науку и философию как социальную парадигму и источник практической силы. Каждая ступень цивилизации возникает на базе новой фундаментальной парадигмы (мировоззрение, система взглядов). Если, на взгляд правящих классов, эти мероприятия носят вполне позитивный характер (видимые факты), то с точки зрения управляемых классов, это поразительным образом очерняет их жизнь, отделяет их от мира железным занавесом, сковывает цепью. Открытое насилие всегда служило основанием для нового типа правления, чья законная сила базировалась на новых парадигмах. Новые классы представляли все свои преимущества и интересы так, будто это преимущества и интересы, чуть ли не судьба всего общества, — и это было их основным занятием. По мере достигнутых успехов они могли продлевать жизнь обществ, которые назывались цивилизованными. Любая цивилизация, какой бы грандиозной она ни была, потеряв свою легитимность, не может избежать упадка. Например, истинными причинами упадка цивилизации Рима были следующие: изнутри империи — христианство, извне — потеря уважения и привлекательности под воздействием варварских племен. Когда общество объединилось с новыми религиозными сообществами и инородными племенами, некогда великолепный Рим утратил легитимность и распался.

Социальные структуры, которые в определенном смысле можно назвать метафизическими категориями, не могут быть исследованы самостоятельно, ибо это может исказить истину. Метафизические истины, подвергнутые материалистами чрезвычайно грубой и жесткой критике, несомненно, сами по себе не могут быть разделены на «хорошие» и «плохие». Поскольку мышление человека и общество нельзя представить без метафизики, гораздо более осмысленными были бы методические оценки метафизических категорий в тесной связи друг с другом и обществом.

Крупные цивилизации в общем являются религиозными. Если религия той или иной эпохи теряет свою силу (это может происходить благодаря философии, науке или новой религии), это неминуемо означает распад соответствующей цивилизации. Все это свидетельствуют о жизненно важном значении крупных смысловых категорий (религия, философия, искусство, право, наука, мораль) для цивилизованного (классового, городского, государственного) общества. Если общая социология должна освещать эти категории в ракурсе цивилизованного общества, то социология свободы критически комментирует то, как эти категории должны слиться со свободной жизнью в демократическом обществе. Эта тема будет детально разработана в соответствующей части.

Е. Экономические учения в цивилизованном обществе — это один из самых запутанных вопросов, представляющих собой благоприятную почву для искажений. То, что экономика становится предметом теоретических и практических исследований, относится к достижениям капиталистической цивилизации. Речь идет об исследовании «материала» общественной жизни. Систему капиталистической цивилизации, которая позиционирует себя в истории как материальная цивилизация (правильное и уместное толкование Фернанда Броделя), можно было бы назвать экономической системой. Нет никакой опасности в том, чтобы назвать все предыдущие системы цивилизации «метафизическими системами», и в этом смысле станет ясно, почему капитализм можно назвать «системой материалистической».

Если неолитическое общество (включая первые человеческие сообщества), а также все цивилизованные общества (докапиталистической эпохи), уделяя большое внимание категориям святости, смысла, чудесного, в целом метафизике, не могли расценивать жизнь никак иначе, то капиталистическая цивилизация позиционирует себя чуть ли не как эпоху богов без масок и голых королей, и это обстоятельство заслуживает серьезного внимания и требует серьезных рассуждений. Капиталистическое общество превосходно умеет ввести в заблуждение, обмануть и ассимилировать все инородное.

Мое личное мнение, что основная суть капитализма заключается в том, что масштабы аннексии и присвоения результатов чужого труда, существующие в той деятельности, которую капитализм развернул под названием «экономика», скорее превращаются в форму общественной жизнедеятельности. «Экономика» по-гречески означает «кодекс семьи» и подразумевает правила материальной жизни семьи, ее окружение, материалы и прочее. Если несколько расширить смысл этого слова применительно к цивилизованному обществу, то можно назвать экономику «правилами жизни» маленьких сообществ. Это та общественная категория, которая менее всего попала под влияние государственности и собственности. Общество — это основная ткань коллективизма. Приватизация общества, становление его на рельсы государственности немислимо. В этом смысле приватизация экономики и становление ее на рельсы государственности означают разрушение этой самой основной ткани, уничтожение наиболее важных жизненных правил общества. Поэтому никакое общество так, как капитализм, не осмеливалось даже помыслить сделать приватизацию и огосударствление главной особенностью общества. Поскольку в цивилизованном обществе все социальные сферы приведены к государственности, экономика, как основная ткань общества, несомненно, превратилась в основной предмет и частной, и государственной собственности. Но ни одно общество так официально и открыто, как капитализм, не объявляло частную и государственную собственность системой.

Крайне важным я считаю следующее обстоятельство: приватизация и огосударствление экономики прежде воспринималось как аннексия и воровство. Карл Маркс более «научно» называет это воровством прибавочной стоимости в связке труд — стоимость (как прибыль). Этот вопрос требует еще более глубокого рассмотрения. На мой взгляд, попытки перевода в частную или государственную собственность можно оценить как аннексию и незаконное присвоение прибавочной стоимости, за исключением ранее существовавших излишков продукта. Все формы перевода экономики, являющейся основной тканью общественного организма, в любые виды собственности, включая частную и государственную, по сути безнравственны. Это и есть аннексия и воровство. Равно как попытки присвоения или передачи в собственность государства сердца или любого другого органа человека бессмысленны или очень опасны. в случае с экономикой наблюдается аналогичное явление. Надеюсь рассмотреть эту тему подробнее в части, касающейся капитализма.

Мы видим, как коммодификация становится в цивилизованном обществе очень важным явлением. Следовательно, между превращением всего и вся в товар массового потребления и цивилизованным обществом (с частной формой собственности, классовым, городским и государственным обществом) есть тесная связь. Товар и коммодификация являются главными категориями цивилизации. В таком случае, очень важно охарактеризовать товар как категорию. Проще говоря, о превращении в товары массового потребления всех продуктов труда, за исключением тех, которые используются для удовлетворения основных потребностей человека (за исключением объектов извлечения пользы, непосредственного удовлетворения каких-либо потребностей), а именно речь может идти о превращении продукта в товар массового потребления в целях обмена (торговля, коммерческая ценность). Обществу на протяжении длительного периода было чуждо понятие обменной стоимости. Оно даже не задумывалось об этом, считало ее постыдным. Ценный объект общество дарило какому-либо сообществу, или человеку, которого оно считало ценным. Подмена дарения «обменом» является изобретением или хитрым шагом цивилизации. До наступления цивилизации, или за рамками цивилизации, общество считало и считает обмен постыдным

явлением, и если есть возможность избежать такой формы отношений, то следует избегать его. Благодаря своему глубокому историческому опыту, общество знает, что экономика, являющаяся основной тканью его организма, может выйти за рамки, и если укоренится явление корыстного обмена, то с обществом может случиться что угодно. Тем самым оно ревностно охраняет себя от этого явления.

Преобразование товара в обменную ценность, торговля и торговец стали значимыми категориями цивилизации. Вкратце сообщу, что мое толкование товара отличается от толкования Карла Маркса. То есть я считаю, что соизмерение обменной ценности товара с трудом рабочего может стать источником такого понятия, которое может породить очень серьезную опасность. Если иметь в виду современный процесс распада общества, в котором не осталось ни единой ценности, не превращенной в товар массового потребления, то можно будет лучше понять, что я имею в виду. Осознать разумом превращение общества в товар массового потребления значит перестать быть человеком. Это, по сути, гораздо хуже варварства. Если прибегнуть к сравнению, то можно сказать так: выставление на продажу животного, разрезанного на части в скотобойне, фактически навязывается как образ жизни всего человеческого общества. В основе социального зла лежит процент, в фундаменте проценте заложена торговля, базу которой составляет товар. Упадок экономики также тесно связан с торговлей. Экономика, перестающая быть главной тканью в организме общества, становится началом коренного разрыва с природой, потому что слияние материальных ценностей с ценностями человека становится предметом серьезного разлома. В какой-то степени закладывается фундамент дурной метафизики. Когда материальное лишается духовного начала, а духовное — материальной составляющей, это становится началом проблемы, которая втаптывает в грязь историю человеческого мышления. Ложные дихотомии и дискуссии, касающиеся материальности и духовности, на протяжении всей истории цивилизации уничтожает экологию и свободную жизнь в целом. Мертвая материя, а также утверждения о духе, которые с точки зрения космического мировоззрения есть неизвестно что, чуть ли не завоевывают мышление человека и нещадно эксплуатируют его.

Я хочу выразить сомнения еще по одному поводу. Я сомневаюсь в том, что можно измерить общественные ценности (включая товар). Один лишь факт причисления товара, являющегося продуктом труда не просто живого человека, но и бесконечных и не поддающихся счету трудов, к заслугам одного человека, по сути, не просто ошибкой, но способствует аннексии и присвоению чужих ценностей. Причина ясна: как можно измерить оплату нескончаемого труда? Более того, как измерить ценность труда семьи, матери, родившей и воспитавшей трудящегося, ценность труда которой не поддается измерению? Как измерить права общества, реализовавшегося в таком объекте, как ценность? Можно вести дискуссию и дальше, но выходит, что обменная ценность, прибавочная стоимость, ценность труда, проценты, прибыль, рента и аналогичные понятия сродни воровству (официальному, осуществляемому силами государства). Может, имеет смысл поиск других мерил обмена или поиск новых форм существовавшего ранее дарения излишка продукта? В части, касающейся модернизма и свободной жизни, я хотел бы подробнее раскрыть эти обстоятельства.

Даже в греческой культуре торговля считалась презренной профессией. Греки знали о связи торговли с воровством. В римском обществе торговцы тоже не были в почете. Что касается товара, то он имел ограниченное влияние. В древности ревностно пытались ограничить уровень влияния товара в обществе. Я говорю о нравственности неолитического общества. Несмотря на то, что капитализм до своего становления в качестве господствующей системы уже завоевал определенные позиции в части общественных институтов, даже цивилизованные общества не дали бы возможности для его массового проникновения и утверждения. Все происходило на маргинальном уровне. То, что в XVI веке капитализм утвердился в Голландии и Англии, связано с очень конкретными условиями. Может быть, для становления таких стран, как Голландия и Англия, капиталистическая система была нужна. Так и получилось. В течение четырех столетий весь мир оказался под властью этой системы. В отдельной главе мы рассмотрим этот период цивилизации как период модернизма.

Введение в историю цивилизации с помощью такой краткой характеристики необходимо для того, чтобы мы могли воспринять здоровый стиль исторических и социологических знаний. Мгновенное разрешение таких вопросов, которым даже самые дотошные историки и философы посвятили чуть ли не всю свою жизнь, требует чрезвычайных способностей. Я далек от этих амбиций, но, отдавая дань уважения идее свободы, утверждаю, что для каждого, кто надеется на серьезную награду от общества, первостепенным условием является наличие больших сил для толкования историко-социологических и научного осмысления.

Трагедия «реального социализма», идея которого просуществовала полтора столетия, десятки неудачных национально-освободительных движений, растворение социал-демократических теорий в ледяных расчетах мирового финансового капитала побуждают нас объединить наше умение раскрыть суть всей цивилизации и, в частности, капиталистической цивилизации, с социологией свободы для того, чтобы в грандиозной освободительной борьбе не обмануться самим и не обмануть никого.

3. ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Научные дискуссии, касающиеся ядра и времени развития цивилизации, господствующей в сегодняшнем мире, в основном сводятся к Верхнему и Нижнему Междуречью. В последних двух частях книги я подчеркнул, что также разделяю это мнение. Мои комментарии свидетельствуют о том, что ядро цивилизации формировалось в предгорьях Верхнего Междуречья. Фундамент нынешней цивилизации был заложен усилиями шумерских жрецов, и ростки, высаженные ими в благодатную почву, способствовали формированию и дальнейшему развитию ядра цивилизации. Не следует забывать, что процесс, обозначенный нами в одном коротком предложении, на практике длился и утверждался тысячелетиями.

Позитивная социология (не описанная нами критическая позитивная социология, а социология Э. Дюркгейма, О. Конта и К. Маркса) считает себя неуязвимой в плане категорий времени и места. Описываемые ими явления не имеют этих категорий. Представители этого течения убеждены в том, что творят науку, основанную на опыте и фактах. Проводя анализ, лишенный категорий времени и места, они, тем не менее, считают свои действия строго научными. Обеими руками они держатся за свой метод, но, по сути, в основе его лежит стремление показать модернизм вечным и бесконечным воплощением времени и места. Вся наука, философия и искусство европейской централизации зиждется на этой тенденции.

Подобно тому, как Господь Бог находится вне времени и места, эти современные жрецы (поскольку они создали идеологию европейской цивилизации) уверены в том, что созданная ими наука безгранична и вневременна. Чем больше они избегают категорий времени и места, тем больше считают себя спасителями одежд научности. Это есть та самая ошибка, которую часто совершают сторонники общевременной парадигмы. Мы прекрасно знаем, что не существует ни одного факта, явления, структуры, действия, личности и общества, на которых бы не распространялось влияние места и времени.

Принятие этого метода усиливает смысл такого толкования. В сфере социальных наук история — это «сиюминутность», а «сиюминутность» — это уже история. Существующая между ними разница скорее формальная и очень поверхностная. В частности, то, что без понятия «срок» нельзя построить осмысленную социологию, я отмечал, еще не читая об этом у Броделя. Я считаю это понятие незаменимым для характеристики категории места. Мои труды, пусть дилетантски, с практической стороны подтверждают это мировоззрение. Следы этого вопроса можно видеть во всех моих рассуждениях. Почему же тогда европейские ученые, очень щепетильные в вопросах метода, избегают рассуждений о месте и времени вместо того, чтобы разобраться в этом хотя бы на таком любительском уровне, как я? Реалистичное объяснение этого дают европейская централизация и глобальный характер науки. Эти особенности не позволили ученым избежать погружения в грубую метафизику; или же они были убеждены, что их миссия заключается в личном построении метафизического общества.

Дело в том, что рассматривая историю и место развития цивилизации сквозь призму социологии, можно увидеть реальное течение жизни, собственное место в истории и современности. Если история и современность близки друг к другу и если новые этапы исторического развития следуют один за другим, как

ступеньки лестницы, то вопрос единства человечества не вызовет никаких сомнений. Это будет очевидно даже без анализа таких понятий, как «род», «племя», «религия», «государство», «нация», «союзы», «ООН», «интернационал» и прочее. Следовательно, структуры, которые на словах ищут единства, на самом деле поступают противоположным образом. Цивилизованное общество — чрезвычайно странное образование. У него есть одна особенность: все то, что противоречит сказанному им, становится правдой. В таком случае, чтобы избежать потрясений, нам надо всегда наоборот изучать цивилизованное общество.

Это вступление призвано привлечь внимание к вопросу, как необходимо понимать категории времени и места в распространении цивилизации.

А. Проблемы Распространения Цивилизаций Шумерского И Египетского Происхождения

Все, что мы говорили о неолитической структуризации общества, затрагивает вопросы образования ядра цивилизации. Как можно понять смысл прививки, которую сделали цивилизации шумерские жрецы, не поняв сути этого процесса? Ведь нет другой косточки, из которой выросло дерево цивилизации. Если бы даже она и была, то не смогла бы прорасти. Как сегодня мы не можем представить появление США без Европы, так мы можем утверждать, что без прорастания дерева цивилизации из косточки, брошенной в благодатную землю Верхнего Междуречья, Нижнее Междуречье так и осталось бы родиной камышей. Какие могут быть разговоры о развитии цивилизации, если картина была бы похожей на образ жизни пигмеев?

Очень важным с точки зрения распространения цивилизации является следующий вопрос: почему регион Среднего Междуречья, даже территории, граничащие с Анатолией, остались за рамками процесса урбанизации. Если окинуть взором историю пяти тысячелетней давности, можно увидеть много регионов, до-

шедших до уровня цивилизации: Были большие села, почти достигшие уровня городов, но позднее, по причинам, которых мы точно знать не можем, они не продолжили развития, а пришли в упадок. Например, такими территориями можно считать Чатал-Хююк, регион между Ираном и Туркменистаном. Мы знаем, что для возникновения города нужен ряд условий. Одним из обстоятельств является то, что плотность населения в этом регионе связана с существенными излишками продукта. Эта возможность появилась благодаря искусственному поливному земледелию на аллювиальных почвах, расположенных рядом с речными потоками. Это представление подтверждается наличием аллювиального участка, сформировавшегося недалеко от моря бассейнами Нила, Тигра и Евфрата. Для начала нужно не только зарождение городов, но и увеличение их числа и постоянное развитие. Другое условие заключается в том, что в пограничных регионах должен существовать уровень культуры, способствующий зарождению городов. Ни один аллювиальный регион не может сформировать неолитическую культуру, ибо нет условий для зарождения этой культуры. В неолитической культуре нет условий для возникновения крупных, постоянно растущих городов. В силу этих условий взаимное дополнение друг друга обязательно и незаменимо.

Все свидетельствует о том, что в бассейне Тигра и Евфрата существовала цепь городских поселений, хоть и не такая разветвленная, как в Нижнем Междуречье. До этого, примерно в середине 4 тысячелетия до н.э., городская цивилизация Урука создала целую систему. Была создана колониальная система и представлена модель, увеличивающая количество городов. Уруку выпала честь быть первой в истории цивилизацией. Доказательствами бессмертия этой цивилизации стали культ богини Инанны и легенда о Гильгамеше. К концу 4 тысячелетия до н.э. Урук пришел в упадок, не выдержав объединенной конкуренции со стороны многочисленных, более эффективных городов, существовавших севернее.

Период династии Ур начинается в 3000-х годах до н.э. Руководствуясь аналогичной логикой борьбы и распада и переместившись к северу, Ур, переживший три династии, существует

до 2000-х годов до н.э. Саргонскую Аккадскую династию и правление гутийского царя Гудеа тоже следует рассматривать в этом историческом контексте. Вот достижения этого периода, которые сразу же приходят на ум: первые письменные юридические тексты, литературный эпос, академии, безжалостные, подобные современным, городские распри (поразительными примерами чего являются «Элегия Ниппуру», поэма «Проклятие Агаде»). Ясно, что Ур был широко развитой колониальной системой. Впрочем, первые колонии разрастались во внутренней дуге Тавро-Загросской горной системы подобно снежному кому. Столь же стремительно они пришли к своему упадку.

Вывод, который можно сделать из этого, следующий: колонии создавались в силу культуры, существовавшей в обществе. Если Египет и Хараппа, Элам и Сузы можно считать независимыми городскими цивилизациями, то даже без прямой связи, размышляя объективно, их можно сравнить с Шумером только как колонии.

Эпоха Вавилона начинается севернее, развивается по той же логике примерно в 2000 году до н.э. Несмотря на то что в отличие от шумеров вавилоняне считаются аккадским этносом (принадлежат к семитской культуре), по сути своей это была шумерская цивилизация. С точки зрения развития науки и структуризации общества Вавилон стал апогеем этой цивилизации. Как город, Вавилон сыграл роль, аналогичную роли Парижа в Европе. Это был город науки и культуры. Увеличилось число торговцев, сюда стекались все представители культуры, впервые появились признаки космополитизма. Влияние Вавилона на соседей было сильным. Вавилон начал историческую эпоху Нимродов (первых сильных царей). Он обладал притягательной силой города света. Развитие Вавилона прошло три серьезные ступени. Эпоха выдающегося исхода приходится на период 2000–1600 гг. до н.э. и ознаменована знаменитым Хаммурапи. Второй период, проходивший под влиянием хурритских племен, завершился в 1600–1300 гг. до н.э. Третий период стал периодом ассирийского влияния и завоевания персами, 1300–550 гг. до н.э. Вавилонская эпоха, длившаяся 1500 лет, пусть и не столь явно, но оставила свой яркий след в

памяти человечества. Эпос «Энума Элиш», знаменитый сценами конфликта бога Мардука с богиней Тиамат, стал повествованием о горьком поражении матери-богини. Астрономия, фольклор, произведения детей Израилевых, многие письменные тексты, сопротивление Ассирии стали незабываемым напоминанием о том, что Вавилон был центром халдейской культуры, памятники которой сохранились до наших дней. Вспомнив, что многие греческие философы, прежде всего Солон, получили первые уроки на примере вавилонской истории, мы лучше осознаем ценность цепной реакции, по которой передавалось миру влияние этой культуры.

Ассирийский период также можно разделить на три этапа. Первый был периодом царей торговцев и продолжался с 2000 по 1600 гг. до н.э. Торговцы, сделавшие своим центром город Ниневию, что располагался вблизи современного иракского города Мосул и переживал бурное развитие торговли (Ашур был богом-хранителем этого города), создали первую в истории широкую торговую колонию. Они основали торговые колониальные города на большой территории — от Восточного Средиземноморья до берегов Пенджаба, от Черного моря до Красного моря. Можно говорить о том, что они способствовали прогрессу в архитектуре и торговле. Памятниками тех времен стали города Кюльтепе (в ассирийский период назывался Каниш), что вблизи современного турецкого города Кайсери, и Каркамыш (происходит от «Харрум», то есть «торговое агентство»), который находится там, где современный Евфрат вступает в пределы Сирии. 1600–1300 гг. до н.э. был периодом господства государства Митанни хурритского происхождения. Даже утерев былую мощь, ассирийская традиция продолжала свое существование. Наиболее блистательным был период 1300–612 годов до н.э., когда ассирийцы создали самую мощную в истории империю. Они были известны своей свирепостью в бою (известно, что из отрубленных голов своих врагов ассирийцы строили крепости и стены). Первые в истории факты геноцида, глобальное опустошение целых регионов стали теми следами, которые оставил в истории ассирийский период. Это было время наивысшего развития повстанческого мышления народов. Самым крупным примером мятежного духа стало вы-

ступление протокурдов, которыми были хурриты, находившиеся под господством урартийских царей (этнический состав урартицев — спорный вопрос, причем относящийся ко всем правящим династиям. Все династии брали за основу господствующий культурный язык своего периода. Наконец, в Урарту, а позднее и в персидских дворцах говорили на ассирийском и арамейском языках, которые были официальными государственными языками). Велика роль этого сопротивления в том, что курды и по сей день проживают в этом регионе. Результатом союза мидян хурритского происхождения с Вавилоном стало падение в 612 г. до н.э. грандиозной ассирийской империи. Будучи последней цивилизацией шумерского происхождения, ассирийцы смогли внести огромный вклад в развитие и распространение цивилизации на исторической арене (в особенности в сфере торговли и архитектуры).

Впервые мы становимся свидетелями возникновения цивилизации за пределами Нижней Месопотамии. Здесь наблюдаются изменения и прогресс, как по форме, так и по сути. Не будет ошибкой назвать Среднюю Месопотамию первым звеном возникновения и распространения шумерской цивилизации. Об этом этническом поясе хурритского происхождения, в частности, дают все больше знаний археологические раскопки, ведущиеся в регионе, этимологические и этнологические исследования. Хурриты были первой этнической группой, определившей идентичность народов, этнических сообществ, перешедших от арийской культурно-языковой общности к письменным источникам. Хурриты аутентичны, то есть это группа, перешедшая к оседлости в Тавро-Загросской системе еще со времен последнего ледникового периода. Они сыграли главенствующую роль в земледелии и скотоводстве. Точнее, они были первой этнической группой, развивавшей достижения неолитической революции в сельском хозяйстве. Этническая идентичность хурритов начинает формироваться уже с 6000 года до н.э. Вернее всего было бы именовать хурритов протокурдами. Структура языка, этимологический анализ многих слов очень хорошо раскрывают их связь с курдами. Оседлость в равнинной зоне у хурритов тесно сочеталась и внутренне была связана с сезонным кочевьем в горных и паст-

бищных ареалах. С большой долей вероятности можно предположить, что хурриты стали первой этнической группой, стоявшей у истоков зарождения шумерской цивилизации. Наконец, более поздний период гуттийских завоеваний (2150–2050 годы до н.э.), походы касситов (1600 год до н.э., завоевание Вавилона вместе с хеттами в 1596 году до н.э.), еще более поздние взаимные волны распространения мидян и персов подтверждают это предположение. Это неолитическое поколение, находившийся в самых тесных связях с шумерами. Остальные народы были арамейцами семитского происхождения.

Первые следы хурритской цивилизации наблюдаются с начала 3000-х годов до н.э. (если не считать 6000–4000 годы до н.э., период неолитической структуризации). По существу, мы видим непрерывное развитие. Если народы Шумера познали цивилизацию раньше, остальные, пусть и медленно (из-за поливного земледелия и климатических условий), но продемонстрировали свое стремление к превращению своих поселений в города. Археологические раскопки, проводившиеся в средней части бассейна Тигра и Евфрата, продемонстрировали много примеров существования в этом регионе городов в древности. Многочисленные раскопки, в первую очередь в районах Казаз, Титруш, Гре Вре, Зейтинлик и Гёбеклитепе, что недалеко от Урфы, следы внутренних и внешних крепостных поселений, огороженных стенами, строения, похожие на ритуальные молитвенные помещения, фигуры, атрибутированные как предметы искусства, образцы товаров и многое другое подтверждают это. История многих городских поселений продолжается до 3000–2750 годов до н.э., и правильнее назвать их первыми городскими группами, независимыми от Шумера. Очень важно, что рядом с этими поселениями можно встретить следы других поселений, а также колоний шумерского происхождения. Изучение этих колоний показало, что время от времени они подпадали под волну агрессии со стороны Ура, Урука и Ассирии. Городские центры бассейна Среднего Междуречья, которые будут установлены в результате новых археологических раскопок, этимологических и этнологических исследований, подтвердят тот факт, что этот регион также был одним из центров цивили-

лизации. Последние научные исследования тоже говорят об этом. В частности, анализ находок в Гёбеклитепе способен привести к переписыванию истории.

Вторая волна хурритской цивилизации имела более широкий характер и была ознаменована образованием империй и похожих политических институтов. В частности, привлекают внимание митанни — выходцы из Средней Месопотамии. Известно, что эта империя просуществовала с 1600 года до н.э. по 1250 год до н.э., приходящийся на момент подъема ассирийской империи. Столицами государства были города Сарекани и Амуде, которые были расположены на территории современной провинции Мардин на границе с Сирией. Название города еще в тот период было Хашкани (что по-курдски означает «прекрасный родник»). Дощечки, оставшиеся с тех времен, свидетельствуют, что строение их языка было совершенно иным, они говорили на языке хурритского происхождения. Митанни смогли распространиться от границ современного Киркука (Киркук остается еще с тех времен) до границ Тель-Халафа, что недалеко от современной турецкой Антакьи. То, что они постоянно контролировали ассирийцев, были или родственны хеттам, создавшим первое во Внутренней Анатолии централизованное государственное образование, или имели с ними общие корни, следует из того, что говорили они на языке той же арийской языковой семьи (убедительным примером является письмо завоевателя городов Алеппо и Каргамыш Шупилулиумы принца Митанни Матизаве, которому он отдал в жены свою дочь). Об силе и мощи митанни свидетельствуют также иероглифы в египетских дворцах (например, воспоминания знаменитой египетской царицы Нефертити). В принципе, достаточно убедительно уже то, что на протяжении четырех столетий они держали под своим давлением ассирийцев. То же самое касается и Вавилона. Известно, что митанни использовали иероглифы и клинопись. В некоторых самобытных формах прослеживается исторический след митанни, каким, например, является древнейший в мире трактат о тренинге лошадей Киккули. Цивилизация хурритского происхождения является вторым по важности вопросом, на который требуется пролить свет.

Совершенно справедливо было бы включить в этот пласт также хеттов. Хетты не были, как это принято считать, иммигрантами из Кавказа и Востока, прибывшими в регион через Иран. То, что культурно-языковые особенности хеттов несут на себе хурритские следы, можно предположить, что родоначальником хеттов стала одна из ветвей хурритской знати. Хеттские божества, литература, дипломатические отношения, то, что осталось в египетских дворцах, свидетельствуют о том, что они были своего рода аналогом митанни во Внутренней Анатолии. Подобно тому, как митанни взяли под свой контроль ассирийские городские центры, хетты в тот же период положили конец ассирийскому колониальному расцвету и тогда же создали Хеттскую империю (1600–1250 годы до н.э.). Это две крупные периферии единой хурритской централизованной власти. Не только в языке и родственных связях, но и во всех сторонах их жизни ощущается поразительное сходство. Утерянное звено находилось между двумя тождественными силами того периода — митанни и хеттами. По мере развития исследований, думаю, удастся пролить свет на этот вопрос. Крупные городские центры, оставшиеся от хеттов, в первую очередь Хаттушаш, достигли высокого развития цивилизации. У них имелись культовые здания, даже превосходящие зиккураты, происходила дифференциация молитвенных мест, дворцов правителей, а также рабочих мест и рабочих складов. Здесь имелись более широкие возможности для деятельности, множество схожих друг с другом городов. Это было государство, армия которого была достаточно сильна для своего времени.

Ахейцы, проживавшие на Греческом полуострове (гораздо правильнее считать эту группу выходцами из Анатолии, частью арийского потока 1800 года до н.э.; утверждения о том, что они европейского происхождения и пришли с севера, не вписываются в пути распространения цивилизации. Кстати, та же ошибка совершается и в отношении хеттов), став первыми переселенцами с запада, где находился знаменитый город Троя (это или хеттское образование, или близкий союзник, свободный город-государство из той же культурной группы), ашкийцы на севере Анатолии, черноморцы, находившиеся еще севернее, киликийцы из Чукурова (это

народ в предгорьях Тавра, проживавший в одно время с лувийцами, имевшими очень древние корни), соседствовали со своим знаменитым соперником с юга — государством египетских фараонов. В центральном районе проживал самобытный народ — халдеи. Они называли свои земли «страной тысячи богов», что свидетельствует о том, что, думая о конкуренции между богами, они, тем не менее, придавали большое значение дружбе богов (отражение союза между феодалами). Одним из самых примечательных и памятных явлений в истории является первое письменное соглашение, подписанное (после войны близ города Хама, что на реке Аси в Кадеше) между египетским фараоном Рамсесом II и хеттским царем Хатушили III. Известно также о существовании своего рода аристократического собрания под названием Панкуш. Наличие своеобразной федерации знати с первенством князя Хатушаш — это реалистическое отражение событий.

Мы неоднократно касались египетской цивилизации, зародившейся на востоке, на берегу Нила. Каким бы независимым ни показалось появление этой цивилизации, следы той же арийской культуры (своего рода слабое отражение Шумера) видны, и это естественно, поскольку ни собственное развитие региона Нила, ни близкие соседи египтян не демонстрировали предпосылок для создания такой цивилизации. Остается отражение арийской культуры, ставшей результатом взаимных миграционных потоков, отличавшихся большой плотностью для того периода. Величие египетской цивилизации бесспорно, но известно и то, что она не распространилась дальше берега Нила. Требуется исследование вопроса, почему такая цивилизация не продемонстрировала тенденции к расширению и распространению. Не было самобытной культуры, основанной на бассейне Нила. Это подобно чуду, упавшему с небес. Если это не так, то мы еще и еще раз должны повторить, что источником происхождения таких племен, как гиксосы и евреи, является неолитическая революция в регионе Тавра и Загроса.

Иероглифическая письменность гораздо примитивнее клинописи, она не особенно приспособлена к развитию. Ее функциональность ограничена. Пирамиды могут считаться архитектурным чудом, но ведь они — безумие, построенное на море рабской

крови и костей. Периодизация египетской цивилизации говорит следующее: Древнее царство охватывает 3000–2500 гг. до н.э. и правление множества династий. Расцвет государства в этот период происходило в непосредственной близости от территории распространения аллювиальных почв, в окрестностях современного Каира. Он также характеризуется началом постройки пирамид. Храмовая культура Среднего царства, охватывающего 2050–1850 гг. до н.э., развивалась под знаком доминирования жрецов. Очень характерной стала аннексия со стороны гиксосов в 1800 году до н.э. Гиксосы смогли сделать то, о чем не могло даже помыслить никакое племя, — свергнуть власть фараонов, что говорит о высокой степени их организации и уровне культуры. Примерно около полутора столетий они правили Египтом. В 1578 году до н.э. с правлением Таа I начался период Нового царства. Точно как у ассирийцев, период расцвета совпал с периодом расцвета торговли. Подобно тому, как ассирийская цивилизация зародилась на самом севере Нижней Месопотамии, Новое царство в Египте началось на самом юге бассейна Нила, в районе Карнака. Осуществлялся переход к эпохе различных гробниц. Жрецы, сохраняя свою силу, тем не менее, отошли на второй план.

В периодом правления гиксосов в Нижнем Египте в Египет переселяются племена евреев. После почти трехсотлетнего пребывания в царстве, в конце XIV века до н.э. совершается Исход евреев. Фараон Эхнатон (правивший приблизительно в 1351 — 1334 годах) известен тем, что первым ввел монотеизм. Этот период отмечен активным заключением династических браков с хеттами и митаннийцами. На примере гробниц можно увидеть серьезное развитие архитектуры, которая оказала на греко-римскую цивилизацию больше влияние, нежели шумерская архитектура. Всеобъемлющий характер египетской религии делает ее искаженной копией шумерской религиозной панорамы. Традиция Исиды и Осириса ассоциируется с традицией Инанны и Энки. Традиция Амон-Ра близка к системе зиккуратов шумерских жрецов.

Постоянно возникает вопрос: кто на кого повлиял повлиял — Шумер на Египет или наоборот? Египетская цивилизация имеет много серьезных достижений в таких областях, как судостроение,

установка каменных колонн, наскальное творчество, велось календарное исчисление времени, развивалась медицина, астрология, практиковалась мумификация. Ясно, что египтяне через критскую цивилизацию распространили свое влияние на греческую культуру. Египтяне поддерживали тесные связи с финикийцами. Через территорию Сирии и современной Палестины египтяне противоборствовали с митаннийцами и хеттами. После 1000 года до н.э. с юга усилились набеги племен судано-хабешского происхождения, а нападение ассирийцев в 670 году до н.э. привело к тому, что страна впервые попала под власть внешней силы. Далее египтяне уже поочередно оказывались то под властью персов в 525 году до н.э., то под властью греков, после завоеваний Александра Македонского в 333 году до н.э. Поражение воспитанной на эллинистической культуре Клеопатры в борьбе с Римом во второй половине I века до н.э. положило конец первому этапу четырехтысячелетней цивилизации.

Египетская цивилизация, оставившая, в мировой истории не меньше следов, чем Шумер, прошла через эпоху рабовладельческой формации в самом чистом виде. Ни в какой другой цивилизации не было такой зависимости раба от господина, как в Египте. В этом мире рабам, не знавшим покоя и отдыха, было уготовлено мощное орудие узаконения их положения в виде религиозной пропаганды идей о потустороннем мире. Египетская цивилизация изобрела такие парадигмы, как рай, ад, загробная жизнь. Традиция браков между братьями и сестрами у фараонов, возможно, происходит от древних клановых традиций и стремления не нарушать целостность династий. Существует серьезное предположение, что египтяне оказали влияние на возникновение авраамического монотеизма не меньше, чем шумеро-вавилонские верования. Тот факт, что пророк Моисей вышел из недр египетской культуры, а его прародитель пророк Авраам бежал от ига вавилонских Нимродов, ассоциируется с мощным влиянием и синтезом этих двух культур. Определение монотеистических авраамических религий вне влияния этих культур невозможно. Режим египетских фараонов в чистом виде – система, которая ближе всего к «государственному коммунизму».

Еще одним представителем цивилизаций первого поколения является Урарту. Наиряне (прим. ассирийское название «группы племён»), образовавших Урарту) (означает «народ рек, быстрых потоков»; вероятно, обозначает аутентичных курдов, проживавших в регионах, сформированных Тигром и его рукавами) постоянно конфликтовали с ассирийцами, и это способствовало тому, что после длительного конфедеративного периода, в 870 г. до н.э. Урарту впервые сделало шаг к системе централизованного царства. В ассирийских письменах сказано о том, как царь Сардури I (вероятно, соответствует смыслу слова «сардар» — правитель) восхвалялся, что с помощью и под покровительством великого бога Халди (вероятно, «Гуда», «Гудеа» и «готы») происходят от имени этого божества. «Гуда» у арийцев — то же, что у семитов «Аллах» и означает «создавший сам себя». По сей день в курдском и персидском языках слово «Худа» используется вместо слова «Аллах») побеждает всех, кто встречается на его пути, и сообщает богам о своем величественном шествии к централизованному царству. Во время его правления Ван становится центром Урарту. Название города сохранилось в истории потому, что население города составляло племя ванили. Другое название, Тушпа, является производным от имени одного из величайших урартских богов — бога грозы Тейшеба. В центре царства было построено множество крепостей. Урарту удалось распространить свое господство на обширной территории — от иранского Загроса на востоке до берегов Евфрата на западе, от долин реки Аракс на севере до ассирийских регионов на юге (ныне северная Сирия). Считается, что впервые в Урарту была создана развитая система провинций, что стало поистине историческим новшеством. Система верований находилась под серьезным влиянием Шумера и Ассирии. Жители Урарту пользовались клинописью. Совершенно естественно, что ассирийские правители, наряду с ассирийским пользовались языком, который был образован в результате смешения языка племен, прибывших с Кавказа, и языка хурритов; до сих пор этот общий язык точно не установлен, но известно, что существовала языковая система, имевшая определенное сходство с армянским языком. Весьма поучительна история о том, что в Вавилоне говорили на 72 языках.

Однако необходимо подчеркнуть следующее: придворные языки всегда отличались от языка обществ, которые находились в подчинении двора. Еще в прошлые столетия в европейских монарших дворах говорили на языках, совершенно не имеющих отношения к языку местного народа, например, немецкий, латинский (намного раньше) языки. На Ближнем Востоке долгое время господствующим языком был арабский. Османский язык отличается от настоящего турецкого языка настолько, что его можно назвать иностранным. Современный английский язык является официальным государственным языком десятка стран, не имеющих никакой этнической, родоплеменной и национальной связи с англичанами. Вероятно, в централизованном урартском царстве действовали такие же правила. Этот факт подтверждается тем, что изначально здесь говорили на ассирийском языке. Урарту считалось самой мощной цивилизацией «железного века». До наших дней дошли многие предметы утвари, оружие, сделанные из сплава железа с медью. Урарту было первой цивилизацией, которая уделяла столь огромное внимание обработке железа. Был развит урбанистический тип мышления. Развитая дорожная сеть свидетельствует о маршрутах движения правителей, которым отдавалось предпочтение по сей день. Величественны царские гробницы, вытесанные в горах. При строительстве крепостей и городов использовались люди, отобранные из числа плененных в рабство соседних народов. Урарту заняло передовые позиции в строительстве водоканалов и водохранилищ. Это государство стало единственной силой, устоявшей перед натиском ассирийцев. Трехвековое противостояние между ними завершилось тем, что обе цивилизации в одно и то же время (615 году до н.э.) пали от удара одной и той же силы. История не знает другого такого же политического образования в этом регионе.

Последним величественным представителем цивилизаций первого поколения стала Мидо-персидская империя, основателем которой стали мидяне. Само слово «мидяне», скорее всего, греческого происхождения. Все историки едины во мнении, что мидяне стали развитой, сильной ветвью арийцев. Поскольку никакое иное этническое сообщество на этой территории не

проживало, уместно говорить об аутентичной культуре мидян и Мидии. Впрочем, и сегодня такие понятия, как «мидяне» и «Мидия», используются применительно к этой территории. Отмечается их вклад в культуру Загросской гряды. Их можно сравнить с гуттиями и касситами. Общим мнением является и то, что мидяне являлись частью хурритского народа. Можно также сказать, что мидяне были той народностью, которая больше всех противостояла ассирийцам.

Становление мидийской государственности тесно связано с этим сопротивлением. Залог своего успеха мидяне видели в конфедеративном племенном устройстве. В 715 году до н.э., впервые объединившись, родоплеменные сообщества образовали гибкий союз. Известно, что под ассиро-урартским давлением мидийская конфедерация вынуждена была объединиться со знаменитыми скифами, прибывшими с Кавказа (казалось бы, историческая традиция), и переживали массу противоречий. Время от времени первенство переходит от одних к другим. После сопротивления, длившегося на протяжении трехсот лет, мидяне разрушили сначала дворцы урартских царей (примерно в 615 году до н.э.), затем сразу же — столицу Ассирии, и таким образом был положен конец последним двум крупным цивилизациям Месопотамии. Говорят, что мидяне возвели столицу под названием Экбатан (близ современного иранского города Хамадан), обвели их семью рядами стен, окрашенных в семь цветов. На западе их границы простирались до Чанкыры, они соседствовали с фригийцами. Причиной столь недолгого господства мидян были отношения с близкородственными племенами персов. Политическое образование, существовавшее на протяжении трехсот лет и поддерживавшееся путем больших усилий, в результате быстротечных дворцовых игр было передано персидской династии Ахеменидов. Перс по имени Кир, сын мидийской принцессы, договорившись с военным комендантом дворца Арпагосом, в жестоком военном перевороте сверг престарелого царя Астиага. Из истории Геродота известно, что Астиаг, столкнувшись с этим переворотом, сказал следующее: «Подлец, раз уж решил меня свергнуть, отчего власть ты передал этому персидскому убуду -

ку? Стал бы сам правителем, зачем же передавать власть персам? Разве нельзя было оставить власть у мидян?» Если действительно Геродот не лукавит (мы вынуждены ему верить, ведь это был первый историк, который больше всех путешествовал и обладал знаниями), то это свидетельствует о том, что корни одной из самых подлых особенностей курдских ренегатов кроются в глубине тысячелетий.

Я уверен, что первым в истории курдов ренегатом был Энкиду, приведенный царем Урука Гильгамешем из леса (в то время леса были густыми, в основном там, где обитали протокурды) для того, чтобы использовать его в качестве агента в своих лесных завоеваниях. То есть первое ренегатство имеет настолько древнюю историю, что стало темой эпоса. Естественно, как всегда, не обошлось без женщины! Свободный горный воздух и своих товарищей Энкиду принес в жертву похотливой сладости храмовой жрицы. Как же это сильно похоже на сегодняшний день (сотни Арпагосов, вышедших из рядов курдского освободительного движения и РПК)! Следует помнить, что современные курдские ренегаты пришли из глубин истории, и нет никакой ценности, которую бы они не продали бы за не стоившую ни гроша семью и жену, поэтому они далеки от таких понятий, как истинное благородство, политичность, мудрость, осмысленная жизнь со вкусом (проходящая через свободную жизнь), они живут отвратительной жизнью.

Грек (речь идет о классических греках, а не о современных приспешниках модернизма) Геродот в своей «Истории» много места уделяет мидянам. Думаю, что он называет мидянами всех, кто вышел из хурритской культурной среды. Геродот проникнут уважением к величию мидян. Персам он отводит второстепенную роль. Говоря о том, что регион обязан своей культурой мидийцам, он, близок к истине. Персы в то время были безымянной группой со слабой культурой, недавно вышедшей на историческую арену. Величие хурритской культуры нашло свое отражение на всем пространстве от берегов Эгейского моря до Элама, от границ Кавказа до дворцов Египта. Геродот очень справедливо отразил это в своей «Истории».

Роль первожрецов в создании нового мышления и богов шумерской цивилизации (в целом, во всех цивилизациях на первых стадиях зарождения) важна также для урартской и мидийско-персидской цивилизаций, основанных на одной и той же территории. Мы можем говорить о том, что в построенных под влиянием зороастризма священных городах, одним из которых является расположенный сегодня в регионе Брэдост город Мушасир, маги (название жреческого титула или корпорации) создали первые пантеоны богов, которые позднее были перенесены в Тушпу, Экбатан и Персеполис. Следует отметить, что без глубокой жреческой традиции не могло быть серьезных цивилизаций. В греческой культуре аналогичные жрецам роли сыграли философы, в европейской цивилизации просветители эпохи Просвещения. У семитов эту роль играли шейхи, а у иудеев — пророки.

Надо полностью осознать роль магов и Заратуштры, которую они сыграли в период расцвета Мидии. Я считаю, что верования и мораль мидийских жрецов и зороастризма, основателем которого является Заратуштра, считали священными огонь, земледелие и скотоводство, чем выражали ценности неолитического общества, не были испачканы грязью цивилизации, что и способствовало их прославлению. Роль мидийских жрецов не только отличается от роли шумерских жрецов, создавших образы богов-царей в масках, но даже составляет ее полную противоположность. Они обладали диалектическим мировоззрением, согласно которому во вселенной идет вечная борьба между силами Добра и Зла, Света и Тьмы. В жреческой культуре Заратуштры, дышавшей свободным горным воздухом, еще не погрязшим в пороках цивилизации (в греческой традиции культ бога Диониса), свободная мораль является фундаментальным фактором. Больше внимание уделяется земледелию и священности животных, нежели божественному творению.

В поражении ассирийцев и возвышении мидо-персидской цивилизации эта мораль сыграла определяющую роль. Без стремления к свободной жизни мидяне, подобно другим народам, легко попали бы в плен. Говоря о других народах, я имею в виду тех, кто долго находился под влиянием цивилизованного общества.

После смерти Кира II (559–529 годы до н.э.), мидяне, в результате переворота, организованного мидийскими жрецами в 528 году до н.э., повторно встали у руля власти, но они были легко ликвидированы, после чего империю возглавил Дарий I (521–486 годы до н.э.). После того, как в кратчайшие сроки пали Вавилон, Египет и расположенные на восточном побережье Эгейского моря города Ионии, была создана самая огромная в истории цивилизация, от Эгейского побережья на западе до берегов Пенджаба на востоке. Весь цивилизованный мир, за исключением Китая, был под господством этой империи. Несомненно, она многое вобрала в себя из шумеро-ассиро-вавилонно-урартийской культуры. Более того, эта империя впитала в себя многое и из свободной арийской культуры. Было влияние греческой культуры, скифов, пришедших с севера, прототюрок с востока. Таким образом, синтезировав в себе многие культуры, эта империя стала образцом самобытности в истории.

Мидо-персидская империя (в действительности, мидяне всегда оставались основной силой как у руля власти, так и в армии; причина заключалась в сильных родственных связях мидийцев и персов) стала последним расширяющимся представителем цивилизаций первого поколения. Она достигла максимальных границ и уровня развития, которые только возможны в рамках цивилизаций первого поколения. Величие центра (и по сей день поражают взор руины Персеполиса), сила провинций сделали империю своего рода прототипом Римской империи. Она стала самым сильным примером, подготовившим почву для греко-римской цивилизации. Выдающимися достижениями империи стали ее политическая система (вслед за Урарту, впервые в истории была введена система провинциального управления), потрясающая почтовая служба, пути сообщения (первая известная в истории самая протяженная дорога — Царская Дорога — от эгейского побережья, Сард до Персеполя), Специальные отряды стражи, Полк «Бессмертных», военная мощь насчитывавшая более сотни тысяч воинов. Значительное развитие получила архитектура. В религиозных верованиях и ритуалах существовало большое разнообразие. Интенсивно шла дифференциация религии знати и религии народа (митраизм).

Был осуществлен прорыв от узкородовых традиций к развитой аристократии. Эта империя развила цивилизацию больше, чем все ее предшественники вместе взятые. Здесь впервые была проявлена смелость, заключающаяся в том, что в единое целое были объединены бесчисленные родоплеменные сообщества, религии, конфессии, языки и культуры. Мидо-персидская империя стала последней величественной и поражающей взгляд оригинальной цивилизацией Востока. Во всех отношениях она обладала несравненным превосходством перед еще только развивающейся классической греческой цивилизацией. Ученик Аристотеля Александр Македонский, по сути, находившийся под глубоким впечатлением от культуры Востока, мечтал овладеть величественной империей, фактически возложив на себя роль варвара-захватчика соседних стран. Подобно тому, каким лакомым куском для готов была Римская империя, такой же вожаемой мечтой для безземельных народных масс Македонии и Греции, родоплеменных вождей и мелких царьков была Персидская империя. Ее масштабы, богатство и величие не уступали Риму. И если смотреть на завоевания Александра Македонского именно с этой точки зрения, то можно толковать историю более правильно и осмысленно.

Сделав несколько дополнений, завершив рассмотрение проблем первого периода распространения и поэтапного становления цивилизованного общества. Первое, касается определение места евреев. Сразу же необходимо отметить, что с 1700 года до н.э. по настоящее время они находится в состоянии постоянного соприкосновения то с арийским, то с семитским языком и культурой, то с цивилизацией с шумерскими корнями, то с цивилизацией с египетскими корнями. В священных книгах часто упоминаются такие названия, как Серуч, Урфа и Харран. Они называются родиной Авраама. Есть следы миграции еврейских племен из этих мест в Египет, причем где-то вместе с кочевыми скотоводами, а где-то — с торговыми караванами. Религиозные верования племен колеблются между Яхве и Элаллах. Племена сопротивляются ассимиляции со стороны крупных соседних государственных образований. Своеобразная вера в бога связана именно с этим сопротивлением. Они обладают наибольшим своеобразием в области

развития племенной религиозной системы. История евреев, начинается с противостояния Авраама и Нимрода (вавилонского царя), продолжается противостоянием Моисея и фараона, далее развивается в форме постоянных конфликтов с различными племенами и языческими божествами Палестины. В Священном Писании встречается много интересных повествований. Долгое время евреям удается сохранить свою самобытность под предводительством жрецов (аналог шумерских жрецов-царьков) — потомков Аарона, брата Моисея.

Когда период правления первых жрецов, начавшийся с Моисея (с конца 1300 года до н.э.), завершился знаменитым жрецом по имени Самуил, началась эпоха сильных царей (с 1020 года до н.э. Саул, Давид, Соломон и др.). Но постепенно на место сильных царей приходят бессильные, которые устанавливают слабое правление. Возникают противоречия между царем и жрецами, что приводит к раздробленности и состоянию зависимости от внешних сил. И повстанческая, и соглашательская прослойки населения терпит поражение в восстании, вспыхнувшем в 720 году до н.э. против Ассирии. В 598 году до н.э. начинается период насильственного переселения еврейского населения в Вавилонию. Спасение приходит с падением Вавилона под натиском персов. Где-то наблюдается сходство с фактом, когда оставшиеся в живых евреи были спасены благодаря вступлению Советской Армии в Берлин. Есть много схожих историй. Так, в персидско-греческом противостоянии рождаются две ренегатские партии — это саддукеи и фарисеи. Далее имеет место восстание против Рима, первая и вторая волна гонений (70 год до н.э. — 70 год н.э.). Иудеи сначала переселяются в Египет и Анатолию, а далее уже их разбрасывает по всему цивилизованному миру.

На историческую арену выходит пророк-бунтарь Иисус, которого впоследствии приговаривают к распятию. Став для римских пролетариев началом легенды, Иисус становится родоначальником второй религии авраамического монотеизма. Злоключения маленького иудейского племени при греко-римском владычестве продолжают. Часть своих предводителей иудеи именуют господами, по типу представителей Господа на земле — Рабби и Неби.

Таким образом начинается длительная эпопея — эпоха пророков. Иисус и Мухаммед становятся последними пророками. Но иудеи не признают их. Религиозные противоречия переходят в политические распри. Период писателей начинается позднее, после эпохи римского владычества. До сих пор остаются следы традиции, которую по меньшей мере подобно поколению пророков, возглавляет поколение сильных писателей и интеллигенции. Мелкие шаги, некогда сделанные иудейскими торговцами, сыграли главенствующую роль в постепенном формировании капитализма и современного финансового капитала. Иудеи были небольшим по численности народом, но повлияли на ход истории мировой цивилизации не меньше, чем целые империи. Тема иудейского племени требует тщательного изучения, причем не меньшего, чем история цивилизации. Иудеи чуть ли не повелевали такими сферами жизни, как наука, закон и деньги. Та же самая роль, как и в истории, продолжается и в наше время. Повесть моей жизни совпала с некоторыми событиями, произошедшими в истории этого народа. Мне пришлось покинуть город Суруч провинции Урфа подобно Аврааму; но подобно Иисусу моя повстанческая деятельность, после своеобразного распятия при помощи «королей системного ренегатства» (каковыми были прокуратор Иудеи для Иисуса, «Моссад» и США для меня) продолжается.

Еще одной темой, заслуживающей рассмотрения, является появление пришедших с севера скифов, которые сформировались в IX века до н.э. на основе племен кавказского происхождения. Скифы, обитавшие на огромной территории, от Восточной Европы до Средней Азии, от российских степей до Месопотамии, уделяли внимание не столько культуре, сколько физической мощи, поэтому не оставили в истории серьезных следов. Но они, подобно евреям, сыграли свою роль в формировании и падении многих имперских сил. Мужчины служили в качестве императорских воинов, а женщины — в качестве придворных дам. Они играли эту роль в Османской империи, и даже в современной Турции. Известно, что у них не было такой силы самосохранения, как у евреев. Скифы просто «добавляли красок» в тот или иной род или этнос. Вполне возможно, они были красивым племенем, вероятно,

были храбры. Одним словом, скифы и им подобные племена являются предметом серьезного исследования общества первой волны цивилизации.

В исследовании вопросов, касающихся формирования исторических систем, понятия «центр» и «периферия» могут использоваться как рабочие. Если известны центры цивилизаций, то важно знать и то, что происходит на периферии. Если впервые в истории были сформированы такие центры цивилизации, как Шумер, Египет и Китай, то периферийными силами, например для Шумера и Египта, были семитские племена арамейцев и апиру, для Китая — прототюрки гунны, для Рима — готы. По мере того, как вожди этих племен, чаще всего находившихся на стадии высшего варварства, приобщались к достижениям цивилизации и приобретали их, происходили события, чередовавшие нападения и оборону, аналогично партизанской войне. Их участием было или раствориться в господствующем центре цивилизации, или создать аналогичные центры цивилизации на периферии. Например, аккадцы аморейского происхождения в результате бесконечных набегов все же встали на путь государственности и основали собственную династию. Евреи также создали свои независимые царства на базе того, чему они научились в Египте. Гунны, будучи самым сильным в истории периферийным движением, не смогли избежать ассимиляции ни в Китае, ни в Европе, ни даже в Иране. Если вожди племен в целом растворились в центрах цивилизации, сохраняя свои управленческие роли, неимущие слои долгое время оставались маргиналами или аналогичным образом позиционировали себя уже при новых предводителях. Постоянно совершая набеги на Рим, готы заложили фундамент германских княжеств. Иногда они даже примеривали корону Римской империи. История предлагает важный пример того, как вожди монгольских и огузских племен, ставшие основателями первых династий Османской империи и представлявшие собой полностью периферийную силу по отношению к Византийской империи, в результате многовековой борьбы между центром и перифериями захватили центр и, уже перестав быть периферией, сами стали центром этой цивилизации.

Скифы также были серьезной периферийной силой по отношению к центрам цивилизаций первой волны. Встретившись с цивилизацией и вооружившись ее достижениями, они стали поразительно агрессивной силой. Считается, что они проявляли большую активность в период с VIII по IV век до н.э. Несмотря на то что они выступали как наемники и дворцовые слуги, они не смогли создать собственного центра цивилизации и в подавляющем большинстве растворились среди других племен.

Б. Развитие Китайской, Индийской И Индейской Культур

Полезно хотя бы вкратце рассмотреть процесс развития культуры китайцев, индийцев и американских индейцев, каждая из которых представляет собой систему цивилизации в своей самобытности.

Китай, как мы уже говорили, стал наиболее значительным регионом, освоенный группами, которые с завершением последнего ледникового периода, с 10000 года до н.э., устремились из Юго-Восточной Сибири к югу. Плодородные земли по берегам рек, богатые флора и фауна создавали крайне благоприятные условия и для неолитической революции, и для становления городской цивилизации. В 4000-х годах до н.э. в Китае развивалась неолитическая революция. Очень важной проблемой в данном контексте является то, насколько китайская неолитическая революция была самобытной и насколько она осуществлялась под влиянием арийской культуры. Трудно представить себе, чтобы арийская неолитическая культура, зародившаяся на шесть тысяч лет раньше китайской, не оказала бы влияния на Китай. Очень важно, насколько определяющий характер имело это влияние. История показывает нам, что крупные культурные революции совершаются не просто, для этого нужны длительно формирующиеся специфические условия. Я предполагаю, что насколько локальный и оригинальный характер имеют современный китайский социализм и коммунизм, настолько же самобытный и локальный характер имели неолитическая революция и цивилизация Китая. Не хотелось бы быть неправильно понятым, но у меня нет никаких сомнений в том, что капитализм, считающийся самым что ни на есть национальным, был импортирован

извне. Это очень похоже на Китай. Мы можем утверждать, что китайская неолитическая революция далее распространилась во Вьетнаме и других регионах Индокитая, Японии и на островах Индонезии, на Корейский полуостров, и происходило это не раньше 4000 года до н.э.

Началом зарождения рабовладельческой формации считается примерно 1500 год до н.э. Я могу сказать, что именно в эти годы была создана первая крупная централизованная империя, которая несла на себе ореол святости. Китай по своему значению стал новым Уруком. Представляется, что в 1000-е годы до н.э., точно как в Шумере и Египте, период созидания там сменился периодом распространения и расширения. Именно в это время происходит процесс зарождения многих городов-государств, и так же, как в период правления династии Ур в Шумере, возникают конкурентные войны между этими городами. В третьем периоде (250 год до н.э. — 250 год н.э.) вновь усиливаются централизованные династии. На феодальной стадии они преобладали. Возможно, эти династии были местного или иностранного происхождения. До начала XX столетия они продолжали свое существование. Династический период китайской цивилизации в 500-х годах до н.э. распространил свое влияние в Индокитае, Японии и среди прототюрков в Средней Азии и Монголии.

Интересно, что китайцы скорее уделяли внимание вселенской философии мудрецов, в то время как шумерские жрецы были больше заняты созданием богов. Китайское осознание и толкование вселенной и природы носит скорее научный характер. В представлении китайцев вселенная является живым организмом. Очень поучительны их описания энергии. В целом китайские учения о духовном можно назвать даосизмом, а можно назвать еще и мудростью. Конфуций, живший в VI веке до н.э., старался подвести под теоретическую базу принципы и мораль цивилизованной городской и государственной системы. Он был верен учению о том, что управление государством должно базироваться скорее на здоровых моральных принципах, нежели на официальных законах, и развивал свое учение. Конфуций жил в эпоху Зороастра и Сократа и так же, как они, оказывал влияние на современное ему цивилизованное общество. Эти три великих мудреца прежде всего подчеркивали значение морали и внутренней благодати. Это были великие знатоки и защитники морали.

Китайцы достигли серьезных успехов в развитии материальной цивилизации. Их достижения в промышленности появились намного раньше достижений Запада. Они изобрели порох, бумагу и печать. Китай расположен в самой восточной точке торговли, и стал началом Великого Шелкового пути. Тесные контакты с цивилизациями Ближнего Востока развивались и до нашей эры, и в первые столетия нашей эры. Ростки капитализма здесь стали произрастать в середине XIX века. Сегодня Китай развивается огромными темпами, и остается только ждать, что и как будет он делать, став новым Левиафаном современности.

В Индии нет следов длительного влияния неолитической эпохи. Предполагается, что до первых контактов с арийцами обитатели этого региона переживали период примитивных кланов, подобно черным пигмеям. Первые факты проникновения арийцев в Индию относят к 2000–1500 годам до н.э. Неолитическая революция в Индии связывается с началом арийской культурной экспансии. Предводителями этой революции, а также революционного становления цивилизации, которое без длительного перерыва началось в 1000-е годы до н.э., в Индии, как и в Шумере, были жрецы. Священными книгами этого класса, который еще называют знаменитыми жрецами-брахманами, были «Веды», датированные 1500 годом до н.э. Это своего рода индийская версия еврейского Священного писания. Но Ведические писания велики по объему и сложны по составу. «Веды» повествуют о возникновении класса жрецов. Брахманы не прочь также стать темой для эпосов и легенд. Они становятся фундаментом кастового режима. В 1000-е годы до н.э. военно-политическая власть концентрируется в руках раджей, которые вступают в жестокое противостояние с брахманами. В итоге, как это видно на примере любой цивилизации, раджи становятся новыми хозяевами государства. Раджи представляли собой вторую по значимости кастовую силу. Так же, как в Китае, в Индии протекают величественные реки, страна имеет протяженное морское побережье — в общем, условия очень благоприятны для земледелия. Количество городов в 1000-е годы до н.э. увеличивается, города поражают окружающих своими дворцами и храмами. Земледелие очень развито, и земледельцы, ремесленники составляют

третью категорию каст. Низшей кастой считались парии, которые в глазах окружающих были хуже животных. Они были неприкасаемыми, и любой контакт с ними считался грехом.

Индийцы сформировали очень кояоритную теологию. Они создали как великих богов, так и бесчисленное множество божественных существ. По сути, в этом видно явное влияние шумеров. Это объясняется тем, что индийцы особенно не утруждали себя глубокими проблемами, не проявляли склонности к синтезу и были пришлыми.

В 500-е годы до н.э., как это видно на примере значительных цивилизаций (Конфуций в Китае, Сократ в Греции, Зороастр в Мидо-Персии), в Индии тоже появляется великий реформатор – Будда. Он известен тем, что в своих учениях делал акцент не на волю богов, а на моральные ценности. Видя и чувствуя, что природа и общество полны горечи и боли, он хотел развить поразительное метафизическое учение. Буддизм стал сильным учением, которое очень тонко реагирует на все превратности цивилизации и очень чутко к окружающей среде. Буддизм нашел свое развитие также в Китае, Индокитае и Японии. Это учение, которое, с точки зрения метафизики нравственности, требует серьезного подхода, кроме того, буддизм — это своего рода исправительный режим, пользующийся серьезными практическими методами и внутренним контролем. В Индии имело место также реформаторство в сфере богов, которое получило название кришнаизм. Чуть ли не выступая против культа Зевса (что, скорее всего, символизирует начальный этап власти царя), это учение обнаруживает сходство с культом Диониса. Кришнаизм — это религия, несущая на себе отпечаток неолитической культуры, для которой характерны жизнь в горах, страсть к путешествиям, радость свободных женщин, искренние и страстные любовные истории. Точнее, это нравственная позиция, придающая высокое значение мечтам о свободной жизни. Чрезмерная метафизика, присутствующая в индуизме, с одной стороны, и вместе с тем загруженность противоположными ей материалистическими тенденциями, с другой стороны, свидетельствуют о социальном хаосе, а также о глубине и масштабах различий в уровнях жизни.

Индийская цивилизация после персидских завоеваний и походов Александра Македонского становится централизованной. Впервые основательная централизация многочисленных и своевольных раджей происходит в III веке до н.э. при императоре Ашоке. Подобно тому, как централизованная Мидо-персидская империя восприняла религиозную реформу Зороастра, Ашока так же глубоко освоил религиозное реформаторство Будды, что способствовало его успеху. Однако император не смог удержать завоеванных позиций так, как это было сделано в Китае. Индия продолжает свое существование в условиях хаоса и своеволия амбициозных раджей. В XI веке н.э. Индия подпадает под аннексию мусульман. В начале XVI века под господством мусульманских императоров монгольского происхождения здесь происходит вторичная централизация. Наблюдается определенный прогресс, продолжается развитие и распространение цивилизации. Появление некоторых капиталистических тенденций, начавшееся с XVI века, уже к середине XIX века, с колониальным нашествием английского капитализма, приводит страну к новому этапу развития. После Второй мировой войны Индия обретает независимость. Даже потеряв два крупных региона на северо-востоке и северо-западе — сегодняшние Пакистан и Бангладеш — Индия, привитая к дереву капиталистической цивилизации, продолжает владеть обширной территорией, охватывающей весь полуостров, от подножья Гималаев до морского побережья, огромными реками, смешанной культурой. Так же, как и в случае с Китаем, вызывает серьезную обеспокоенность то, какое влияние на ход мировых событий окажет Индия с ее нестабильной внутренней обстановкой, полной различных противостояний, колоритных религиозных верований, искусства, с элементами проникновения демократии во многие сферы жизни, включая нравственность, язык и политику, превратившаяся из расчлененного чудовища в сильного Левиафана современности?!

Развитие сфер цивилизации в таких странах, как Япония, Индонезия, Вьетнам, Корея и других странах с культурой китайского происхождения, обнаруживает сходство с процессами, происходящими в Китае. Эти страны фактически следовали в развитии за материнской ветвью цивилизации и развивали ее. С точки зрения предмета нашего исследования, подробное рассмотрение этого вопроса не требуется.

Развитие цивилизации на американском континенте происходило в два этапа. На первом этапе предки современных индейцев примерно в 7000-е годы до н.э. (существуют другие данные, но наиболее разумным представляется окончание последнего ледникового периода, что соответствует этой дате) через Берингов пролив проникли сначала в Северную, затем уже в Южную Америку. Предположительно в 3000-е годы до н.э. предки индейцев пережили неолитическую революцию, а с VI века н.э. сделали первые шаги на пути к цивилизации. Первые цивилизации индейцев ацтеков, майя и инков зародились в Южной Америке на территории современных Мексики и Чили. Эти цивилизации, напоминая шумерскую городскую цивилизацию Ур, так и угадали, не сумев развить крупные города и увеличить численность населения. Предполагается, что это было предопределено климатическими и географическими условиями. С приходом европейцев эти цивилизации угадали. Тем не менее, городские строения и храмы индейцев производят сильное впечатление. Если бы индейцы могли продвинуться вглубь материка, им удалось бы достичь высшей стадии, здесь бы развились многочисленные города и произошла бы централизация. В практике индейской цивилизации также отмечается преимущественная роль жрецов. Скорее всего, их можно назвать жреческими цивилизациями. Традиция принесения в жертву молодых людей носила просто устрашающий характер (в принципе, во многих цивилизациях есть традиция принесения людей в жертву богам). Здесь были изобретены знаки, напоминая письмо, но письменность не развилась. Очень хорошо была развита календарная система исчисления времени. Индейцы подарили мировой цивилизации некоторые виды растений и животных. Северная Америка в этот период не была знакома с цивилизацией.

Настоящий взрыв цивилизации на американском континенте начался после XVI века, с началом географических открытий, аннексии, завоеваний и колонизации. Новая капиталистическая цивилизация в виде независимых, на первый взгляд, государств, образовавшихся вследствие разделения на национальные государства, в XIX веке, в частности, с созданием в Северной Америке нового государства США (поскольку континент ранее не был знаком с ци-

визацией, капитализм развивался здесь ускоренными темпами), влилась в мировую систему цивилизаций и объединилась с ними в единое целое. Североамериканская цивилизация под эгидой США после Второй мировой войны становится гегемоном системы. Что касается Южной Америки, то поиски новой модели цивилизации в противовес Европе и США (такие поиски осуществляют Куба, Венесуэла, Боливия и др.) бурно продолжают и сегодня.

На долю современного Левиафана, коим является Европа, на первых этапах выпала участь структуризации неолитической культуры. В I веке до н.э., в период распространения римской цивилизации, в Европе не было никаких следов цивилизации, за исключением нескольких римских гарнизонов. На континенте тогда происходили стычки между скифскими, гуннскими, кельтскими, скандинавскими и многочисленными другими племенами, начинало развиваться земледелие и существовала мелкая торговля на рудниках. Мы не включаем сюда греческую и римскую культуры. Скорее всего, мы рассмотрим эти культуры, составляющие западное крыло ближневосточной цивилизации, в другой главе.

Мать-Африка, на земле которой человек сделал свои первые шаги, научился держать в руках орудия труда, перешел от языка жестов к языку звуков, до сих пор сохраняет привязанность к первозданной коренной культуре, которая долгое время существовала во всех регионах, где формировалась культура вообще. Египетской цивилизации на африканском континенте удалось распространиться не далее Судана, христианство прижилось лишь в одной части Абиссинии; исламизация, начавшаяся вследствие завоеваний арабов-семи-тов, сформировавших исламскую цивилизацию, утвердилась только на севере, однако европейская капиталистическая цивилизация уже в XIX веке полностью охватила весь континент. Африка, которая в силу своей внутренней структуры тяжело переносит цивилизацию, сегодня пребывает в состоянии хаоса, своего рода винегрета из различных культур и цивилизаций. Вопрос о том, как Африке удастся объединиться с какой-либо цивилизацией или модернизмом и достичь полной свободы, подобно Южной Америке и Ближнему Востоку становится объектом беспокойства, тревоги и надежды.

В. Греко-Римская Цивилизация И Проблемы Ее Распространения

Не должно показаться странным то обстоятельство, что развитие шумерской и египетской цивилизаций мы изучили во взаимосвязи. Обе эти цивилизации основополагающи. Впервые в истории человечества они развивались параллельно, постоянно оказывая друг на друга влияние. Расширение этих цивилизаций осуществлялось в тесной взаимосвязи. Другой причиной этого является их общее ближневосточное происхождение. Их тесная связь еще на заре существования является характерной особенностью региона. Мы видели, что эти две цивилизации стали родиной многих новшеств. Нельзя отрицать того, что все последующие волны цивилизации развивались на основе содержания и формы этих двух цивилизаций. Если даже между ними нет абсолютного сходства, несомненно, есть общие корни. Без акцентирования роли Египта и Шумера крайне тяжело исследовать какую-либо иную цивилизацию. Точно как в капиталистической формации, первая модель рабовладельческой формации распространилась в первую очередь в Шумере, и во вторую очередь, причем с незначительными изменениями, в Египте. Историки и социологи отчего-то, не усмотрев этой чрезвычайной близости, постоянно повторяют свои шаблонные комментарии. Причина, по которой мы настойчиво акцентируем внимание на этом, сводится к стремлению разрушить стереотипы.

Мы говорили о трудностях в распространении этих двух цивилизаций. Первая — это уровень взаимовлияния между Шумером и Египтом. Эта тема требует серьезного освещения. Вторая — это вопрос, считать ли мидо-персидскую цивилизацию, впервые зародившуюся за пределами Месопотамии, цивилизацией другого происхождения. Известно, что многие фундаментальные категории мидяне и персы заимствовали у шумеров и их преемников — вавилонян, ассирийцев и урартийцев. Но исторически доказано, что мидийцы провели большие реформы. Переворот в нравственности, сделанный Зороастром (очень близок к формиро-

ванию свободной морали), система центр — провинция, структура армии — все это относится к коренным новациям. Поэтому нам не остается ничего, кроме как охарактеризовать эту цивилизацию как переходное звено между шумеро-египетской и греко-римской цивилизациями. Правда, это звено насколько значимо, настолько же отличается от названных цивилизаций. Правильное историческое понимание значения этих факторов играет ключевую роль в вопросе периодизации цивилизаций. В противном случае мы не сможем точно разобраться в греко-римской цивилизации. Или же, приписав им сверхъестественные особенности, мы окажемся в плену ненаучных толкований.

Третья проблема заключается в происхождении китайской и индийской цивилизаций. Мы подчеркнули необходимость принятия версии об их самобытности. Такой подход даст нам возможность правильнее комментировать сходство и различие между цивилизациями.

Даже если предположить, что цивилизации Южной Америки, Хараппа и Мохенджо-Даро имели самобытный характер (то есть были самобытными цивилизациями), то вернее было бы предположить, что они угасли, так и не сумев пройти этап создания первого городского центра (типа Урука). Надо отметить их роль в последующем развитии цивилизации в Африке, Европе (за исключением Греции и Рима) и даже в Австралии, капиталистической цивилизации, в том числе Америки, а также в проникновении цивилизации в этот регион еще до его исламизации. Это краткое вступление поможет нам точнее охарактеризовать и описать распространение греко-римской цивилизации.

Не вызывает никаких сомнений, что греко-римская цивилизация оказалась намного самобытнее мидо-персидской цивилизации. Но предположить, что эта самобытность возникла на полуостровах сама по себе, без учета характерных особенностей и расширения египетской, шумерской цивилизаций и их последователей — Вавилона, Ассирии, Митанни, Хеттской империи, Урарту и Мидо-Персии, означает политическую близорукость и серьезное историческое заблуждение. Все имеющиеся у человечества достижения и изобретения, системы мышления, достиже-

ния в религии, этике, философии, искусстве, экономике и науке появились в ходе зарождения, развития, противостояния и конфликта упомянутых цивилизаций. А цивилизации Греции и Рима, в свою очередь, получили значительную часть этих достижений в наследство со времен структуризации неолитического общества. Мы постарались об этом рассказать, не забывая, что правящие прослойки всегда стремились изобрести такие способы и средства, как присвоение, воровство, маскировка и легализация своих действий.

Европейское Просвещение и наука долгое время ничего об этом не знали. Начав активно развиваться в эпоху Ренессанса, европейская наука сделала множество открытий и изобретений, но именно на ней лежит ответственность за ошибочную характеристику греко-римской цивилизации.

Даже если прочесть только «Историю» Геродота, не составит большого труда найти источник греческой культуры. Все имеющиеся исторические документы свидетельствуют о том, что с 5000-х годов до н.э. на Греческий полуостров просочились индоевропейский (арийский) язык и культура, здесь происходила неолитическая революция. Очень большое значение для правильного понимания прогресса имеет внимательное изучение источника этого этапа цивилизации. Можно говорить о том, что с 1800-х годов до н.э. новые волны миграции несли с собой изобретения цивилизации. С 1400-х годов до н.э. осуществляется переход к этапу строительства первых городов типа Урука. Этот процесс получает поддержку и влияние с трех сторон. Преимущественно наблюдается влияние хеттов, которые называют этот регион Ахея. С 3000-х годов до н.э. через Трою в регион идут встречные торговые потоки. В этот период (3000–1200 годы до н.э.) Троя как город жизненно важна для полуострова. Следовательно, Троя становится одним из основных центров развития. Хетты подпитывают жизнь города как в идеологическом смысле (боги, литература, наука), так и с материальной точки зрения (в особенности орудия труда, развитое гончарное дело, ткачество). Они играют важную роль в плане приобщения полуострова к достижениям цивилизации. Финикийцы принесли туда, в частности, искусство мореход-

ства и алфавит. Они строят торговые города по ближневосточной модели. Совершенно ясно, что финикийцы играли очень важную роль. Египтяне оказывали серьезное влияние на греко-римскую цивилизацию как напрямую, так и посредством колоний, через развивающую цивилизацию Крита (кстати, единственная цивилизация, на которую повлиял Египет). Всевозможные изобретения со Ближнего Востока по этим четырем каналам (с 2000-х по 600-е годы до н.э.) постоянно подпитывали греко-римскую цивилизацию. Наконец, Солон, Пифагор и Фалес в VII и VI веках до н.э. посетили дворцы и образовательные системы Египта, Вавилона и Мидо-Персии, где, изучив систему образования и систему правил, принесли полученные знания с собой на полуостров.

После падения Трои в XIII веке до н.э. происходит вторжение в западное побережье Эгейского моря племен ионийцев, эолийцев и дорийцев с полуострова. Эти миграционные потоки можно наблюдать приблизительно с XI века до н.э. Миграция, названная египтянами атакой морского племени, связана с падением Трои и доходит до Восточного Средиземноморья и Египта. Эти группы, дошедшие до Западной Анатолии и Эгейского побережья, с точки зрения Трои и хеттской цивилизации, были варварами. Цивилизация находится в стране хеттов и в маленьком Троянском царстве. Варвары могут приобщиться к цивилизации, только прожив долгое время в условиях оседлой цивилизованной культуры. Наконец, так и происходит: в VIII веке до н.э. как на полуострове, так и на островах и побережье Эгейского моря начинается процесс строительства городов. Гомер отразил в своем эпосе героические события, происходившие после этих длительных процессов оседлости, в особенности, историю Трои. Что касается «Одиссеи», то это повествование о расселении на острове. Действительно, процесс урбанизации на Эгейском побережье был вполне оригинальным. Полученное весьма богатое культурное наследие и чрезвычайное обилие растительного и животного мира дало жителям этих земель силы и возможность для отражения этого беспрецедентного синтеза в строящихся городах. Они продемонстрировали огромную изобретательность в полном преобразовании как идеологических, так и материальных достижений ближневосточной куль-

туры, а также в синтезировании путем частичного обогащения новым содержанием и значительного изменения формы. Можно сказать, что был внесен такой же исторический вклад, какой когда-то внесли изобретения и открытия, сделанные в период неолита в 6000–4000 годы до н.э., шумерская, египетская, хеттская, урартийская и мидо-персидская цивилизации. Был осуществлен второй и третий крупный культурный скачок.

Важный вопрос, на который следует получить ответ: где находится центр античной цивилизации, являющейся одним из самых серьезных культурных достижений истории. Принимая во внимание то, что первые городские образования (XV век до н.э.) не получили развития, а последующий процесс остался скрыт во тьме веков и остались лишь несколько финикийских торговых колоний, можно видеть, что Греческий полуостров до VIII века до н.э. не был знаком с цивилизацией. Здесь происходили родоплеменные конфликты. Племена, находившиеся на стадии варварства, постоянно совершали набеги на цивилизованные регионы Анатолии через Эгейское море. Те же, кто ими правил, были не царями (появление царя требует наличие городской культуры), а племенными вождями. Как бы заметно ни было возвышение Афин в VII веке до н.э., этому городу было еще далеко до того, чтобы стать центром цивилизации. Все предположения свидетельствуют о том, что города, возведенные родоплеменными сообществами на Эгейском побережье, играли более важную роль. Все выдающиеся мыслители ранней античности, такие как Гомер, Семь мудрецов, Фалес, Гераклит, Парменид, Демокрит, Пифагор происходили из городов западного побережья Эгейского моря. Именно здесь была построена цепь городов.

Очень важно, что повести о рождении знаменитых богов, в первую очередь Аполлона, зарождались в этом и прилегающих регионах. Материальная составляющая цивилизации в этом регионе была более развита по сравнению с Полуостровом. Наиболее знаменитые храмы и центры пророчества опять-таки находились на западном побережье Эгейского моря. Большое количество доказательств свидетельствует о том, что после хеттов, фригийцев и лидийцев, а может быть даже в одно время с ними, ионические го-

рода были центрами цивилизаций Эгейского побережья. Города, что находились на Полуострове, были всего лишь их продолжением. Кризис наступил, когда Мидо-персидская империя в 545 году до н.э. захватила эти города и центр цивилизации переместился в Афины. Именно по этой причине VI-V века до н. э. можно считать выдающейся эпохой Афин. Как известно, все произведения идеологической и материальной культуры, существовавшие в городах на побережье Эгейского моря, были перенесены в Афины. Большая часть образованных людей мигрирует на полуостров, или в Южную Италию и на некоторые острова. Под властью персидской империи регион постепенно теряет свое прежнее значение.

Персидская цивилизация, несомненно, была наиболее выдающейся цивилизацией той поры. Она не только впитывала в себя достижения греков, но и вносила свой вклад в развитие цивилизации. Но греческий регион, лишившись независимости, может быть, в первый и последний раз потерял шанс на создание крупной цивилизации. Я почти уверен, что если бы этого не произошло, распространение эгейцев в Анатолию могло бы способствовать созданию ими очень серьезной цивилизации, намного превосходящую шумерскую, египетскую, индийскую, китайскую, хеттскую и персидскую цивилизации. А возможно, Греческий и Апеннинский полуострова остались бы зависимой областью. Они потеряли шанс на создание империи, которая могла бы во много раз превосходить Византию как по содержанию, так и по территории. Присутствие персов в Эгейском бассейне и предопределило конец их империи, и не позволило эгейцам заслуженно возглавить крупную цивилизацию. Как бы они ни сокрушались, такова их судьба. Вначале некие шансы были у Александра Македонского. Результат — раздробленная культура со многими центрами, ставшая синтезом достижений Запада и Востока. Что бы ни говорили об «эллинистической» культуре, не было ничего, кроме эклектического синтеза. Эллинизм очень далек от подлинного, оригинального творчества. Последующее Римская империя не дала эгейцам никакого шанса, кроме как быть провинцией с центром в Бергаме. То, что было сделано персами на Востоке, римляне повторили на Западе.

Понимание цивилизации с центром в Афинах как подлинной цивилизации с точки зрения роста городов и увеличения их количества, в принципе, верно. Афины оставили свой материальный и идеологический отпечаток на всей эпохе. Оценивая эту цивилизацию, мы должны воспринимать ее как новое мировоззрение, сформировавшееся в результате смешения в едином котле достижений всех перечисленных нами цивилизаций. Объединив все достижения в истории цивилизации, в том числе истории неолитической культуры, идеологические и материальные изобретения, с категорией времени, она осуществила великую цивилизационную революцию.

Первая важная особенность заключается в том, что философия, мышление и наука осваиваются глубже, чем идолопоклоннические верования. Философия способствует взрыву в сфере разума. Семена всех философских течений были посеяны именно в этот период. Все типы мышления, вроде идеализма и материализма, метафизики и диалектики, обрели шанс на рождение и развитие. Если до Сократа лидировала восточная философия, то при его жизни и после преимущество перешло к «общественной философии». Свою роль в этом процессе сыграло расширение «общественной проблемы» (гнет и эксплуатация). Еще раз хочу отметить следующее: говоря об «общественной проблеме», мы подразумеваем связку город — торговля — государство — правитель. Более того, город как средоточие материальной цивилизации делает обязательным философское мышление. Город сам по себе означает разрыв с естественным обществом. Таким образом, мышление, оторванное от природы, легко обретает новые формы в условиях города. Лоном абстрактного, грубого метафизического и материалистического мышления является городская цивилизация, основанная на предательстве окружающей среды.

Следовательно, если философия, с одной стороны — это шаг в мышлении, с другой стороны, она представляет собой иную форму мышления, способствующего отчуждению человека от природы. Софисты, культивировавшие философское мышление, были своего рода интеллигентами своего времени (как

европейская интеллигенция XVIII века). Они обучали детей из богатых семей. Подобно тому, как жрецы создавали религию и возводили храмы, философы формировали свои школы. Это своего рода религиозные собрания. Философские школы формировались во множестве, подобно политеистическим религиям, и каждая школа была чуть ли не отдельной религией или конфессией. Религию, которая в конце концов является определенной формой мышления, тоже можно считать традиционной философией, которая обрела форму веры. Существующую между религией и философией разницу ни в коем случае нельзя воспринимать как противоречие между ними. Если религия скорее выступает как идеологическая пища управляемых народных масс, то философия является пищей молодежи и интеллигенции, представляющих более развитый класс. Платон и Аристотель хотели с помощью философии выполнить функции жрецов по созданию, защите и спасению городов. Основным объектом устремления философов было достижение высшего уровня управления и защиты города-государства и общества, в первую очередь, их беспокоило то, на какой базе лучше всего создавать город и общество.

Второй важной особенностью греческой цивилизации является то, что в Афинах впервые был сделан важный теоретический и практический шаг к демократии (республике). Это очень серьезный этап в общей истории цивилизации. Но это была демократия только для аристократии. Гражданство имела не более, чем десятая часть всего общества. Но, тем не менее, этот институт было очень важным новшеством, которое сыграло серьезную роль в формировании философии и политического искусства. Демократия как понятие — это приобщение народа к политике, то есть непосредственно к вопросам, касающимся самоуправления. Размышление, споры и принятие решений по всем жизненно важным вопросам — фундамент демократической политики. Таким образом, особенности демократической политики, которая в условиях афинской цивилизации стала соответствовать открытому обществу, представляют собой весомый вклад в развитие общества.

Пантеон богов обрел совершенно новый архитектурный облик — величественной постройки в виде прямоугольника, с широкими колоннами и внешней стеной. Храмы Аполлона, Артемиды и Афины чуть ли конкурируют друг с другом практически во всех городах. В афинском обществе уже лучше осознают, что боги вымышлены. Традиционные религиозные верования начинают терять свою ценность. Может быть, создатели богов в шумерских городах здесь в условиях цивилизации Афин и Рима проживали свои последние мгновения? Город, образовавший цивилизацию, Афины, получил свое название от имени защитницы — богини Афины. Это напоминает историю с богиней Урука Инанной. Приведенный пример является свидетельством того, насколько поразительно сходство и преемственность между цивилизациями. Другие составляющие жизни городов — это агора (рынок), храм (место собраний), театр, тенистые улицы для пешеходных прогулок, гимназии, стадион и многие другие места со своими структурными особенностями, необязательно огороженные стенами, здесь же было множество дворов. Все это напоминало структуру хеттского города, но уже было более высокой стадией. Население несравненно выросло.

Больших высот достигла письменная литература. Возможно, речь идет о самой развитой литературной традиции в истории, которая была перенесена в письменные документы. Театр переживал период революционного подъема. Устные предания трансформировались в множество легенд и трагедий. Создавались исторические произведения. Эпос Гомера стал своего рода учебником. Многие яркие явления переносились на театральную сцену, похожую на предшественницу кинематографа. Развивалось искусство мореплавания и торговля. Афины стали второй после Финикии цивилизацией с развитым судоходством. Хотя торговля не рассматривалась как профессия, но первые зерна капитализма, пусть и на маргинальном уровне, нашли свою жизнь в афинском обществе. Если бы был сделан хотя бы один решительный шаг, то в Древней Греции был бы осуществлен переход к капиталистической системе. Архитектура стремительно развивалась. Скульптура почти достигла совершенства. Рельефные сцены поразительным образом оживляли мифические сказания. Сразу скажу, что у греков суще-

ствовала очень сильная литература, сформировавшаяся путем синтеза мифов (верований нерелигиозного характера, формы мышления) всех древних цивилизаций. Мифы — это искусство пересказа с помощью идеализированных преданий всех явлений, которые общество не могло объяснить, они были широко распространены в древнем мире.

Благодаря увеличению количества и разнообразия инструментов развивалась музыка. Самым распространенным инструментом была лира. Продолжала существовать устная поэтическая традиция, хотя уже не так, как в героический период (в преддверии формирования городского общества, на варварской стадии развития общества).

Вторым после Афин крупным городом была Спарта, ее специфика заключалась в строгом соблюдении старой монархической традиции. Между двумя греческими городами постоянно происходили конфликты. Модель Афин и Спарты оставила свой след на всем полуострове. Активно распространялся городской уклад, прежде всего, на островах и у средиземноморских соседей, где возникли похожие города. Наблюдается также переход к городской структуре на побережье Черного и Мраморного морей. Началась новая эпоха крупных торговых городов-колоний. Чуть ли не на всех берегах и островах Средиземного моря возникли такие колонии. Даже в Египте, вполне вероятно, существовал город или квартал греческого типа. На всем пространстве от греческого полуострова до юга Франции, (Марселя) и до испанского побережья Средиземного моря создавались своеобразные торговые дома. Затем они превращались в города. Волна городов-колоний охватила в целом и юг Италии. Греки словно переняли функции финикийцев. Несмотря на этот значительный прогресс и возникновение городских образований на полуострове, греки не смогли достичь имперского уровня персов или римлян. Они подпали под господство других империй, которые в духе того времени развивали свои имперские амбиции. Цивилизация полуострова, возглавляемая Афинами, в 340-х годах до н.э. оказалась лицом к лицу с новой угрозой, в лице возвышавшейся на севере полуострова Македонского царства. Греческая цивилизация, которая так и не сумела облечь свою величественную

идеологическую и материальную мощь в политическую систему, превосходящую по своей значимости ее города, после нескольких повстанческих войн, начиная с 330 года до н.э., навсегда утратила свою независимость. Но, как и Вавилон, Афины еще долго будут существовать в качестве нового культурного центра.

Последним ударом по афинской демократии стал удар со стороны вновь возвысившегося Македонского царства (как известно, ранее самый тяжелый удар был нанесен во время тридцатилетней войны со Спартой). Царь Филипп и его сын Александр, стремившиеся удержать единство родоплеменных вождей греческого происхождения, говоривших на разных языках и представлявших различные рода, в 359 г. до н.э. добились признания своего господства на всем полуострове. Сын Филиппа Александр, проживший очень интересную жизнь, получил воспитание у Аристотеля, который также родился в Македонии. Известно, что сложившиеся между Александром и Аристотелем отношения, были чем-то большим нежели просто учительско-ученические отношения. Об этом свидетельствует тот факт, что сразу же после смерти Александра Аристотель сбежал из Афин. Аристотель воспитывал Александра в городе, расположенном на эгейском побережье. Философ фактически приобщил Александра ко всем культурным ценностям греков и знаниям о мифических богах, существовавшим еще в поздние периоды персидского господства. Не было ни одного греческого политика, кто не знал бы, насколько соблазнительным было богатство Персидской империи. Желание во что бы то ни стало победить персов превратилось в страсть Александра. Она была похожа на одержимость исламского халифата, стремившегося победить византийцев. Этот лозунг был в памяти каждого воина, участвовавшего в завоевательных походах. Кстати, армия Александра Македонского отнюдь не была традиционной армией рабов.

Следует осознать, что основой армии Александра являлась фаланга, представлявшая собой новую армейскую организацию и состояла из подразделений добровольцев, возглавляемых вождями различных греческих родов, только что переживших варварскую стадию и вознамерившихся завоевать не только утвердившую себя

персидскую культуру, но и несметные богатства Востока. Одержав несколько побед в боях при Гранике, в Чукурова в Анатолии, при Иссе в Восточном Средиземноморье, в Арбеле на севере Ирака, Александр завоевал огромную территорию вплоть до берегов Инда. После своего трагического южноиранского похода тридцатитрехлетний Александр Македонский скончался при невыясненных обстоятельствах в Вавилоне, центре вселенной того времени, оставив после себя обширную завоеванную территорию, которая была намного шире Персидской империи.

Эта территория была полностью открыта перед греческой культурной экспансией, она гораздо раньше приобщилась к цивилизации, но ее идеологические и материальные факторы опирались на рабовладельческую формацию первой волны. Что касается греческой цивилизации, то она давно уже превзошла культуру этой цивилизации. Ее ждало прекрасное и много обещающее будущее. Словом, она обладала способностью к приспособлению. Подобно тому, как шумерские жрецы, привив неолитическую культуру к своей действительности, создали первую классовую, городскую и государственную культуру, так и греческая культура, пусть и не в аналогичной степени, но стала для старых областей своеобразной прививкой молодости. Примерно в 330–250 годы до н.э., в период, который также называют эллинистическим, возникло множество царств. Династия Птолемеев в Египте, Бергама в Анатолии, Селевкидов в Сирии и Месопотамии — это наиболее значимые из новых царств. Парфянская династия, появившаяся после поражения династии Ахеменидов, попыталась реставрировать иранскую империю. Парфяне, господствовавшие с 250 до н.э. по 220 годы н.э., не потерпели ни одного поражения. Примерно пять столетий эллинистического периода представляли собой очень важный синтез культур, ознаменованный, в частности, строительством новых городов, созданием нового пантеона, представлявшего в первую очередь греческих и иранских богов, а также смешанную культуру, господством греческого языка и культуры на обширной территории. Собственно говоря, вся жизнь Александра Македонского представляла собой синтез культур Востока и Запада, то есть, культур, господствовавших в тот пе-

риод. И это было очень важно. История, в том числе современная, более не знала такого крупнейшего синтеза культур. Живым свидетельством этого являются оставшиеся на горе Немруд развалины гробницы царя Антиоха, правившего одним из мощнейших царств своего времени, Комагеном, с центром в современном Адьямане (столицей в те времена был город Самосат, затопленный водами Евфрата). Эта гробница является одним из редчайших чудес света и символом синтеза Восток — Запад, потому что она олицетворяет эти реалии. С точки зрения предмета нашего исследования не столь важны пути распространения рабовладения или цивилизация, пришедшая в регионы неолитической варварской культуры, а усилия, приложенные для распространения и повторного утверждения более развитой на тот момент рабовладельческой, греко-римской цивилизации на обширном пространстве от Индии до Рима, от северных берегов Черного моря до побережья Красного моря и вплоть до Персидского залива. Более молодая и активная новая культура, появившаяся в Риме, сможет развить эту линию и создаст самую крупную рабовладельческую империю своего времени.

Изучение римской культуры важно, по меньшей мере, как и изучение греческой культуры, прежде всего потому, что Рим стал вершиной, своего рода Эверестом рабовладения. С падением Рима начался упадок рабовладельческой цивилизации. Вторая причина заключается в том, что Рим стал самым большим представителем имперской культуры во всей полноте. Ни одна империя в истории не достигла такого величия, как Римская. Третья причина: Рим стал последним и наиболее сильным представителем богов-царей в масках. Никто в истории, кроме римских императоров, не достиг такой силы и власти, чтобы провозгласить самих себя человеком и богом одновременно, черпая силы из собственных же указов и действий, не ощущая потребности отчитываться ни перед кем (ни перед какой материальной и моральной силой), но вместе с тем требовать отчета и повелевать всем миром. Четвертая причина — в том, что Рим стал тем государством, которое познакомило самые широкие слои общества с такими понятиями, как право и гражданство. Пятое: Рим стал империей, впервые в мире открыв-

шей путь к мировому гражданству, космополитизму и, через них, к мировой религии (католицизму, экуменизму). Шестая причина заключается в том, что Рим стал зарей, истоком великой европейской цивилизации. Седьмая причина: на протяжении долгого периода Рим существовал как республика.

Рим как город достиг этого, несомненно, серьезного прогресса отнюдь не чудом. Благодаря тому, что он стал последним творческим представителем четырех великих предшествующих культур, он обрел серьезный потенциал и активность. Первая культура — это самая древняя культура эпохи неолита. Последними представителями культуры, которая в V тысячелетии до н.э. распространила свое господство по всей Европе, в том числе на Апеннинском полуострове, были италийские племена латинян. Вернее всего предполагать, что в XI веке до н.э. начала формироваться идентичность современной Италии, в том числе начала определяться ее этническая идентичность. Можно сказать, что именно в это время полуостров впервые познакомился со всеми особенностями мышления неолита. Вероятно, римляне имели европейское происхождение.

Носителями второй культурной идентичности были этруски — выходцы из Месопотамии, примерно в XI веке до н.э. перенесшие на полуостров через Анатолию арийскую культурно-языковую общность и переживавшие некую пограничную стадию между неолитом и рабовладельческой формацией. Эта этническая группа примерно в IX веке до н.э., разместились на севере современной Италии, а оттуда распространяться в другие регионы. Этрусков можно назвать народом, принесшим в Италию и город Рим первые ростки цивилизации.

Третьей стала переживавшая свое величие греческая культура с центром в Афинах, которая еще на стадии своего формирования создала на юге Италии колонию (VI век до н.э., Пифагор и его последователи).

Четвертая — это Карфаген и другие города-колонии, построенные финикийцами; в IX веке до н.э. они способствовали проникновению на Апеннинский полуостров восточно-средиземноморской культуры египетского и семитского происхождения.

Можно сказать, что фундаментальным мотивом римского истории является просачивание на полуостров всех цивилизаций, за исключением китайской. Это животворящая вода в материнском лоне римской цивилизации. Правильнее всего утверждать, что здесь возник синтез культур, превосходящий по своим результатам и афинский, и западно-эгейский, подвергший активной переработке достижения всех четырех упомянутых культур. Миф об основании Рима двумя братьями — Ромулом и Ремом — вскормленными волчицей, является народным сказанием, часто используемым во всех аналогичных случаях. Использовано очень интересное сказание, чтобы выразить дикость (пришлый характер) источника и ее просачивание на полуостров! Мифическое предание о том, что Римская цивилизация была создана боевым товарищем Париса Энеем после падения Трои, в высшей степени поучительно, поскольку раскрывает характер Анатолии. Оно является эпическим выражением нашего подхода.

Миф о том, что Рим был создан в середине VIII века до н.э. жрецами-царями, соответствует всем тенденциям градостроительства основных предшествующих цивилизаций. Что касается рассказов о многочисленных столкновениях племен, проживавших вокруг Рима, то они понятны с точки зрения классово-государственного характера всех городских образований. Сказания о противостоянии и противоборстве этрусков и латинян основано на противоречиях между местной неолитической культурой и считающейся чуждой цивилизацией.

Успех Рима в урбанизации и возвышении объясняется его географическим положением на полуострове, в самой западной точке цивилизации, а также отсутствием сильной, материковой европейской цивилизации на севере. Опасность могла угрожать Риму с двух сторон: от цивилизации, существовавшей на Греческом полуострове с центром в Афинах, и Карфагена, являвшегося самой сильной колонией финикийцев в Северной Африке, но превратившийся в независимую городскую цивилизацию. Неспособность преодоления этапа расширения колоний, постоянное давление персов с востока, невозможность превращения в сильную империю или царство из-за непрекращающейся конкуренции между

городами, привело к тому, что греческая цивилизация в кратчайшие сроки оказалась под господством Македонского царства и уже не могла выступать серьезной угрозой для Рима. Более серьезным соперником Рима был Карфаген. Территориальная близость, проявленные обоими способности к распространению на одной и той же территории и, в силу характера цивилизации, постоянное стремление к лидерству рано или поздно должны были привести Рим и Карфаген к столкновению. Это столкновение, продлившееся больше века, в итоге устранило барьер на пути к победе Рима. То, что незадолго до своей смерти Александр Македонский определил в качестве следующей цели Рим (Греческий полуостров, впрочем, признал его правление с титулом бога-царя) могло стать самой серьезной угрозой для империи. Ранняя смерть Александра Македонского стала еще одним большим шансом Римской империи на расширение. Ведь на месте Римской империи с легкостью могла оказаться империя Македонского, которая стала бы самой крупной в мире силой. И Александр Македонского вполне мог бы достичь этой цели. В середине II века до н.э., по окончании последней Пунической войны, вся старая цивилизация и мир неолитической культуры оказались мишенью перед вселенскими амбициями Рима. Все, за исключением Парфянского царства, а затем Персидской империи Сасанидов на Востоке.

Переход Рима к республиканскому строю в 508 году до н.э. стал развитием и продолжением афинской демократии. Здесь столь же важно формирование культурного фундамента, сколь и усиление аристократии. В частности, предшествующие поиски царя сыграли такую же, не особенно прогрессивную роль, какую сыграла Спарта для Афин. Царства в целом консервативны и не дают особой возможности для стирания граней аристократии.

Республика, как городская цивилизация, обогатила римский народ новыми знаниями и укрепила его волю к соблюдению собственных интересов. Двухпалатный сенат (палат аристократов и простых людей), консулы, развитие суда как отдельной структуры, силы городской обороны практически одновременно прошли этап структуризации, что свидетельствовало о профессиональном строительстве и стабильности Римской республики в сравнении с

дилетантской демократией Афин. Республиканское волеизъявление становится одним из источников развития политического искусства. Это говорит о связи политики с правом, в то же время она является оригинальным историческим примером того, что право есть узаконенная политика, то есть политика, в рамках которой достигнуто определенное согласие. Известно, что под прикрытием республики существовал Рим с величественным культурным развитием внутри системы и серьезной внешней захватнической политикой. Считается, что республиканский строй способствовал тому, что римская цивилизация достигла своих естественных пределов. История перехода от республики к империи — это по сути признание внутренних и внешних противоречий и угроз. С легкостью можно сказать, что противостояние Юлия Цезаря с конкурентами является отражением конфликта между центром и периферией Рима, между аристократией и плебеями. Утверждения тех, кто пытается обосновать предательство Брута, тем, что Рим потерял величие центра во имя провинции, фактически занимаясь самозащитой, а также то, что плебеи больше были на стороне Цезаря, а избранные представители городской аристократии были среди заговорщиков, подтверждают, что Юлий Цезарь пользовался в провинциях большим успехом.

За пределами Рима продолжались мятежи, а персы уже приближались к Евфрату. Галльские, британские и германские походы Цезаря, мятежи в Анатолии, гибель Грация, третьего человека в империи, в сражении с персами, восстание иудеев в Восточном Средиземноморье, непрекращающиеся стычки между Греческим полуостровом и Балканами, усиливающиеся набеги готов, скифов и гуннов с северо-запада, постоянные грабительские набеги арабских племен с юга, сильные монархические амбиции Египта — все это свидетельствует о масштабах угрозы, существовавшей для Рима. Ясно, что непрекращающиеся дебаты в республиканском сенате, столкновения между фракциями по вопросам выдвижения кандидатов на пост консула, ситуация, в которую был поставлен народ, приученный к военным трофеям, способствовали тому, что республиканский режим испытывал затруднения в борьбе против внешних угроз и мгновенном принятии исторических решений.

Все перечисленные факторы лежали в основе политики Августа, являвшегося племенником Цезаря и ставшего символическим именем перехода от республиканского строя к империи, произошедшего на грани эпох. Эти условия требовали стабильности внутри страны и уверенной внешней политики. Величественный Римский мир (*Pax Romana*), существовавший до середины III века н.э., существовал благодаря этой политике. Известно, что на этой базе развивались многие процессы. Это лишение сената прежней силы и его превращение в обычный консультативный совет, назначение, а не выборы функционеров, сведение жизни народа к формуле «хлеба и зрелищ», формирование сильных гарнизонов безопасности за пределами страны, укрепление городов мощными стенами и переход к оборонительным войнам. Что бы ни говорили о переходе к агрессивным походам, все они были походами оборонительными. После этого появилась череда знаменитых императоров. Это череда последних полулюдей-полубогов! Интересно, что римские императоры все лучше осознавали бессмысленность классического пантеона богов. Они убеждались в том, что под масками этих богов невозможно узаконить свою власть.

Сумятица, начавшаяся после 250 года до н.э., свидетельствует о раздроблении и дальнейшем упадке многоголовой империи. Даже знаменитая царица Пальмиры Зенобия стремилась создать империю, охватывающую территории Египта, Сирии, Анатолии и Ирака (в то время таких современных названий, конечно, не существовало, но для легкости понимания называем их так). Печальный рассказ об этом является римской классикой. Основатель новой династии Сасанидов на Востоке Арташир I и великий император Шапур I, не менее значительный, чем Август, неоднократно повергали в поражение римские войска. Известно, что их войска дошли до восточного побережья Средиземного моря и предгорий Тавра. В этот период знаменитый город-гарнизон Зевгма, что близ Евфрата и Биледжика, в 256 г. до н.э. безвозвратно ушел под землю. Постоянные столкновения между Римской империей, Парфией и Персидской империей Сасанидов, превратили Верхнюю Месопотамию в горячую точку, где власть переходила из рук в руки. Эти священные земли неолитической

революции и первых городских цивилизаций чуть ли не превратились в свою диалектическую противоположность. Одним из трагических моментов истории является то, что по сегодняшний день другие силы цивилизации, не сумевшие после урартийцев сохранить собственные центры, постоянно подвергаются аннексии, агрессии, угнетению и колонизации. Ситуация похожа на участь матери-богини, которая, совершив самую серьезную культурную революцию, в итоге превратилась в наиболее ущемленную сущность.

Римские войска с помощью контратак добрались до берегов Тигра. Знаменитый император Юлиан, будто в подражание Александру Македонскому, трагически погиб в последнем большом сражении на берегу Тигра в 363 году — и это событие стало закатом эпохи Римской империи. В принципе, то, что невозможно управлять всей империей из Рима, показали боевые действия на восточных окраинах и в Европе. В момент смерти знаменитого императора Диоклетиана в 313 году стало известно, что во главе одной империи одновременно стоят шесть императоров. Константин I, один из этого списка, в 312 году поменял религию империи, а в 325 году — столицу империи. После Юлиана — последнего императора из династии Константина — в 395 году официально произошло раздробление империи. Императоры Западного Рима уже превратились в марионеток в руках готских вождей. Даже вождь гуннов Аттила, если бы того пожелал, мог бы в 451 году завладеть Римом. В 476 г. готский царь Одоакр нанес удар, который навсегда похоронил первую (западную) Римскую империю, и ее культура надолго осталась под руинами в длительном ожидании воскрешения, но не умерла.

История второго Рима, то есть Византии, бледная и в основном подражательная (она копировала и Восток, и Запад, это была неплодотворная империя, не способная создать синтез), просуществовала довольно долго. Для того, чтобы удержать прежние имперские территории, Юстиниан (527–565) приложил серьезные усилия, но периферия постепенно выходила из-под его контроля.

Византия называла себя вторым Римом. Амбиции Константинополя, стремившегося стать вторым Римом, крайне преувели-

чены. На бывших территориях Рима очень трудно было сделать что-либо, кроме повторов. Христианский характер Византии — это отдельная тема, которая требует особого изучения. После Византии османские правители, даже русские славяне (с центром в Москве) любили величать себя третьим Римом. Все эти амбиции, исходящие как от исламского, так и христианского мира, являются не просто преувеличением: смешивая разные периоды и культуры, они способствуют смешению смысла. В последующих разделах своего труда я постараюсь прокомментировать такие важные понятия, как «христианская, исламская и иудейская цивилизации».

По римскому образцу были создано множество новых империй — от Великобритании до Черного моря. После крушения идолов вместе с распадом Рима возникла ужасающая пустота, способствующая новой религиозной революции. Европейское идолопоклонничество и мифология серьезно уступали римским верованиям. Что касается свергнутого идолопоклонничества, являвшегося официальной религией Рима, то совершенно ясно, что оно не могло стать новой идеологической пищей Европы. Эпоха была вынуждена во всех смыслах мотивировать нравственную и религиозную революцию, как и материальную, политическую и экономическую революции.

До того, как приступить к исследованию вопроса истоков и смысла христианской и последовавшей за ней исламской революций, в наиболее общих чертах рассмотрим культурное и материальное наследие Рима.

Земледелие, горное дело, ремесла и торговля, существовавшие в наиболее крупных регионах цивилизации, усилились под общим воздействием этой цивилизации. Поговорка «Все пути ведут в Рим» определяет направление потока этих экономических источников. Весь мир кормил Рим. Эта крупная рента способствовала созданию величественных городов, в первую очередь Рима. Города эллинистического периода еще более расширились, сохранив свои особенности. После Рима такие города, как Антиохия, Александрия, Бергама, Пальмира, Самосат, Эдесса, Амида, Эрзени Рум, Новый Кайсер и Кесария, Тарсус, Трапезунд и множество других эллинистических городов стали звездами Востока. Мы ви-

дим появлениме новых городов, в первую очередь Парижа в Европе — иными словами, новых Уруков на почве европейской цивилизации. Их архитектура была схожа с архитектурой греческих городов, но постройки возводились мощнее и величественнее. Появились такие сложные сооружения, как великолепные водопроводы, мельницы и каналы. Сеть дорог была на беспрецедентном уровне. В обществе существовала безопасность. Действительно, был воздвигнут «римский мир». Достаточное развитие получили горнодобывающие промыслы и архитектурные средства. В добыче и обработке камня с Римом мог сравниться только Древний Египет. Изготовление брони и оружия, естественно, стало самым развитым ремеслом. Торговля полностью прошла структуризацию, и в сравнении с греческой она завоевала больше доверия и рентабельности. Появились знаменитые негоцианты. Речь идет о сильном скачке в развитии торговли.

Вероятно, впервые в истории право обрело всеобъемлющий и формализованный характер. Римские кодексы и по сей день могут служить примером мастерства. Естественным итогом правового прогресса стало формирование института гражданства. Римское гражданство стало очень серьезной привилегией. Аристократы и торговцы во всем мире считали привилегией жизнь по римскому образу и подобию. Как модернизм нашего времени, образ жизни римлян стал видом болезни. Может быть, всемирная известность и влияние итальянской моды основаны именно на этой традиции.

Спортивные состязания были дикими. Гладиаторские бои, бои со львами, бросание живых пленников на съедение голодным львам на арене были поистине чудовищны. Народ, приученный к таким зрелищам, фактически был лишен нравственности. Храмы, возведенные во имя богов, в последние периоды империи в огромной степени утратили свое значение. Римская теология представляла собой переименованную греческую теологию. Вергилий, взяв за основу поэму Гомера о Трое, написал «Энеиду» — эпос о создании Рима. Происходила латинизация и освоение всех культурных достижений, включая греческую литературу, театр, историю и философию. Но все же римляне создали важные произведения.

Ораторство стало развитым искусством. Римский городской язык одновременно стал стилем общения. Одежда, несущая на себе глубокий отпечаток Востока, вместе с тем обрела самобытность. Латинский язык, постепенно занимавший место греческого, обретал статус официального языка дипломатии и международных отношений. Переводы, сделанные на латинский язык, во многом способствовали тому, что труды греческих классиков не канули в лету. Политика была возведена в ранг искусства.

Сравнивая древнеримскую и древнегреческую культуры, легко можно увидеть, что в культуре Афин преобладала идеология, а в Риме, напротив — материально-политическая составляющая. Однако очень большое значение имеет восприятие этих двух культур как частей единого целого. Получается, что производительность культурной базы, заложенной Афинами, сразу же была использована Александром Македонским и позже — другими правителями. Без афинской культуры по определению нельзя представить себе римскую культуру, не говоря уже о мировых империях.

Но гораздо важнее то, что обе эти культуры представляют собой результат эволюции восточной культуры. Афины и Рим не создали оригинальных империй, как это принято считать. Обе они стали результатом роста восточного культурного наследия в местных условиях и их синтеза на более высоком уровне. Даже Европа совершила свою великую культурную революцию, сплавив эти наследие в котле античности. Без восточного материнского очага Месопотамии и Египта нельзя представить себе европейскую культуру.

Исторические процессы и в материальном смысле являются единым целым. Формирование городов и увеличение их числа, начиная еще со времен Урука, шло связано. Мы видим, что у каждой цивилизации есть свой Урук, и это не случайно. Это диалектика урбанизации. Еще на заре рождения и распространения неолитической культуры наблюдалось такое же диалектическое развитие. Это краткое описание и оценка цивилизации свидетельствуют, что общественный прогресс нельзя осознать в отрыве от категорий исторического места и времени.

Завоевание нашего мира различными цивилизациями в основном завершилось на стадии существования римской цивилизации. Была даже осуществлена попытка повторного завоевания старых областей. Новые завоевания между цивилизациями в основном имели захватнический и грабительский характер, потому что цивилизации были схожи друг с другом. Все обеспокоены мыслью о хищении получаемой ренты и его превращении в свою собственность (под этим понятием я подразумеваю прибыль от имущества; все ценности, которые присваиваются после затрат на пропитание людей, работающих на земле, независимо от того, в какое состояние они приведены, в частную или государственную собственность, считаются рентой). Таким образом, распространение цивилизаций, основанное на столкновениях и переходе власти, вместо создания новых ценностей осуществляется путем разрушения существующих ценностей.

Если окинуть взглядом прошлое, мы видим, что процесс, начатый ассирийцами, оторвался от предыдущих путем аннексии ценностей предыдущих цивилизаций. Ассирийские императоры, обладавшие таким мышлением, что гордились своим захватом хеттов, хурритов, финикийцев и египтян, строительством крепостей и стен из голов пленников, по существу открыто признавали реальность, заключавшуюся в ужасающем характере войн между цивилизациями. Ту же логику Гегель выразил словами «скотобойня истории». Причина в том, что пока существует переход собственности и ренты из одних рук в другие, иного способа реализации попросту нет. С одной стороны, существует общество, жизнь которого полностью связана с культурой цивилизации, с другой стороны — другое цивилизованное общество стремится завоевать первое; но если одно общество полностью отрывает другое общество от материальных и моральных ценностей в рамках достижения собственных целей, то у другого общества не остается никакой альтернативы, кроме полного исчезновения. Даже если побежденные сдаются на милость победителя (где присвоение чужих детей и женщин и убийство зрелых мужчин становится правилом), не будет ничего иного, кроме полного уничтожения наиболее зрелой части населения. Это и есть трагедия.

Греческие просветители прекрасно осознавали это и создали наиболее трагические повести классической эпохи. Шумерский эпос тоже представляет собой трагические повествования. «Элегия Ниппуру» и «Проклятие Агаде» словно являются жизнеописанием современного Багдада. Персидская империя тоже имеет подобную славу. В частности, лишение Эгейского побережья возможностей независимого развития — это одна из исторических трагедий. Затем и Александр Македонский использовал ту логику катка, прошедшего по муравейнику. Статус бога-царя поддерживается уже путем циничного подавления людей, подобно муравьям в муравейнике. Такие представления умещаются в эго некоторых людей. То, что сделал Рим, состоит из превращения этой логики во вполне профессиональный подход. Те же тропы и повороты, тот же переход из одних рук в другие, уничтожение прежних хозяев вместе с их подчиненными или их превращение в полезных рабов — разве это не действия, направленные на полное выхолащивание человеческой совести?!

Исследуя монотеистические религии, мы увидим, что их противостояние тем режимам цивилизации, которые отождествляются с многобожием и идолопоклонничеством, посредством нового мышления и практики есть ничто иное, как один из наиболее осознанных шагов в истории. Несмотря на то что некоторые цивилизации развивались на основе этих религий, очевидно, что мы имеем дело с другими процессами. Рассмотрим их отдельно.

4. ЭТАПЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Падение Рима в конце IV столетия не означало падение одного конкретного города и связанной с ним цивилизации — это было завершением длительного периода существования цивилизаций ранней и классической эпох. Столетия, прошедшие после этого упадка, по традиции называют Средневековьем, хотя они ассоциируются с эпохой тьмы. Это связано с развитием историографии. Здесь нет конкретной семантики, более того, здесь больше наблюдается разрушение смысла. То, что эта эпоха называется еще феодальной, напрямую связано с марксистской классификацией общественных формаций. Социальная характеристика феодализма умышленно искажается. Не передается глубина смысла. Может быть, как мы уже говорили, такой подход способствует обесмысливанию.

Восприятие упадка Рима как разрушения всей рабовладельческой системы древней и классической эпох поможет постичь смысл во всей его полноте. Наконец, тот факт, что корни Евангелия — своего рода манифеста христианства — внесшего свой вклад в этот процесс разрушения, уходят в глубины истории шумерского и египетского периода, доказывает целостность этой эпохи. Эти же обстоятельства действительны также для дуализма Ислам — Византия.

На мой взгляд, послеримский период требует отдельного подхода. Его называют и «темными веками», и «светлой эпохой христианства и мусульманства», но, ни то, ни другое не передает смысла событий. Более того, это серьезно искажает смысл. На протяжении всего нашего исследования мы много говорили

о важности государственного строительства жрецов. Точнее, мы сделали некоторые выводы. Мы увидели, как политические и военные силы, положившие конец жреческому периоду истории, в ходе своего царствования оставили неизгладимый след на всем процессе развития цивилизации. Наиболее сильной стороной нашего комментария стала демонстрация того, как культура цивилизации как единое целое, вступив в борьбу с культурой неолита, постоянно сужает ее пространство, эксплуатирует ее, стараясь ассимилировать вплоть до полного растворения. Мы подчеркнули то, что борьба культур оказалась важнее узкой классовой борьбы и классовую борьбу необходимо воспринимать в качестве всего лишь узкой части борьбы культур. В частности, борьбу цивилизаций мы оценили как «скотобойню».

Еще одно рассмотрение этих вопросов под эгидой двух понятий может быть достаточно поучительным. Речь идет об идеологической и материальной культурах. Я считаю важным определение Фернана Броделя капиталистической культуры как «материальной». Думаю, что это название распространяется не только на капиталистическую цивилизацию, но и на все виды классовых, городских и государственных цивилизаций. Это умножает возможности нашего анализа. Разделение материальной и духовной культур непрерывно продолжалось с момента зарождения цивилизации вплоть до капиталистической формации. Капитализм представляет собой самую последнюю, но и самую высокую стадию этого процесса в материальной культуре. Идеологическая культура (ее можно также назвать духовной, или философией) существовала всегда, но достигла своего апогея на стадии соприкосновения социологии свободы с капитализмом. Развернув наше в данном направлении, мы не только увеличим наше знание всех взаимоотношений и столкновений между материальной и идеологической культурами в масштабе цивилизации и сопротивления на протяжении всей истории цивилизации, но, установив связь между «средними веками и капиталистическим модернизмом», с одной стороны, и социологией свободы — с другой, мы серьезно подготовимся к фактической оценке смысла свободы в идеологической культуре.

Все мои комментарии будут опытом разработки социологии свободы применительно к культурам неолита и цивилизации, которые мы до сих пор подробнее всего рассматривали. Что касается действительного формирования социологии свободы, мы постараемся более детально осветить эту тему после того, как подробно рассмотрим вопрос капиталистической цивилизации (модернизма).

А. Должен сказать, что в классификации неолитической культуры на материальную и идеологическую серьезных проблем нет. Серьезные проблемы возникают там, где неолитическая культура оказывается на стадии торможения и не может защитить себя от развитого цивилизованного общества. В первую очередь, считаю необходимым раскрыть суть понятия «проблема», которое я часто выношу в заголовки. Я подразумеваю под этим словом отображение той хаотической ситуации, которая воцаряется тогда, когда идеологическая и материальная культуры уже не могут восприниматься и дальше развиваться применительно к индивиду и обществу. Выход из проблемной ситуации означает положение, наступающее после достижения осмысленной структуры нового общества. Идеологическая культура, как я уже неоднократно старался комментировать, является отражением того, какими функциями загружены структуры, организации, ткани общества, их смысл и состояние мышления. Материальная культура отражает другую, воспринимаемую на ощупь ипостась, той самой функции, смысла, которые я описываю такими понятиями, как «внешность», «явление», «факт», «структура», «ткань». Если захотим объединить ее с развитием вселенной, то увидим стремление найти отражение диалектического противопоставления энергия / материя в общественной действительности.

Таким образом, можно констатировать, что между идеологической и материальной культурами неолитического общества, особенно на стадии формирования и структуризации, не формируются обстоятельства, угрожающие жизни общества и приводящие к конфликтам. Этого не позволяет социальная нравственность. Собственность, основополагающий фактор, ведущий к возникновению разлома, не имеет возможности для развития.

Другой фактор, тесно связанный с вышеописанным, разделение труда между представителями различных полов еще не связано с понятиями собственности и силового давления. В частности, добыча пищи — это продукт совместного труда, пока не связанный с собственностью. В этих условиях налицо тесное единство идеологической и материальной культур в сообществах, которые еще не получили серьезного роста и развития. Поскольку частная собственность и силовое давление, нарушая эту структуру, становятся прямой угрозой жизни, уравнительное распределение и солидарность, являющиеся фундаментальными правилами морали неолитического общества, становятся тем основным принципом, который помогает этому обществу устоять. Внутренняя структура неолитического общества, благодаря этому принципу, в высшей степени стабильна. Именно это обстоятельство и помогает обществу неолита существовать на протяжении тысячелетий. При сравнении неолита с цивилизованным обществом в контексте взаимоотношений общества и природы, не говоря уже о пропасти между подходами, актуален вопрос, насколько важно обоим культурам следовать принципу сохранения природы. Отношение человека той эпохи к природе сродни божественному. Природа воспринимается им как живая, подобная ему, сущность. Поскольку природа дает ему воздух, воду, огонь и разнообразную растительную и животную пищу, человек воспринимает ее как нечто равное богам, точнее, природа становится наиболее сильным элементом религиозного мировосприятия. Совершенно понятно, что одна из серьезнейших причин возникновения понятия о боге и религии кроется именно в этой истине.

Ниже мы раскроем смысл, который заложило цивилизованное общество в понятие о боге. Важно, что божественные сущности, которые во многом занимали сознание неолитического общества, не имеют никакого отношения к угнетению, эксплуатации и насилию, а также к прикрытию и оправданию этих действий. Скорее всего, содержание божественного начала определялось такими понятиями как милосердие, благодарность, изобилие, любовь, восторг, свет, в угрожающих обстоятельствах — страх и др., таким образом (сохраняя гармонию с природой, оберегая

окружающую среду), гармоничной жизни уделялось большое значение. Человек эпохи неолита при необходимости мог принести в жертву своему мировоззрению самое дорогое, что у него было – своих детей – юных сыновей и дочерей. Что касается социальной стороны бога, то человек воспринимал бога в этой ипостаси как предка общества, руководствовался такими клановыми понятиями, как тотем, табу и смысл. Вера в божество как предка приобретает вид религии матери-богини. Если святость и перечисленные нами понятия тотема, табу и смысла нельзя считать вполне религией, то можно однозначно утверждать, что они, как туман, заполонили сознание человека эпохи неолита. В слове «святость» содержится позиция, влияющая на жизнь общества, применимая ко всем фактам и явлениям, что явствует из таких эмоциональных состояний, как память, страсть, порой страх и тревога, порой любовь и уважение, а порой боль и слезы. Это ценность, которая соотносима с воздействием объекта и смысла на образ жизни. Можно рассматривать эту позицию и как форму нравственности. Впрочем, в основе нравственности также видна серьезная роль богов и святости, которые, согласно поверьям, помогают обществу удержаться на ногах. Члены общества в этом вопросе демонстрируют серьезность своих позиций. Они верят, что малейшее нарушение правил, проявление неуважения, отказ от жертвоприношения может обернуться трагедией. Иными словами, эти общества полностью нравственны.

Несмотря на то, что окультуренные растения и одомашненные животные принадлежали обществу, в неолитическом обществе их нельзя было назвать собственностью, ибо собственность включает в себя объект. Тогда еще не было развито мышление, способствующее разделению действительности на объекты и субъекты. Объекты воспринимались человеком эпохи неолита как нечто, идентичное с ним самим. Насколько люди воспринимали друг друга как собственность, настолько же они воспринимали как собственность окультуренные ими растения и одомашненных животных. Следовательно, речи не может быть о серьезном нарушении окружающей среды. Несомненно, все же было заложено начало, ведущее к институту собственности, но

превращение этого начала в собственность как таковую произойдет гораздо позже, в совершенно других условиях. Не хотелось бы, чтобы вследствие наших пояснений возникло мнение, что неолитическое общество было неким раем. Это общество было молодым и уязвимым перед неопределенностью будущего, часто менявшимися природными условиями, что обуславливало опасность его положения. Общество осознавало это, и, в принципе, именно это осознание и накладывало серьезный отпечаток на сознание человека той эпохи. В поисках выхода из положения, пусть и наивных, неолитическое общество стало неизбежно развивать метафизическое мировоззрение, основанное на мифических и религиозных образах.

Смысл метафизики коллективной жизни вокруг культа матери-женщины, а также основанных на этом понятий святости и божественности, лучше воспринимается на основе этого толкования. Природная плодовитость матери, ее способность вскормить ребенка, доброта, важное место в жизни являлись главенствующим признаком материальной и духовной культур. Мужчина не был тогда даже тенью в структуре общественного коллектива, не говоря уже об отсутствии у него статуса мужа, которого и не могло быть. Форма жизни общества не позволяла этого. Следовательно, такие роли мужчины как представителя господствующего пола, мужа, владельца собственности, владельца государства, имеют сугубо социальный характер и развились в последующем. Говоря об обществе той эпохи, мы подразумеваем мать-женщину, ее детей, братьев и сестер. Можно предположить, что потенциальный кандидат на роль мужа, принимался в общество не столько для исполнения роли мужа, сколько в качестве мужской рабочей силы, например, он должен был показать свои способности на охоте, при выращивании растений, одомашнивании животных. Тогда еще не было развито такое социальное явление, дающее мужчине право говорить: «Я муж моей жены или отец своих детей». Не следует забывать следующее: если даже в то время существовали такие психологические понятия, как материнство и даже отцовство, чего нельзя полностью отрицать, они в основном были на уровне социологических понятий и фактов.

Когда же неолитическое общество вступило в узкую полосу кризиса и были предприняты попытки перехода на новый этап? Можно разобрать этот вопрос с точки зрения внутренних и внешних причин. Возможной угрозой для матриархата могло быть преодоление мужчиной его слабого положения в обществе, путем достижения успехов в охоте и укрепления его окружения. Обретению подобной силы могло способствовать умение хорошо выращивать растения и разводить животных. Однако наши наблюдения показывают, что неолитическое общество могло исчезнуть скорее под воздействием внешних факторов. Несомненно, таким фактором является строительство жрецами священного государства. Повествования о первых цивилизованных обществах в Нижней Месопотамии и на побережье Нила вполне подтверждают это предположение. Как мы уже подчеркивали, развитая культура неолитического общества, и искусственное орошение на аллювиальных почвах способствовали появлению излишка продукта. Новое общество, ставшее на путь урбанизации благодаря значительному излишку продукта, организовалось в форме государства и в основном благодаря мужской силе, что и обусловило его характерные особенности. Развивающаяся урбанизация есть ничто иное как коммодификация, которая, в свою очередь, развивает торговлю. Что касается торговли, то она в виде колоний просачивается в неолитическое общество и путем постепенного нарастания темпов превращения продукта в товар, распространения обменной ценности (в неолитическом обществе действовала ценность использования объектов; вместо обмена практиковалось дарение) и собственности ускорило разложение неолитического общества. Колонии Урука, Ура и Ассирии ярко это подтверждают.

Основной регион развития неолита — Среднее и Верхнее Междуречье — приобщился к цивилизации именно таким образом. Другие клановые сообщества, достигшие или не достигшие уровня неолита, вследствие агрессии цивилизованного общества, в подавляющем большинстве приходящей извне, столкнулись с такими методами цивилизации, как завоевание территории, аннексия, колонизаторство, ассимиляция и полное уничтожение. Наши наблюдения показывают, что во всех регионах проживания человечества

имели место такого рода процессы. Неолитическое общество, которое мы можем считать стволовой клеткой, из которой сформировалось общество, и сообщества, оставшиеся с более ранних времен, подвергаясь в дальнейшем, на более развитых стадиях, постоянной агрессии со стороны цивилизованного общества, фактически были разрушены, и до наших дней дошли лишь их руины.

Лично я думаю, что общество, существовавшее до цивилизации, полностью уничтожить невозможно. Это зависит вовсе не от того, что они были сильны, а от того, что жизнедеятельность общества совершенно невозможно представить без них, как в случае со стволовыми клетками организма. Цивилизованное общество может развиваться только в форме сосуществования с предыдущим общественным укладом. Это почти то-же самое, что «нет капитализма без рабочего класса». Деятельность цивилизованного общества на базе нецивилизованных или наполовину цивилизованных обществ с диалектической точки зрения возможна. В таком обществе иногда могут происходить убийства людей, но полное уничтожение народа противоречит природе социума.

Вместе с тем нельзя умалять значение идеологической культуры неолитического общества, существующего на протяжении всей истории. Материнское право, общественная солидарность, братство, бескорыстная любовь, направленная строго на цели общества, уважение, рассуждения о добре, то есть нравственность, безвозмездная помощь, уважение к тем, кто создает материальные ценности и обеспечивает жизнедеятельность общества, связь таких понятий, как святость и божественность, с их неискаженным содержанием, уважение к соседям, стремление к равенству и свободе и другие бессмертные ценности являются фундаментом жизни неолитического общества. Вместе с тем это ценности, которые не теряют своего смысла, пока продолжается жизнь общества. Поскольку ценности цивилизации перегружены такими многочисленными, но совершенно бесполезными для общества культурными феноменами, как гнет, эксплуатация, захват, грабеж, насилие, резня, безнравственность, уничтожение людей, ассимиляция, роль этих ценностей в обществе носит временный характер. Это, прежде всего, качества, свойственные болезненному, проблемному обществу.

В той части нашего труда, где речь пойдет о социологии свободы, мы подробно рассмотрим, как общество, освободившееся от своих больных и искаженных «ценностей», может аккумулировать оставшиеся у него вечные ценности и слиться воедино с обществом равенства и демократии.

Б. Интересно рассмотрение трех стадий цивилизованного общества. Это ранняя, средняя и последняя стадии. Не следует забывать о том, что цивилизованное общество представляет собой единое целое, и такое разделение облегчит его анализ, сохранит и хаотический, и цельный характер с точки зрения «длительного срока».

Такие понятия, как благородство, тонкость, джентльменство, уважение к правилам, размеренность, планомерность, ум, почитание права, миролюбие, приписываемые цивилизованному обществу, полностью вымышлены и имеют разве что пропагандистскую ценность. Истинное лицо цивилизованного общества формируют такие черты, как сила, ложь, навязывание своего мнения, интриганство, войны, грабежи, захват в плен, уничтожение, рабство, безжалостность, агрессия, аннексия, бессовестность, игнорирование законов, упование на принцип силы, использование таких понятий, как святость и божественность, полностью искаженных в интересах узкого круга людей, преследующих корыстные цели, склонность к насилию, общественный уклад, построенный на половой сегрегации, поляризация общества, приводящая к тому, что на фоне товарного изобилия и собственности люди умирают с голоду, огромные массы поработанных людей, безземельные крестьяне, безработные рабочие — и это все целиком и полностью противоречит естественному ходу жизни и приводит к серьезным социальным болезням и искажениям действительно-сти. Цивилизованное общество постоянно прикладывает скоординированные усилия для того, чтобы посредством пропаганды и лживой, скверной метафизики скрыть свое истинное лицо.

Цивилизованное общество — это общество, возникающее в результате классового расслоения города и управляемое организацией под названием «государство». Родственные связи и солидарность, характерные для этнических родоплеменных сообществ,

могут способствовать максимальной дифференциации до стадии формирования иерархии. Сами они не могут привести к классово-му расслоению и зарождению государства. Родоплеменная культура не соответствует культуре классового государства. Основное содержание классового расслоения сводится к установлению собственности на излишки продукта. Это аннексия или собственность на средства производства, с помощью которых создается излишек продукта, в первую очередь земля. Как всегда говорилось, собственность — это кража, совершенная у общества. Излишек продукта становится результатом этой кражи, ее детищем. Организация, называемая государством, представляет собой коллективное орудие охраны собственности и распределения запасов излишка продукта между его владельцами. Собственность, возведенная в ранг организации, является залогом владения излишком продукта и прибавочной стоимостью. Естественно, на протяжении всей истории во имя этого требовались великие армии, бюрократический аппарат, оружие, средства узаконения. Создавалась зависимая от этого наука, философия, искусство, право, мораль и религия. Бессмысленная метафизика исказила социальные роли всех этих категорий и их связь со свободой. Несмотря на то, что связь цивилизованного общества с идеологической и материальной культурой запутана и искажена, самое главное заключается в его искусственном характере, что свидетельствует о постоянном росте значения материальной культуры. Мы не говорим об отсутствии идеологической культуры, но ее существование отличается двумя основными особенностями. Это второстепенность и искаженность.

Чтобы осознать эти обстоятельства, надо их кратко раскрыть. Как известно, структурализм и функциональность — это основные понятия семантики. Каждая структура имеет свою функцию, каждая функция является свойством какой-то структуры. При хаосе структура и функции переживают кризис. Они сталкиваются с угрозой распада и разложения. В этот момент появляются некоторые временные смешанные структуры и противоречивые функции. Описанная мной ситуация свойственна всей вселенной. Например, формула воды — H_2O . В какой бы части

космоса мы ни были, если есть H₂O, мы можем считать, что формула воды такова. Что касается функциональности, то, говоря «вода», мы подразумеваем самую чистую жидкость. Сюда входят все ее качества, например, замерзание и превращение в пар, нарушения структуры и, следовательно, потеря или ограничение функциональности. Изготовление стола из дерева или железа является структурным действием. Полезность стола относится к функциональности. Те же самые деревянные или железные детали, перестав быть частью стола, теряют свою функциональность. Если даже они как детали не исчезают, их функциональный характер исчезает. Можно изготовить стол из сучковатого дерева, но в данном случае неизбежны и структурные, и функциональные нарушения.

Любое образование во вселенной несет в себе одновременно и структурные, и функциональные особенности. В самом широком смысле: если мы воспримем материю как структуру, то для придания ей функциональности мы сразу же вспомним про энергию. Энергия является функциональной характеристикой материи. Научкой доказано, что в связке энергии и материи энергия играет основную роль. Материальных образований без энергии не бывает, но энергия существует вне материальных образований. Еще понятнее: материя может исчезнуть (в структурном смысле), а энергию уничтожить невозможно. Естественный прогресс функциональности энергии, насколько нам известно, делает обязательными материальные сущности. Даже одушевленность связана только с определенными хорошо развитыми материальными образованиями и обстановкой. Нельзя представить себе одушевленное существо без материальной составляющей, точнее, без его материальной структуры. Если даже оно есть, то нам ничего об этом неизвестно. Обобщая, можно подчеркнуть, что составляющая наиболее развитых материальных структур может соответствовать их наиболее развитой функциональности.

Платой за материальную структуру и функциональность в обществе является материальная и идеологическая культура. Наши рассуждения об общественном характере касаются того, что в цивилизованном обществе в противоположность чрезвы-

чайному развитию материальной структуры совершенно не развита ее функциональность, а потери усугубляются нарушениями структур. Основная причина этого заключается в отсутствии связи с основными структурными и идеологическими культурами, делающими возможным общественный характер жизни, и чрезмерном силовом давлении на них. Можно привести такое сравнение: если налить в воду нефть, то она испортит воду, нарушит ее функциональность. Хотя нефть, как и вода, является жидкостью, но ее функции совершенно иные. Если развитие материальной культуры совпадает с развитием идеологической, мы не сможем отобразить связанную с этим опасность или негативное воздействие на общество. Обычно так и происходит. Однако развитие материальной культуры и ее сосредоточение в руках узкой группы общества в широком смысле приводит к нарушению структуры и функциональности общества, а в узком означает расширение материальной культуры и растворение идеологической культуры.

Я хотел бы дополнительно раскрыть мысль на еще одном примере. Египетские пирамиды — это грандиозные материальные творения, за эти пирамиды заплачена цена в миллионы людей, потерявших дееспособность, смысл жизни, свободу, то есть свою идеологическую культуру. Вот что есть цивилизация! Она воздвигает грандиозные сооружения. Она может утвердить свое величие путем строительства храмов, городов, стен, мостов, возведения полей, строительством складов, даже произведенной продукцией. Такие общества возможны в рамках цивилизации, но если в этом обществе поискать функциональность и ценность идеологической культуры, то сразу станет видно, что они или утрачены, или серьезно искажены. Меньшинство оторвалось от большинства общества, установило безжалостный гнет и эксплуатацию, оторвало общество от его идеологической культуры или, искажая действительность, преподносит ему нечто, крайне далекое от истинной идеологической культуры.

Что касается материальной и идеологической культуры, питающей меньшинство, то она способствует формированию общества, больного во всех отношениях. Такое общество охвачено материальными интересами, совершенно оторвано от проблем

окружающей среды и освободительной идеологии. Ситуации, которые я называю «общественными проблемами», являются итогом этого диалектического развития. Именно поэтому цивилизованное общество отрывается от окружающей среды. Этот отрыв не имеет качественного характера, как это принято считать, скорее, он имеет онтологический характер, то есть сам факт существования цивилизованного общества требует коренного отрыва от окружающей среды. Как бы мы ни осознавали окружающую среду и проблемы экологии, будь то в прежнем виде, в цельности природы и общества, или в научном смысле, в виде слияния природы и социума, необходимо низвержение обществом фундаментальных критериев цивилизации, то есть классов, города и государства. Я не говорю о грубом уничтожении, а выдвигаю гипотезу, касающуюся гармоничного развития и сочетания материальной и идеологической культур нового общества. Внутренне гармоничная и развивающаяся в полном соответствии друг с другом материальная и идеологическая культура общества, осуществляя свое слияние с природой, видит эту природу свободной (по словам Мюррея Букчина, «третья природа»), вместе с тем способствует преодолению дисгармонии и противоречия между природой и обществом.

В первом периоде строительства цивилизованного общества в рамках общей концептуальной перспективы практически во всех случаях мы видим признаки грандиозной материальной культуры. Огромные египетские пирамиды, шумерские зиккураты, китайские подземные города, индийские храмы, похожие на них латиноамериканские города и храмы — все это явно свидетельствует о материальной культуре. Что касается смысла содержимого этих строений, то есть идеологической культуры, то он заключается в мумифицировании трупов, скульптурном изображении богов, походах правителя со своей армией в загробный мир. Смысл мертв или сильно искажен. В таких ситуациях осмысление происходит с помощью подчеркивания понятия «я» в психологии человека. Ясно, однако, что истинный смысл заложен в социальных преобразованиях. Понятно, что без общества или его преобразований такие произведения были бы недоступны уму. Обожествление

царя тоже является определенным состоянием мышления. Но это мышление сильно искаженное, которое разрушает основное идеологическое мышление, поддерживающее существование общества. Это мышление, против которого, ценой разрушения истинного общественного мышления и идеологической культуры, с большим гневом выступили монотеистические религии. Мы считаем переходом идеологической культуры на второй план и его искажением то, что большие накопления общества, базировавшегося в городе, организовавшего себя в качестве классового государства, считают материальной культурой, искаженное мышление, плохую метафизику, отчуждение от природы, позиционирование себя над природой, стремление представить самого себя неким произведением вне природы.

Невозможно говорить, что эта стадия была воспринята спокойно, безболезненно, с радостью или восхищением. Мифологическое объяснение весьма затуманивает действительность. И мифы, и священные религиозные документы являются своеобразными повествованиями о сопротивлении. Осознанной может быть оценка изначального сопротивления как подъема идеологической культуры. Сопротивление было многоплановым. Прежде всего, великое сопротивление женщины против ее домашнего ареста и передачи в полную власть мужчины можно конкретно видеть на примере богини Инанны. Возведение стен вокруг только, что построенных городов становится символом культурно-идеологического сопротивления этноса. Если тщательно проанализировать мировоззрение, основанное на образе бога-творца и человека-раба, можно видеть признаки серьезной классовой борьбы. Искусственное создание образа бога-творца было навязано вместо опустошенной, выхолощенной связки Бог — природа. Представители правящего класса, не являвшегося по своей сути созидателем, введя общество в полное идеологическое заблуждение, провозгласили себя богами в масках созидателей. А истинных созидателей, тех членов общества, которые обладали осознанными чувствами святости и почитали богов, охарактеризовали как простолюдинов, которых они создали из своих экскрементов, — и эта серьезная классовая война отображена языком мифов.

Иными словами, серьезный упадок идеологической культуры затуманивается. Мифические объяснения первых шагов строительства цивилизации, в особенности усилия, связанные с созданием богов, можно воспринимать как идеологическую форму классовую борьбу. В тот период, впрочем, не было другого языка для анализа. Описываемая в мифах городская конкуренция и разрушения свидетельствует о серьезной классовой борьбе. Жизнеописание в легендах, пантеоны, городская архитектура, гробницы стали конкретным выражением пропасти, развершейся между классами, в частности, между городским и сельским обществами. Повествования о фараонах и нимродах документировали факт глубочайшего расслоения общества. Изображения поработанных племен также свидетельствуют о трудностях и незащищенности перед лицом агрессивных цивилизаций.

С самых ранних периодов зарождения цивилизованного общества в авангарде сопротивления, дошедшего до наших дней, находятся пророки. Повесть о пророках начинается с Адама и Евы, двух первых людей на Земле, — и эта особенность несет на себе отпечаток идеологической культуры того времени. Если правильно оценить образы Адама и Евы с точки зрения цивилизованного мышления, принимающего божественные черты в сравнении с неолитическим обществом, то мы увидим, что в них кроются первые отгадки противостояния между господином и рабом. Диалоги Адама с Богом и его отношения с Евой свидетельствуют как о расширении пропасти между господином и рабом, так и символизируют процесс выталкивания матери-женщины на второй план. В этой связи интересен и образ Ноя, который погружает неолитическое общество в свой ковчег и, желая спасти его от гнева грозного господина, направляется на вершину горы, в недостижимое для цивилизации место, и начинает там строить новую жизнь. Эта легенда, впрочем, напоминает шумерское общество и неолитическое общество, сопротивляющееся в попытке сохранить себя. Донеся начало этих двух пророческих традиций до стадии строительства цивилизованного общества, мифология показывает, что сопротивление существовало всегда и имело столь же постоянный характер, что и постоянство

цивилизации. Подобно тому, как истории династий представляли собой истории высшего класса, истории пророков являются историями мятежных культур, племен и героев. Общее — в том, что они выступили против идолопоклонничества.

Необходимо отличать идолопоклонничество цивилизованного общества от тотемов и прочих родоплеменных символов. Боги, одновременно помещенные в пантеон цивилизованного общества, напоминают копии правящих фигур своего времени. Впрочем, все они имеют человеческий облик. Более того, это просто изображения реальных правителей. Так что нападение пророков на эти скульптурные изображения, по сути, было аналогично нападению на правителей. Борьба с идолопоклонничеством стала антигосударственным шагом. Это оппозиционный шаг в отношении всех понятий и знаков, символизирующих общество, находящееся на стадии структуризации. Это самое настоящее сопротивление. Борьба между жрецами и политическими царствами имела другой характер. Жрецы требовали у царей своей доли созданного ими общества. Эта борьба происходила между высшими слоями общества. Это была внутrigосударственная борьба. Поскольку жрецы были творцами идеологической культуры, пусть и косвенно, но они повлияли на формирование института пророков. Жрец в основном является религиозным деятелем государства. Гражданское общество его не особо интересует. Фигура пророка совершенно противоположна. Пророк является представителем интересов общества, выдворенного за рамки управления государством.

Специфическая сторона традиции, которая должна была начаться с пророка Авраама и систематизировалась с пророком Моисеем, заключается в волеизъявлении, позволившем осмелиться на разрыв с шумерским и египетским обществами и создать собственное общество. Это самая настоящая идеологическая культурная революция. Нимрод и фараон стали символическими прозвищами правителей этих двух обществ, государства. У них есть структурные особенности. Они выражают абсолютную власть. Авраам и Моисей своей идеологической культурой, то есть интеллектуальным сопротивлением, проде-

монстрировали свое неприятие власти этих монархов. Это было очень ценным для своего времени мятежом. Подобно тому, как сегодня очень важен лозунг «Другой мир возможен», в тот период очень важным было объявление этими пророками, что за пределами официальной власти фараонов и нимродов есть другой мир. Для этого пророки очень тесно общаются со своими общинами. Прежде всего, это было движение, породившее надежды. Нельзя отрицать роли повествования о пророках в мощи современного Израиля, по меньшей мере, в том, что оно питает его идеологию и культуру. Все повести и утопии авраамической традиции свидетельствуют о том, как жизнь родоплеменной структуры всячески пресекалась цивилизацией, рассказывают об их жизни и воспоминаниях. Пророки находились под влиянием обеих цивилизаций, но надо точно истолковать то, что они в корне отвергли. Их целью не было создание подобной цивилизации. Очень важно это положение для понимания столкновения царей Израиля с жрецами. И сегодня продолжается такое коренное противостояние между израильским государством и обществом. Пророки были историческими свидетелями жизни хеттов, митанни, ассирийцев, мидян-персов и, наконец, греков. В их памяти отложились пласты этих цивилизаций.

История сложилась так, что XVII-XIII вв. до н.э. стали наиболее ярким периодом расцвета материальной культуры. Взаимоотношения хеттов, египтян и митанни являются первым живым примером международной дипломатии. Иудеи были тем племенем, которые были ближе всего к этому процессу и все осознавали. Анализ роли Авраама и Моисея вне движения той эпохи свидетельствовал бы о недостаточном понимании их роли. Ответ, который они дали, стал ответом идеологической культуры.

Иисус Христос и Мухаммед стали двумя великими реформаторами этой традиции. Впоследствии мы вернемся к рассмотрению их роли в возвышении идеологической культуры.

Вавилон и Ассирия стали двумя важными звеньями в процессе усиления материальной культуры. Растущие города и торговля представляли собой две крупные стадии в период суще-

ствования этих двух монархий. Вавилон был Парижем той эпохи. Ассирийцы стали самыми безжалостными порождениями эпохи — сначала царей-торговцев, затем империй. Это традиция власти, лучше всего развившая материальную культуру на Ближнем Востоке. Ассирийцы сыграли серьезную роль в задвигании идеологической культуры на второй план и ее полном искажении. Культура Зороастра, на которой была основана мидо-персидская традиция, объявила серьезную борьбу за возвращение идеологической культуре главенствующей роли. Зороастр, Будда и Сократ, жившие почти в одно время, были как великими философами нравственности, так и мудрецами, которые на собственных примерах продемонстрировали преимущество идеологической культуры перед материальной. Они разбудили и озвучили совесть человечества, которая была подавлена цивилизацией. Собственной жизнью они замечательно доказали, что верили в возможность существования других миров, противостоящих подавляющему господству мира материальной культуры, который в период их жизни вошел в стадию зрелости. Они также доказали своей жизнью, что занимались поисками этих миров.

Сопротивление агрессии, имевшей место в регионе, в первую очередь деятельности скифов, стало свидетельством того, что идеологическую культуру не так легко уничтожить. Семитская культура была представлена в потоке цивилизации амореями, арийская культура — хурритами, северокавказская культура — скифами, а звенья цепи сопротивления были столь же непрерывны и сильны, как и звенья цепи цивилизации. Роль, которую сыграли готы в судьбе Римской империи, амореи, арабы, хурриты, мидяне и скифы сыграли в судьбе империй Ближнего Востока. Впрочем, в череде социальных восстаний на Ближнем Востоке немалая доля принадлежала религиозным движениям вроде христианства.

В. Греко-римское общество представляет средний, зрелый период истории цивилизации. Можно назвать его и цивилизацией классической эпохи. Представители античности смогли развить самые яркие стороны цивилизации. Для своего времени греки, и римляне смогли создать самую великую эпоху матери -

альной культуры. Эта цивилизация, сумевшая достичь самого успешного синтеза всех предыдущих материальных культур, стала последним словом цивилизации на своем этапе. И по сей день трудно назвать какую-либо цивилизацию, которая могла бы сравниться с Римом в достижениях материальной культуры. Что касается капиталистического индустриализма, который пытаются представить как революционный шаг, это вовсе не цивилизация, а болезнь цивилизации.

Афинский период определил окончание идеологической культуры Древнего мира. Философия в какой-то степени оказалась его результатом. Это подобно фигурам пантеона, то есть богам, утратившим свою культурную ценность. Как и в любом другом деле, упадок становится закономерным результатом кульминации, ибо падение является завершением любого апогея.

Совершенно очевидно, что рабовладение — это полная система материальной культуры. Основной особенностью этой системы является унижение человечества. Такая бездна падения не наблюдалась нигде больше в живом мире. Такое благоприятие разложению совести тесно связано с грозным величием и роковой притягательностью материальной культуры. И по сей день трудно не испытывать трепета перед грандиозными памятниками этой культуры, с другой стороны, невозможно не испытывать восхищения. Только обожествление человека возможно в той же степени. Но обожествление человека при одновременном преследовании человека превращается в трагедию. Все прочие для богов являются рабами. Никакие противоречия в процессе социальной борьбы не достигли таких масштабов. Для того чтобы лучше осознать степень падения, достаточно верно оценить такое явление, существовавшее в классической греческой культуре, как превращение юношей и подростков в объекты для половых утех. Связь этого явления с порабощением женщины — не просто в форме полового порабощения. Связь поразительна, потому что и порабощенная женщина, и мальчик, превращенный в пассивного полового партнера, оказываются в одинаковом социальном положении.

Рассмотрев подробнее проблему женского рабства, мы невольно обратим внимание на то, насколько угнетающим является это положение и насколько оно лишает человека человечности. Жизнь в домашнем заточении — это не просто лишение свободы локального характера. Это даже не тюрьма. Такое положение отражает глубину насилия, совершаемого над женщиной. Как бы ни пытались с помощью торжественных мероприятий обручения и свадьбы скрыть рабскую зависимость женщины, для уважающего себя человека один день домашнего плена равносильно потере достоинства. Женщину тысячелетиями систематически силой лишают ее производительных, педагогических, административных и освободительных ценностей, более того, этот процесс осуществляется с помощью гораздо более серьезных средств идеологического унижения (включая клятвы в «любви»), что результатом становится полная капитуляция женщины перед мужчиной. Полная потеря идентичности превращает женщину в «жену». В глазах даже самого примитивного мужчины, пастуха в горах, женщина выглядит не больше, чем «жена». А ведь превращение женщины в «жену» означает ее уязвимость перед установлением над ее личностью любого рода прав собственности (включая право убивать в любую минуту). Женщина — не просто имущество, а особенное имущество. Она несет в себе потенциал, позволяющий ее хозяину возомнить себя домашним тираном. Достаточно знать, как пользоваться такой женщиной!

Это один из краеугольных камней цивилизации. С ним связано то, что материальная культура является одним из основополагающих факторов, позволяющих творить беспредел. Успешный опыт порабощения женщины возжелали распространить на все общество. Вторым ужасающим этапом распространения влияния стало именно это. Общество должно было стать для своих господ столь же функциональным, как женщина. Мы постараемся показать, как в капиталистической системе полностью завершилось превращение общества в подобие послушной женщины. Но основа этого была заложена еще на стадии первой цивилизации, а в греко-римской культуре такое общество пытались выставить в качестве образца. Говорить о превращении

общества в послушную женщину можно было бы только в случае превращения мужчины в такое существо. Греко-римский мир был именно тем обществом, которое прекрасно ощущало эту ситуацию и приняло соответствующие меры. Прекрасно известно, что положение рабов гораздо хуже, чем положение женщины, превращенной в «жену». Проблема заключалась в превращении мужчины, не являвшегося рабом, в такую же «женушку». Я не говорю об инцесте, половых извращениях или бисексуализме. Надо отдельно анализировать некоторые явления, имеющие психологические, даже биологические причины, от явления, о котором я говорю. Модным в классическом греческом обществе было наличие у каждого свободного юноши хозяина — полового партнера. До обретения опыта этот юноша должен был оставаться пассивным партнером своего хозяина. Как я уже отмечал ранее, даже Сократ говорил по этому поводу следующее: «...тут важно не частое использование юноши, а становление его духа». Совершенно ясно, чем здесь руководствовались. Поскольку рабовладельческое общество никогда не исходит из понятий свободы, принципами чести и достоинства, эти особенности должны были быть вытравлены из памяти общества, поскольку они угрожали устоям общества. Это было правдой, потому что там, где есть свобода и достоинство человека, там по определению не может быть рабства. Система это осознала и должна была предпринять все меры в свою пользу.

Несомненно, греко-римская культура не смогла завершить эту миссию. Внутри общества посредством свободных философских школ развивалось христианство, а постоянные набеги извне и мятежи ставили общество перед лицом разнообразных угроз. Немало было признаков, что материальная культура не может подменить собой все, у нее не хватит сил сделать все. Общество, без необходимости превращения его в «мальчика», будет превращено в «послушную женщину» только при капитализме.

Агрессия внешних племен и внутренняя мятежная деятельность христианства — все это было предназначено для того, чтобы разложить общество, которое в основном приводило к исчерпанию человеческого потенциала. Последующие компромиссы

не могли игнорировать идеологические культурные ценности и цели сопротивления. Наиболее правилен подход, позволяющий видеть в последующих серьезных этапах этих движений, не обладавших никаким величием с точки зрения материальной культуры, роль растущей идеологической культуры. Аналогичный пример — взаимоотношения и столкновения сасанидо-исламских и туранистических миграционных потоков. Простыми терминами «угнетение» и «эксплуатация» мы не сможем раскрыть глубину падения или степень роста обществ. Практика гораздо более содержательна. То, что капитализм оказался нераскрытым, но и не распался как система, тесно связано с неумением постичь его содержание во всей полноте (анализ цивилизованного общества). Рассуждения о капитализме похожи на верхушку айсберга. Основной массой является цивилизованное общество, которое при этом остается под водой.

Г. Вопрос о том, что такое христианство и ислам — цивилизация или мораль, — остается спорным. Не так легко, как это порой считают, пролить свет на эту проблему, которая и по сей день сохраняет серьезное значение. Христианские и исламские теологи, и верующие пребывают в смятении. Вот самые важные среди нераскрытых вопросов: где и до каких пор эти две религии были системами верований и нравственности, какова суть их отношений с цивилизованным обществом и тем обществом, которое не прижилось в рамках цивилизации, в каком смысле они создали цивилизацию и оппозицию против цивилизации?

Эти две значительные системы верований и нравственности — по моему мнению — зародившиеся в условиях существования Сасанидской империи, Древней Греции и Рима, являются крупнейшей идеологической культурой, противостоящей грандиозной материальной и деградировавшей идеологической культуре рабовладельческой системы. Если бы христианство и ислам стремились создать новую цивилизацию, то они взяли бы за основу строительство городов и классов, как это наблюдается во всех случаях строительства классических цивилизаций. Да, у них были цели, направленные на создание городов и классового общества, но они стремились объединить эти цели со своими ре-

лигиозными и нравственными ценностями, а не просто создать цивилизованное общество. Преимуществом этих двух религий является не стремление к власти, то есть захват материальной культуры, а напротив, обеспечение гегемонии идеологической культуры, которая защищает человечества от давления материальной культуры, приобретшей грандиозные масштабы, утратившей свой смысл и находящейся в состоянии дисгармонии с идеологической культурой.

Таким образом, характеристика христианства и ислама как систем цивилизации, чревата недостатками и ошибочным восприятием.

Необходимо особо подчеркнуть, что упадок Рима не был ординарным явлением или обычным упадком цивилизации. В Риме произошло падение традиции цивилизованного общества, насчитывавшей, по меньшей мере, четыре тысячелетия. Точнее, эта традиция была разрушена. Поскольку подробное изучение внутренних и внешних причин этого падения не входит в предмет нашего исследования, коснемся темы вкратце. Обстоятельство, которое мы рассматриваем, относится к связи ценностей цивилизованного общества с упадком и месту, где этот процесс имел место. Можно уверенно утверждать, что Рим представлен во всех ранних и классических цивилизациях за исключением Китая (до Китая Рим дошел в I веке до н.э.). Этот процесс имел место с точки зрения не только рабовладельческой структуры, а всей материальной и идеологической культуры. Хочу особо подчеркнуть, что основной причиной отсутствия содержательного изучения действительности является то, что социальный анализ осуществляется исключительно с фактической стороны, в смысле конкретного факта угнетения и эксплуатации. Самое большое заблуждение позитивизма заключается именно в этом. Не исключено, что наиболее проблемные стороны европейского мышления связаны с этим позитивизмом. Не изучив все общественные формации во всей полноте их материальных и идеологических культур, противоречий и конфликтов, гармонии и несоответствия, невозможно дать их осмысленное толкование, то есть нельзя будет построить парадигму более свободной жизни.

С концептуальной точки зрения можно утверждать, что вместе с Римом пали его культуры — и материальная культура, достигшая грандиозных масштабов, и идеологическая культура, совершенно потерявшая связь с осмысленной жизнью. В принципе, градостроительная архитектура Рима стала апогеем всех предыдущих архитектурных традиций, существовавших четыре тысячелетия, в первую очередь, традиции Египта. В той же мере римский пантеон стал последним, но самым выдающимся составлением верхнего яруса шумерских зиккуратов четырехтысячелетней давности и образов богов, находившихся на этом ярусе. На мой взгляд, это не требует особого подтверждения. С этой точки зрения, распавшиеся материальные и идеологические культуры насчитывают, по меньшей мере, четыре тысячелетия. Обратив внимание на их падение и то, кто стал их разрушителем, можем провести аналогичный анализ. От первых нападений амореев и хурритов до последнего нападения готов существовала единая волна агрессии. Возраст сопротивления и агрессий также не менее четырех тысяч лет. Мятежи, начиная с пророка Ноя до пророка Мухаммеда, ставшие звеньями единой цепи, имеют довольно длинную историю. Не только время, но и пространство мятежей таят в себе глубокий смысл. В формировании материальной и идеологической культуры кочевых племен остается глубокий след от ареала их пребывания — будь то аравийские пустыни, предгорья Тавра и Загроса, среднеазиатские пустыни или глубины европейских лесов. Повествования обо всех пророках демонстрируют, с каким трудом формировались вокруг них общины единоверцев. Социология с европейским центром даже не пытается внести эти вопросы в свою повестку дня. Поэтому не будет ошибкой говорить о знаниях именно европейского типа. Без осмысленного толкования истории цивилизации, без написания реальной истории Рима мы не сможем определить культурные источники материальной и идеологической культуры Европы.

Историография считает два века, предшествовавшие распаду Рима, столетиями тьмы и хаоса, следовательно, падение цивилизаций — это вовсе не дело одного-двух лет.

Применительно к Сасанидской империи, как своего рода восточного двойника и аналога Рима, актуальны те же комментарии. Эта империя зародилась восточнее шумерского государства жрецов. Зороастризм, пусть и в ограниченной форме, но усилил ее характер. Однако подобно тому, как Будда не смог предотвратить строительство раджами цивилизованного общества с преимущественными элементами материальной культуры, как Сократ не смог устранить нарушения в нравственном фундаменте афинской культуры, Зороастр также не смог препятствовать силе материальной культуры грандиозных империй персов и Сасанидов. История свидетельствует, что последние периоды существования персидской империи Сасанидов практически ничем не отличались от Рима. Агрессия Турана с северо-востока, а также внутренние распри между сектами, похоже, могли стать концом существования империи. Когда движение Мани (середина III века н.э.), давшее импульс сильной идеологической культуры, было подавлено, империя лишилась столь необходимой ей молодежи. Если бы не активность ислама, несторианские монахи, так же как католические монахи (как некогда владельцы материальной культуры стали властителями нравственной культуры), могли бы завершить культурную экспансию Ирана и его столицы. Развитие определили исламские завоевания.

После такой характеристики падения двух крупных рабовладельческих цивилизаций приступим к изучению условий исходов и характеристики двух известных движений — христианства и ислама, позиционировавших себя как идеологические альтернативы империям.

В процессе развития в Риме появились широкие маргинальные слои, которые не относились к традиционным кочевникам. Они также не обладали никакими этническими особенностями. Речь идет о новых деклассированных элементах, которых римляне называли пролетариями. Их нельзя считать носителями идеологии. Они барахтались в совершенной идеологической пустоте, это были своего рода безработные в структуре рабовладельческой формации. Любая идеология, обратившая внимание на них, могла склонить их на свою сторону. В имперский период Рима общество буквально кишело этими маргинальными группами. Они впервые в истории

создали новый социальный слой. Постепенно формировались секты, фундамент которых составляли маргиналы. Типа ессеев, которые действовали незадолго до Иисуса.

До сих пор спорят: был ли Иисус человеком или фигурой, созданной конкретной обстановкой. С точки зрения нашей темы это не так важно. В период теоретического или действительного рождения Иисуса Рим под властью императора Августа находился в расцвете величия. Небольшое Иудейское царство, которое было меньше завоеванного региона Восточного Средиземноморья, было разгромлено в результате крупных восстаний. Оно управлялось общим прокуратором. Известно, что иудеи достигли высшего мастерства в ренегатстве. Поскольку иудейское ренегатство имело опыт еще со времен нимродов и фараонов, оно не преминуло оказать влияние и на ренегатство в римском обществе. В противовес ему существовала еще одна мощная освободительная тенденция — еще со времен Авраама и Моисея. Иисус стал продолжателем этой традиции. Иерусалим был подобно девушке, постоянно готовой идти под венец. Из высказываний Иисуса видно, что в идеологическом смысле он постоянно стремился к этой «девушке». Можно истолковать такое поведение следующим образом: именно оно стало причиной его последних действий и распятия на кресте. В самом начале у Иисуса не было ни организованного общественного движения, ни внятной идеологии. Была небольшая группа находившихся в аналогичном положении последователей, связанных с ним крайне слабыми узами. Это были первые лидеры, называемые апостолами. Нельзя сказать, что они занимали серьезные позиции на иерархической лестнице, в этническом и официальном истеблишменте. Распятие было часто используемой в регионе системой наказания. Оно было ужасным изобретением Рима, так же, как и отдание живых людей на съедение львам. Известно, что группа, опасавшаяся подобной расправы, сбежала во внутренние области и на побережье Сирии. Авраам, опасаясь гнева Нимрода, напротив, нашел убежище в регионе, где позднее был построен Иерусалим. В тот период естественными были аналогичные случаи падений и взлетов. Только через сто лет были написаны первые Евангелия. Например, одним из первых было не существующее сегодня Евангелие от Маркиона.

Как следствие действий римской империи во II–III веках появляются первые святые. IV столетие становится веком христианства. Провозглашение императором Константином христианства официальной религией буквально становится взрывом — как в расширении сонма святых, так и в увеличении числа верующих. В этот период начинается разделение христианства на секты и конфессии; на повестку дня встает и вопрос о христианстве как государственной религии. Как известно, в христианстве есть вера в святую троицу. Отец, мать и сын могут быть восприняты как фигуры богов. Теологические рассуждения не входят в круг нашего исследования, но отметим, что основы этой веры уходят в далекую древность. Шумеры были первыми, кто выразил эту веру в зиккуратах. Мать-богиня Инанна, отец-бог Эн и сын-бог Энки были первой троицей пантеонов. Нельзя игнорировать то, что христианство испытало серьезное влияние языческих верований. Однако намного интереснее, что Иисус вышел из еврейской среды, или, во всяком случае, утверждения об этом. Авраамическая традиция яростно противостояла язычеству, а в религиозном течении, восставшем во имя Иисуса, обе традиции, кажется, достигают согласия. На мой взгляд, это утверждение правильное.

Это обстоятельство, охватившее сознание абсолютно всех, способствовало появлению в дальнейшем спорам между конфессиями, раздроблению и конфликтам. Смысл всех споров сводится к вопросу, какова сущность Иисуса — божественная или человеческая. Те, кто склоняется к божественной сущности Иисуса, считают принявшими официальное христианство. Константин сам признал божественную суть Христа. Как известно, государственная религия — это религия, получившая официальный статус, это было заложено еще шумерскими жрецами. Первое расслоение верований на двух социальных основах началось в Шумере. Что касается обожествления человека, то это пережиток неолитической культуры, который несет в себе серьезные отголоски этой культуры. В язычестве тоже есть такие характерные признаки. Представители другой точки зрения, считающие, что Иисус — плоть от плоти человек, озвучивают взгляды группы христиан, не ставшей частью государства и сформировавшей собственное

течение. Точно так же в мусульманстве существует расслоение на официальный суннизм (государственная религия) и алавизм (религия общества, не признанного государством).

В IV столетии в христианстве происходят два серьезных преобразования. Первое — это превращение в государственную религию, что одновременно превращает христианство в религию цивилизации. Именно так стремились преодолеть серьезный духовный кризис, переживаемый материальной культурой Рима, то есть кризис узаконения. Другое превращение — это обретение христианством вселенских масштабов. Христианство вышло за узкие рамки небольшой группы святых, оно стало официальной или неофициальной религией больших масс народа. Первыми, кого можно назвать среди народов, принявших христианство, стали армяне, ассирийцы, греки и римляне.

Так начинается период, называемый Средневековьем. То есть, с одной стороны, это распавшийся настоящий Рим и восстановление на его руинах другого Рима — Рима эпохи Константина, основыванной на политике узаконения христианства, а с другой стороны, это активное усиление христианства, превратившегося в мощную волну идеологической культуры. Эти два фактора эпохи, называемой «темными веками», продемонстрировали необходимость веры в христианскую святую троицу. Это официальная религия с единым богом и религия «неофициальных» богов. Исторические преобразования в христианстве продолжают и в Средние века. Столкновение христианства с язычеством было кровавым. Предыдущие стычки с язычниками оказались предметом противостояния между Иисусом как богом и Иисусом как человеком — что, в конечном итоге, стало продолжением старой традиции противостояния сил цивилизации и этнических сил, но уже в новых условиях, под новыми масками.

Более общий комментарий к этой теме сводится к утверждению, что часть глубоких исторических корней новой культурной волны приобщила к цивилизации, приняла ее материальную культуру и таким образом деградировала, а другая часть избежала согласия с материальной культурой цивилизации, сохранив приверженность принципам культурно-идеологической гегемонии.

Охарактеризовав тысячелетний исторический период после распада Рима. То есть период между VI и XVI веками н.э., как время великого противостояния, конфликта и консенсуса между двумя тенденциями, одна из которых стремилась сохранить главенство материальной культуры, а другая не собиралась отступать от принципа главенства идеологической культуры, мы тем самым наиболее верно отразим исторические события. Такие определения, как «темное средневековье» или «феодалная эпоха» — лишь часть ответа.

В основном характер этого тысячелетия определило падение материальной культуры Рима. Ответы на вопросы, заполнился ли образовавшийся вакуум христианством или другими идеологическими культурами и элементами материальной культуры, дадут возможность оценить это событие всесторонне.

Носителями материальной культуры стали Византия на Востоке и целая волна новопостроенных городов на Западе, точнее, по всей Европе. Действительно, мы могли бы связать время формирования материальной культуры Европы с этим градостроительством. Если считать началом основание Парижа, римского поселения IV века, то говорить о господстве материальной культуры в начале XVI века нет оснований. Возникшие в этот период города не только не могут сравниваться с Римом, но и не особенно превысили уровень урбанизации Месопотамии и городских образований по обе стороны от Эгейского моря в VII-IV веках до н.э. Замки, построенные в Европе, были куда примитивнее, чем крепости и замки, построенные в III-II тысячелетиях до н.э. в предгорьях системы Тавра и Загроса. Собственно говоря, отмечая, что урбанизация, имевшая место в Европе в V-XVI веках, оказалась не способна преодолеть влияние «темных веков», мы можем подчеркнуть, что новая нравственная культура, гегемония идеологической культуры христианства была более успешной в сравнении с этим. Несомненно, преобладающее положение христианства было очень важно для европейской истории. Правы историки, считающие этот период эпохой культурной экспансии идеологической культуры, то есть нравственных ценностей христианства на фоне того, как материальная культура не смогла завоевать Европу.

Самый важный вопрос заключается в том, почему Рим остался на уровне материальной культуры двухтысячелетней давности. Еще важнее то, что христианство, как вера и нравственная система, которое не могло удовлетворить существующие потребности и жажду идеологической культуры, успешно завоевало всю Европу. Серьезным фактором в данном случае является то, что Европа оказалась, не затронута неолитическим влиянием. Что посеешь, то и пожнешь. Впрочем, тысячелетняя история подтвердила эту истину. Вторая причина может иметь внешние корни. Это угрозы нападения тюркских племен, исповедовавших как ислам, так и язычество, угрозы нападений арабов с юга, через территории Сицилии и Испании. Объединение этих двух факторов помогает лучше понять европейское средневековье, длительность эпохи «тьмы». В христианстве была серьезная потребность, поскольку язычество распалось вместе с Римом. Дохристианское язычество Европы, как вера и мораль, давно уже обнаружило смысловую неполноценность. Таким образом, сложились удачные условия для гегемонии христианства как культурно-идеологического фактора. Его материальная культура по сравнению с Римом всегда оставалась блеклой. Христианство не могло состязаться и с материальной культурой Востока. Общества, вышедшие из колыбели неолита, не могли построить такие величественные города, как Париж. На мой взгляд, эти два недостатка, а именно несостоятельность христианства как системы, способной удовлетворить потребность в идеологическом культурном голоде, с одной стороны, и пребывание городской структуры на уровне многовековой давности, с другой стороны, способствовали серьезному материальному скачку Европы в XVI веке.

Между бурным всплеском материальной культуры и гегемонией христианства как идеологической культуры существует тесная связь. Крупные межрелигиозные и межконфессиональные столкновения это подтверждают. Европейский капитализм, сделавший серьезный скачок в материальной культуре, успешно использовал слабости христианства, испытывавшего недостаток сильной идеологии. Капитализм покусился на то, чего никогда не

сделала ни одна предыдущая цивилизация. Он постоянно прятался в пустоте трещин на теле общества, удерживался на ногах и, доведя процесс превращения продукта в товар, то есть обретение обменной ценности, превратил сектантское мышление торговца и прибыли в официальную силу цивилизации; ему удалось создать новую эпоху. В этом смысле европейский капитализм смог перейти из средней стадии развития материальной культуры Рима на последнюю стадию. В следующих частях нашего исследования мы более подробно проанализируем вопросы, стала ли эпоха капиталистического модернизма кризисом цивилизации, или видом рака общества, или последней, старческой, стадией эволюции.

История ислама более запутанна. Для иллюстрации сложности проблемы достаточно упомянуть и ускоренные темпы приобщения к цивилизации, и постоянные столкновения с первых дней возникновения, причем столкновения как с иудаизмом и христианством, так и внутренние, межконфессиональные.

Два столетия, предшествовавшие появлению Мухаммеда на исторической арене, как мы уже говорили ранее, можно назвать кризисом последней стадии рабовладельческой цивилизации. Христианство, заметно укрепившись, преодолело этот кризис. Оно сумело стать организацией первых больших социальных слоев неимущих. Действительно за эти столетия заполнились христианские монастыри, поддерживавшие интерес к себе со стороны бедных народных масс. Христианство сумело стать альтернативной силой. Я должен завершить эту тему, но подчеркну, что несмотря на множество проблем во взаимоотношениях христианство и ислам имеют общее происхождение, поэтому я рассматриваю христианство и ислам в комплексе и хочу осветить как альтернативные возможности, так и скачок, совершенный исламом.

Оценка вступления ислама на историческую арену требует обращения ко многим обстоятельствам. Первое, ислам стал последней авраамической религией. Он выстроил себя именно на этой концепции. Таким образом, в основе ислама лежит исход Авраама, произошедший около двух тысячелетий до зарождения

ислама. Отсюда вывод: арабо-израильский конфликт в определенном смысле можно назвать столкновением двух конфессий одной религии. Второе, ислам оценивает мекканскую эпоху, во время которой он зародился, как эпоху невежества. Это в какой-то степени критика мекканского язычества. Третье, лично Мухаммед, вступавший в диалог с несторианскими монахами, мог иметь определенную связь с христианством. Четвертое, Мухаммед говорит о своем опыте в торговле — был он сначала работником, а затем стал мужем торговки Хатиджи. Пятое, ислам испытал сильное влияние родоплеменной структуры, насчитывавшей многие тысячелетия и постоянно занимающей центральное место в арабском мышлении. Шестое, ислам пережил последнюю великую эпоху Византийской и Сасанидской империй.

Можно написать множество томов о влиянии этих и ряда других второстепенных элементов на формирование и распространение ислама. Тем не менее, я хочу подчеркнуть, что ислам не был чудом, явившимся в пустыне, он стал неизбежным продуктом материальных исторических условий. И сила, и бессилие ислама связаны с этими условиями. Он не стал синтезом цивилизации, как ранний Шумер, или поздний Рим, — преимущественно потому, что это движение основано на вере и нравственности. Личность Мухаммеда, в отличие от Авраама, Моисея и Иисуса, нельзя назвать неопределенной. Известны многие его особенности. Свое послание, Коран, он адресовал не какому-то отдельно взятому роду, племени или классу, а всему человечеству. Слово «Аллах», которое чаще других встречается в Коране, по сути, становится основной темой теологических исследований. Мухаммед находится под глубоким влиянием этого слова. Он считает Аллаха Господином всех миров. Это слово очень часто встречается в Священной книге. Слово «Аллах», обладающее таким концептуальным величием, в социологическом смысле обладает способностью, необходимой для объединения природной и социальной религий. Наличие у Аллаха девяти имен отражает объединенное влияние сил природы и общества. Обстоятельства, которые верующие воспринимают как «вечные заповеди и законы», в высшей степени неопределенны. Подобно

тому, как обязанности социального характера носят временный характер, природные явления не могут иметь силу закона. Что касается буквы закона, то она является результатом чрезмерного регламентирования, присутствующего в укладе иудейского родоплеменного сообщества. Можно говорить о тенденциях, постоянно преобладающих в обществе. Именно это понимание закона позднее способствует укоренению консерватизма в исламе. Может быть, эта строгая приверженность законам была полезной с точки зрения устранения присущей этим племенам склонности к анархии. Однако, принимая во внимание скорость социального развития, мы видим, что опасность мировоззрения общины уммента ощущается в его спонтанном характере.

Сильная вера Мухаммеда в Аллаха выявляет его метафизическую силу. Он признает силу Всевышнего над собой и совершенно не подвержен «болезни», связанной с обожествлением собственной личности, как это можно было видеть в истории от Шумера до Рима. Вспомнив дискуссию о божественной сути Иисуса, можно сказать, что позиции Мухаммеда являются более передовыми. Однако его отрицательной стороной стала неспособность преодолеть влияние иудейской жесткости. Расплата за это происходит сейчас в арабо-израильской войне.

Вопрос преобладания материальной или идеологической культуры в обществе, которое хотел построить Мухаммед, достаточно спорен. Если в христианстве преобладающим является нравственность, то в исламе, на мой взгляд, налицо развита гармония. Сколь недостаточным и спорным ни показалось бы ее содержание, тем не менее, сильной стороной ислама можно считать именно уравновешенность материальной и идеологической культуры в структуре общества. Впрочем, сам Мухаммед отлично демонстрирует этот структурализм в своем хадисе «Работай для спасения души так, будто ты завтра должен умереть, работай для мира так, будто вовсе не собираешься умирать». Известно, что Мухаммед категорически отвергал и жестко критиковал уклад жизни в Риме, Византии, Сасанидской империи, даже древние системы фараонов и нимродов. В этом смысле он был радикальным критиком цивилизации. Но, ни материальные условия, ни идеологический потен-

циал его эпохи не позволили ему раскрыть собственное понимание города. Это напоминает неумение современных социалистов развить альтернативу. Многочисленные призывы Мухаммеда к нравственности свидетельствуют о том, что он прекрасно знал обо всех «болезнях» цивилизованного общества. Эта сторона его личности говорит о его реформаторском, даже революционном духе. Так, Мухаммед не признает общества, в котором не главенствует нравственность. Правила, которыми он урегулировал процент от капитала, препятствуют болезненному развитию капиталистического общества. Можем сказать, что именно эти обстоятельства ставят учение Мухаммеда впереди христианства и иудаизма в первую очередь. Известно, что он был противником рабства. Он умел сострадать и давать свободу. Мухаммед не был сторонником свободы женщины и ее равного положения с мужчиной, но вместе с тем он испытывал ненависть к полному порабощению женщины. Вывод, который мы можем сделать из его многоженства, включает в себя эти две тенденции. Он признавал роль собственности и классовые различия в обществе, но, как самый настоящий социал-демократ, старался предотвратить рост налогов, монополизацию и их господство в обществе.

Из этого краткого отступления легко понять, что Мухаммед и ислам не были сторонниками несбалансированной материальной культуры, но в то-же время и не были сторонниками одной лишь идеологической культуры, и этот баланс удался им мастерски. Это обстоятельство очень хорошо раскрывает причину, по которой ислам усилил свои позиции перед волной миграционных потоков цивилизации и прочими культурно-идеологическими образованиями. Вероятно, кроме шумерских и египетских жрецов, никакое общественное движение не смогло достичь такого мастерства в единстве материальной и идеологической культур так, как это удалось исламу. Говоря сегодня об усилении радикального или политического ислама, мы должны помнить об этой структурной особенности.

Есть определенная польза в возобновлении рассуждений о развитии материальной и идеологической культур после падения Рима и Сасанидской империи.

То, что правовая система, созданная в Риме, не смогла заполнить вакуум, созданный четырехтысячелетней рабовладельческой системой вместе с разрушениями человеческой совести и нравственности, в принципе, видно из самого факта падения Рима. Ясно, что рабовладельческая система внесла серьезную пустоту и в веру. Общество осознало, что боги вовсе не такие, какими их пытались представить, и веру в которых им навязывали на протяжении четырех тысячелетий. Идолопоклонничество уже потеряло свою прежнюю святость. Можно утверждать, что наступило время, когда даже самые хорошие памятники Юпитеру уже не стоили ничего. Грандиозные материальные строения за собой оставили разрушенное человечество.

Постоянные войны привели к тому, что мир стал лишь утопией. Можно сказать, что это был период кризиса и хаоса. Старые правила и формы жизни потеряли ценность, а новые еще не сформировались. Люди дошли до такого состояния, что будто ждали откуда-то вести об освобождении. Обстановка давала им чувствовать на себе разницу между раем и адом. Стали набирать обороты движения безработных в центре, рабов и кочевых племен вокруг центров. Сложилась идеальная ситуация, в которой историческая весть об освобождении нашла бы свой наилучший резонанс. Это было временем зари великих движений. Неотложная необходимость, которая могла возникнуть в этих условиях, это то, что в современном стиле называется новыми утопиями и программами. Результатом великих утопий и программ могут стать значительные движения. На протяжении истории всех предыдущих цивилизаций существовала потребность в освободительных утопиях и программах. В принципе, все движения, как внутренние, так и внешние, всегда имели свои утопии и рецепты практического освобождения. Но структурный и функциональный кризис рабовладельческой системы на этот раз оказался очень глубоким. Уже невозможно было управлять обществом в рамках рабовладельческой системы, условия не позволяли.

В таких условиях вместе с совестью человечества и его мышление испытывает голод. Когда последние материальные структуры уже не могли далее существовать, можно сказать, сформировались все условия для выхода на историческую арену мировых религий

(вести о свободе, взывающие к совести и разуму всего человечества). Серьезнейшее беспокойство вызывал вопрос, какой будет новая эпоха, если не рабовладельческой.

Много было сказано о феодальном обществе. Говорят, эта формация пришла на смену старой рабовладельческой. Но такого, же типа латифундии, на которые опирается феодальная формация, существовали в глубокой древности, уже в 4000-х годах до н.э. Можно напомнить, что в 2000-х годах до н.э. могли легко построить новые, более мощные замки, если их старые замки приходили в негодность. Еще с древних времен вокруг многих из них обитали массы крестьян и прислуги. На момент распада империй любая из иерархических ветвей в рамках одного этнического сообщества могла совершенно легко создать свое княжество. Карликовые государства, возникшие после распада Рима и Сасанидской империи, не особенно отличались от государств прежних периодов. Империи были ничем иным, как объединением, федерацией, конфедерацией нескольких таких мелких государств. Поселения, где они располагались, и их мышление не сильно отличались от уровня 6000-х годов до н.э., когда формировалось неолитическое общество. Ничего не изменилось в отношениях между мужчинами и женщинами. Отношения между крепостным и сеньором с древних времен не отличались от отношений между князем и его челядью. Собственность была такой же собственностью. Не было никаких революционных перемен в средствах производства. Мы много говорили о структуре правления и богах. В таком случае тяжело считать новыми цивилизациями те материальные системы, которые сформировались в V–VI веках н.э. Наконец, в городах Европы не было инфраструктуры, достаточной для зарождения новой цивилизации. Создаваемые империи даже в похвальбе не могли подняться выше руин Римской империи.

То же самое можно сказать и об империях, возникавших на Востоке. На мой взгляд, их скорее можно назвать остатками системы, предшествовавшей капитализму. Остатки — это полуразрушенные дома или кварталы, лежавшие в руинах. Эти государственные образования не пошли дальше ревизии древности. Вместе с тем нельзя отрицать материальные образования, существовавшие до капиталистической формации. Переходные к

капитализму образования могут быть самими разнообразными. Европейская урбанизация, в частности, после X века, является своего рода предвестниками капитализма. В таком случае гораздо полезнее воздержаться от таких понятий, как феодализм или темное средневековье. Наиболее верно, на мой взгляд, считать это историей поработанной социальной системы с ее богами в масках, насчитывающей четыре тысячи лет, но разложившейся в рамках «длительного срока». Разрушение неолитической системы продолжается, и по сей день. Я хочу сказать, что срок распада «долговременных» систем может охватывать столетия. Часто могут встретиться случаи ревизии системы. В крайнем случае, эти системы можно назвать поздними системами, возникшими после V–VI веков.

Какой же смысл имеют все эти обстоятельства с точки зрения ислама и христианства? В своих утопиях проповедники этих религий не могли не обещать райской жизни. Говорится также о тысячелетних царствах счастья. Это обстоятельство упоминается в любой утопии. Обещания рая у меня ассоциируются с мечтой об оазисе, которая не покидает странника в горячей пустыне. Но имеется всего лишь жизнь, превращенная в пустыню. Пророки тоже могут обещать обществам, в которых они проповедают, дни, полные надежд, и светлое будущее. Создание утопии райского будущего есть ничто иное, как поиск нового мира. В то же время утопия может стать убежищем для узника, обреченного на смертную казнь, или для тех, кто потерял все надежды на освобождение. Очень интересным представляется отношение Саддама Хусейна к Корану в моменты, предшествовавшие его казни. Коран — огромная сила, способствовавшая формированию мышления в период ожидания смерти. Это создание надежды для человека, оказавшегося совершенно беспомощным. Не зная условий рабства, нельзя понять послания, содержащиеся в священных книгах. Если мы не будем игнорировать метафизический характер человека, то поймем, что он создаст еще много различных утопий, в том числе и утопию о рае и аде. Этого требуют реалии человека. В противном случае не только тяжело прожить эту жизнь, но и не будет надежд на лучшую, светлую жизнь.

Должен добавить еще одно: страх смерти есть социальное явление. И это чувство было создано или навязано. Следовательно, созданный страх смерти может быть преодолен новыми социальными мерами. Не исключено, что из самого понятия смерти проявится новая, прекрасная форма жизни. Случаи смерти в природе это ни в коей мере не есть социальная смерть в человеческом обществе. Это происходит оттого, что глубокая боль и печаль, сопровождающие социальную смерть, совершенно противостоят явлению смерти в природе. Иначе говоря, если бы не было смерти, то не было бы и жизни. Именно поэтому ценность жизни заключается в постижении смысла смерти. Иными словами, это бессмертие.

Исламские и христианские утопии были привлекательны как выход из рабства. Но совершенно непонятно, чего от них ждать. Говоря о райской загробной жизни, они будто отражают удары реальной жизни. Несколько понятнее становится, если в качестве примера нового общества, которое будет построено, привести общины единоверцев в монастырях и медресе.

Медресе, монастыри, секты и конфессии — это программы и усилия, направленные на строительство нового общества. Обе религии прилагают подобные усилия и сегодня. Пусть не покажется удивительным, что эти поиски длятся две тысячи и полторы тысячи лет соответственно. В то же время лидеры христианских церквей и командиры захватнических армий ислама создали позднюю рабовладельческую систему, прошедшую ревизию. Обратите внимание, эти поздние рабовладельческие системы стали своего рода очагами для самих завоевателей. Они не были системами, пригодными для жизни основной части общества. Называть их соответственно исламской и христианской цивилизациями несколько затруднительно. Их утопии не ставят цель создания цивилизации, они озабочены одним — обретением свободы и улучшением жизни. Следовательно, верования и мораль этих двух учений не в состоянии дать ответ на вопросы, связанные с формированием новых цивилизаций. Они сыграли определяющую роль в крушении систем, насчитывающих четыре тысячи лет истории. На их месте были созданы княжества, города, имперские конструкции. Но они

не могут считаться частью исламской и христианской цивилизаций. В крайнем случае, их можно назвать их идеологически искаженными состояниями. Священник не может уйти из церкви и сесть на трон императора, имам не может уйти из мечети и стать главой государства. Впрочем, те элементы религии, которые стали частью государственной власти, нельзя назвать никак иначе, как извращениями. Что касается властей предрержащих, то они не преминули призвать народ к соблюдению требований религии, они предупредили об этом. Именно поэтому они господствуют и сегодня, правда, без должного авторитета и надежд.

Макс Вебер назвал капиталистическую систему цивилизацией, потерявшей свои чарующие качества. Естественно, в системе с самой развитой материальной культурой не может быть очарования. Этот стиль жизни возможен в мире, где господствует идеологическая культура. Ни ислам, ни христианство, ни похожие культуры не в состоянии облагородить капиталистический мир своим очарованием. Это может обеспечить только мощь социологии свободы, которая обогащена наследием идеологической культуры. В соответствующей части мы постараемся тщательно рассмотреть этот вопрос. Я уверен, что сама жизнь обладает самыми большими привлекательными способностями. Новый лозунг не должен быть «Или капитализм, или социализм!», он должен звучать так: «Или капитализм, или свободная жизнь!».

В таком случае будет легче ответить на вопрос о капиталистической цивилизации. Положив конец грандиозным империям, препятствовавшим становлению капитализма, но, не сумев поставить цели создания собственных цивилизаций и достичь их, обе религии, осознанно или неосознанно, фактически расчистили путь для капитализма. Валлерстайн, говоря о конфликте империй с капитализмом, сделал очень важное наблюдение. Макс Вебер делает более понятным то, как в духовном мире протестантизма капитализм нашел себе лазейку.

Хорошо, возможно ли было какое-то решение проблемы без создания цивилизации? Ответ стал бы своего рода возвратом к неолиту. Поскольку урбанизацию нельзя было отменить, торговлю также нельзя было предотвратить никак. Человек не мог быть

допущен к господствующему обществу. Несмотря на любую критику государства, оно не могло быть уничтожено в тех условиях. Впрочем, результатом этой безысходности стали монастыри, медресе, секты и мистическая жизнь. Они ощущали разрушительное, разлагающее влияние упомянутых категорий и старались освободиться от этого. Найденные ими выходы оказывались не более чем маргинальными. Именно по этой причине они готовы были влиться в новую цивилизацию.

Очень поучительно вновь обратиться к преданиям о племени Авраама. Евреи были мастерами в сфере торговли и финансов. Кроме того, они были сильны как летописцы. В период Рима и Сасанидской империи евреи были рассеяны по всему миру. Скорость просачивания еврейских денег и торговли во все сферы жизни была поразительной. Они были духом материальной культуры, точнее, ее незаметной силой. Летописцы заняли места пророков, которые всегда радовали самыми хорошими вестями о прошлом и будущем. Они стали одним из основных условий возникновения новой цивилизации или капиталистической системы. Немалое влияние они оказали и на утопические учения, ведь религия и бог тоже входили в сферу их достижений.

Христианство в пору расцвета своей идеологической культуры охватило буквально всю Европу. Культурная экспансия в Азию имела ограниченный характер. Немалая доля принадлежит христианству в тех следах цивилизации, которые наблюдаются в Африке. Ислам очень быстро продолжил распространение — от Аравийского полуострова до Северной Африки и Средней Азии. Были завоеваны все места пребывания древних цивилизаций, а новые территории остались империям с преобладанием идеологической культуры. Но на самом деле осуществлялось не расширение цивилизации, расширялся духовный мир. Кстати, христианство, говоря о тысячелетнем царстве Бога, подразумевает именно это.

Научные основы и христианской, и исламской утопий очень слабы. Более развиты их нравственные аспекты. Они испытывали влияние классической древнегреческой философии, в повторном оживлении которой они сыграли позитивную роль.

Теология христианства и ислама в какой-то степени основана на учениях Аристотеля и Платона. Определенную часть своего богословия они черпали в египетском и шумерском теологических учениях. Однако эти утопии отнюдь не были готовы стать освободительными. Еще раз подчеркну: основой религий является нравственность. Теология не такая успешная тема, как это принято считать. Поскольку нравственность еще не утратила своего значения, подобные учения в христианстве и исламе еще сохраняют свое значение. В части, касающейся социологии свободы, мы поговорим о месте этих учений.

Утопии не всегда безупречны. Зачастую они действуют в интересах большинства. Исламские и христианские утопии в этом смысле служат некоторому укреплению позиций капитализма. Но несомненно, что они часто вступают с капитализмом в столкновение. В разделе о капитализме мы еще вернемся к этой теме.

Относительно ислама можно подчеркнуть еще и то, что он способствовал началу безграничных и несправедливых культурных и территориальных экспансий варваров и родоплеменной аристократии. Зачастую говорят о том, что ислам часто унижал христианство. Подобное характерно для любой религии. Но дело в том, что нельзя говорить о столкновениях ислама и христианства, приобщившихся к государственности, как о религиозных столкновениях между исламом и христианством, это не вполне соответствует действительности. Мы хорошо знаем, что это были столкновения между цивилизациями, а религии всего лишь служили прикрытием.

В заключение коснемся в целом таких вопросов, как идеология, материальная культура и культура. Каждая из них является отдельной темой, требующей исследования. В процессе глобализации истории роль столкновений между рабом и господином, крепостным и сеньором опосредована и ограничена. Колеса истории вращаются по-иному. Мы разберем этот вопрос. То, что мы делаем, представляет собой общее, дилетантское исследование, но и его достаточно для того, чтобы понять историю и ответить на вопросы современности.

Не коснувшись хотя бы вкратце вопросов относительно другого крыла сопротивления, нельзя считать тему вполне освоенной. В последние периоды на рабовладельческую цивилизацию вместе с готами и гуннами, надвигавшимися с севера Европы, активные миграционные процессы осуществляли также арабы, которые шли с Аравийского полуострова, и, сменяя тактику сопротивления тактикой агрессивных нападений, совершали одну акцию за другой. Внутри этих племен, в доцивилизационную эпоху представлявших собой патриархальное общество, стала развиваться родоплеменная аристократия — и миграция кочевников, нападения арабов, их сопротивление другим силам были своего рода движением из сферы идеологической культуры. Это были энтузиасты, они были импульсивны и несли с собой «свежую кровь». Их утопии, в частности, проповедовали равенство, несли в себе признаки неолита, скорее всего, не воспринимали цивилизацию. Метафизика у них не достигла того уровня развития, как в религиях. В большинстве они влились в империи, стали для них «свежей кровью» и поставщиками воинов-наемников. Таким образом, они стали одной из самых грандиозных сил истории.

Не будь миграционных потоков древних германцев, тюрков, монголов, арабов, до них — хурритов, амореев и скифов, ход истории был бы, по меньшей мере, иным. Древние германцы и арабы поставили на колени обе римские империи, тюрки и монголы внесли свой вклад в распад иранской и византийской империй. Но вожди этих племен или сами пытались надеть короны императоров, или стремились найти свои места в армиях и бюрократических аппаратах разрушенных ими империй. Оставшиеся завоеватели или снова объединялись в родоплеменные сообщества, или в виде деклассированных элементов пополняли ряды маргиналов. Роль этих двух внутренних и внешних сил в падении рабовладельческого общества несомненна. Но они не могли сыграть аналогичные роли, касающиеся выдвижения социальной альтернативы или построения нового общества. Они могли разрушить, ограбить, но не созидать или сохранять.

Нашим трудом, который можно назвать исследованием, мы постарались вскрыть фундамент капиталистического модерниз-

ма. Мы постарались показать, плодом, каких исторических процессов стал капиталистический модернизм. Одной из основополагающих особенностей капиталистического научного управления является стремление выставить себя вне исторических рамок. В принципе, для утверждения себя как последней постоянной системы очень важны такие критерии, как развитие вне истории и отсутствие привязки к месту. В отсутствие критериев места и времени идеологи капитализма способны провести потрясающе подробный анализ своей системы. Они и так стали авторами бесчисленных опусов, связанных с микроисторией, фактографией злободневных процессов. Кроме того, подобно сужению категорий места и времени, они, кажется, хотят показать, что полностью свели на нет влияние времени и места. Своим трудом я пытаюсь продемонстрировать, что поразительными усилиями человека общественное течение, совершенно отличное от того, каким его пытаются представить идеологи капитализма, постоянно находится в движении. Пользуясь возможностью, я подчеркнул, что им не удастся избежать воздействия истории, и как бы капитализм ни стремился считать себя концом истории, многие силы, познавшие цивилизацию, лелеют в себе надежды, связанные со своей эпохой. Мы достаточно вооружены для того, чтобы перейти на стадию исследования капитализма. Пусть и повторяясь, но мы продолжим характеристику капитализма, как цивилизации и пути его исхода. Особо подчеркнем, какие достижения он унаследовал от предшествующих цивилизаций и какой вклад внес лично.

Эту часть моего труда можно тезисно раскрыть следующим образом: система государственной цивилизации, возникшая на базе сопряженного друг с другом формирования классов, городов и государства и развивающаяся путем постоянного умножения собственных сил вплоть до финансового капитализма, который является последней стадией этой формации, основана преимущественно на эксплуатации и угнетении сельских тружеников. Развивая процесс, эта система распространяет свое господство и эксплуатацию на расширяющиеся слои городских трудящихся. То, что государственная цивилизация, насчитывающая пятитысячелетнюю историю, до сих пор продолжает свое существование,

противостоя демократической цивилизации, которая, возможно, гораздо древнее нее, но не может избавиться от идеологической, военной, политической и экономической раздробленности, связано в основном с идеологической гегемонией государственной цивилизации. Системы, в которых господствуют сила и жестокость, могут достичь успеха лишь на базе идеологической гегемонии. Основное противоречие не просто имеет классовый характер, оно охватывает все уровни цивилизации. Историческая борьба, которую мы можем проследить, по меньшей мере, на глубину пяти тысячелетий, происходит между государственной цивилизацией (в основном зиждется на классовом обществе города и государственной власти) и демократической цивилизацией, которая не обрела форму государства, костяк которой составляет крестьянство и которая время от времени формировала содержание трудящихся-горожан. Все идеологические, военно-политические и экономические отношения, противоречия и борьба в обществе протекают под фундаментами этих двух основных цивилизаций.

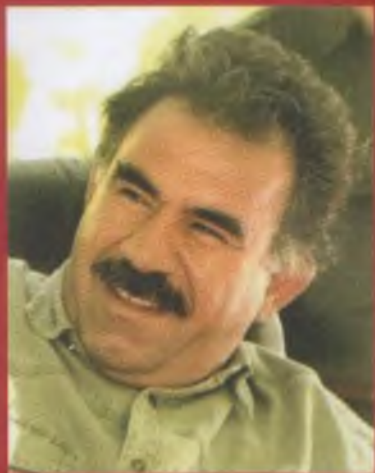
В последующих частях труда я постараюсь раскрыть содержание этого основного тезиса и конкретизировать его применительно к Ближнему Востоку и Курдистану.

Абдулла ОДЖАЛАН

**«Проблемы Преодоления Капиталистического Модернизма
И Демократизация»**

**Цивилизация Эпоха Божеств В Масках И Безликих Царей
Том 1**

Перевод, Я.С. Балаян,
Редактор, Валерия Ахметьева
Корректор, Мустафаев Мамед

Для меня совершенно очевидно следующее: истинная сила капиталистического модернизма зиждется ни на деньгах, ни на оружии; его истинная сила заключается в том, что он душил все социальные утопии, включая последнюю и самую сильную из них — собственно либерализм, способный окраситься в любые цвета и дать фору самому ушлому фокуснику. Пока не будет раскрыт механизм, позволяющий капитализму душил посредством либерализма все утопии человечества, не только не может идти речь о какой-либо борьбе с капитализмом, но, более того, даже философские школы, утверждающие свое превосходство над всеми остальными, не смогут избежать участи прислужников капитализма. Никто лучше Маркса не смог провести анализ капитала, мало кто смог углубиться в теорию государства и революции так, как это сделал Ленин. Но сегодня выясняется, что несмотря на несовместимость позиций марксизм-ленинизм предоставил капитализму очень серьезный материал, сделав неоценимый подарок, потому что капитализм и по сей день продолжает строить расчеты на наших чаяниях и волеизъявлении и пожинать плоды. Я не воспринимаю это ни как злой рок, ни как неизбежное диалектическое явление. Напротив, я пытаюсь сделать вывод о необходимости более тщательного изучения освободительных утопий.